З.И.Резанова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Русское производное имя

Томский государственный университет

З.И.Резанова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

РУССКОЕ ПРОИЗВОДНОЕ ИМЯ

Под редакцией д-ра филол. наук О.И. Блиновой

Издательство Томского университета

Томск - 1996

Р е з а н о в а З. И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. - 219 с.

Книга представляет собой опыт описания русского именного словообразования в функциональном аспекте. Рассматривается номинативная, синтаксическая и прагматическая направленность деривационных процессов в текстопорождении.

Для филологов: специалистов по общему языкознанию, словообразованию, лексикологии, синтаксису, преподавателей, аспирантов, студентов.

Рецензент - д-р филол. наук Н. Д. Г о л е в

ISBN 5 - 7511 - 0819 1

Р $\frac{462020102}{177\ (012)\ -\ 96}$

© З.И. Резанова, 1996

Светлой памяти
Маины Николаевны
Янценецкой
посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

В работе предпринята попытка представить модель описания словообразовательной подсистемы русского языка с позиций функционализма. Предлагается один из возможных вариантов функционального описания языковой подсистемы - коммуникативно-функциональная модель. Кратко охарактеризуем общетеоретические основания предлагаемой системы анализа.

Функциональный анализ интерпретируется как один из вариантов синхронного системного исследования языка. Термин "функция" синонимичен базовому термину системно-структурной модели описания языка - термину "отношение". И хотя в истории языкознания мы находим примеры использования этих терминов как дублетных (датский структурализм), в теориях, определяемых как функциональные, понятие *функция* гипонимично понятию *отношение*. Функция - это внешнесистемное отношение единиц: в пределах языкового уровня единицы связываются парадигматическими и синтагматическими отношениями; во внешней среде, которой является более высокий уровень иерархически организованной языковой системы, отношения элементов определяются как функция. При этом внешнесистемные связи - функции - определяют внутреннее устройство уровня. Целостность языковой системы, проявляющаяся в последовательной функциональной связи уровней, формируется, в свою очередь, его внешнесистемным отношением, коммуникативной функцией. Таким образом, функция языковой единицы осуществляется в пределах смежного, более "высокого" уровня системы языка, уровня также функционально определенного по отношению к единицам более "высоких" ярусов, конечная функциональная определенность достигается выходом к внешнеязыковому отношению - коммуникативной функции языка.

Общая установка системы описания, принятая в данной работе, заключается в том , что характеристика непосредственной функции элемента в пределах смежного уровня (фонемы - в морфеме, морфемы - в слове, слова - в предложении) должна вестись с учетом того, что характер проявления этой функции модифицируется в за-

висимости от совокупности последовательных функциональных включений единиц в иерархически организованную последовательность ярусов языковой системы. При этом все функциональные связи получают завершенность лишь в составе формального аппарата коммуникативной функции языка.

По отношению к единицам словообразовательной подсистемы языка представленная интерпретация термина "функция" преломляется следующим образом. Внутрисистемные отношения словообразовательных единиц - формантов, словообразовательных моделей - определяются их функцией в пределах внешней системы: в пределах лексического уровня языка, функция словообразовательных единиц (словообразовательных типов), по определению Н.Д.Голева, - словообразовательная. Системноязыковое назначение совокупности словообразовательных единиц языка - пополнение состава элементов лексического уровня языка. Лексикон, в свою очередь, обнаруживает значительное формально-семантическое разнообразие, обусловленное различием функций лексем в построении единиц синтаксичекого уровня - предложений (и их актуальных репрезентаций - высказываний). Формально-семантическое разнообразие лексикона определяет варьирование реализации деривационной функции элементов словообразовательного уровня. Варьирование в типе осуществления единой деривационной функции словообразовательных средств обусловливается своеобразием "заявки", идущей от лексикона, которая задается потребностями синтаксического уровня языковой системы. На этом линия последовательной функциональной обусловленности единиц не завершается. Так, высказывания (предложения) также имеют различную формально-семантическую структуру в зависимости от их функций при построении текста. Тип текста определяется, в свою очередь, вариантом реализуемой коммуникативной функции.

В результате непосредственная функциональная направленность единиц словообразовательного уровня, выявляемая в пределах лексикона, интерпретируется в контексте общей ориентации всех единиц языковой системы на выполнении коммуникативной функции как базовой функции языка. Общая коммуникативная направленность всех единиц системы языка определяет характер их непосредственной функции, выявляемой в пределах смежного уровня.

Исследуются варианты осуществления деривационной функции словообразовательных элементов в зависимости от коммуникативной направленности создаваемой единицы - производного слова. Деривационная функция единицы характеризуется как базовая, то есть такая, на выполнение которой направлены все единицы, эмпирически относимые к системе (в нашем случае - системе словообразовательных средств), эта функция и обеспечивает целостность

системы. Базовая функция реализуется в частных вариантах - частных функциях, зависящих от смены условий их осуществления.

Основания выделения частных функций могут быть самыми разными, в работе в соответствии с принятыми установками они выделяются на основании их связи с реализацией частных общеязыковых функций. Частные общеязыковые функции - это этапы осуществления коммуникации, этапы, которые выделяются в соответствии с тремя аспектами семиотического акта - номинацией, предикацией, прагматикой (см. 1, с. 340 - 342). Словообразовательные элементы выступают в качестве строевых в формальном аппарате частноязыковых функций. Частные словообразовательные функции, таким образом, представлены в их обусловленности коммуникативным заданием: словообразование включается в процесс построения текста с различной коммуникативной направленностью и на разных этапах его построения. В результативном аспекте это проявляется в том, что словообразование принимает участие в формировании различных смысловых слоев высказывания, создавая разные типы словообразовательных семантик. При этом словообразовательная семантика функционирует как активная текстопорождающая величина.

Представлена модель динамического, порождающего типа, исследуется включение механизмов словообразовательного переоформления слова в процессы текстопорождения. Но так как это собственно лингвистическое, а не психолингвистическое описание, динамическая модель строится на основе анализа не самого процесса, но его результата - текста.

Материал исследования - тексты, включающие производную лексику. Текст членится на высказывания, минимальные единицы, реализующие коммуникативную функцию языка. Исследуется смысловая структура высказывания. В производной единице выявляется ее словообразовательная структура, формируемая соотношением словообразовательной формы (отношение мотивирующей основы и форманта) и словообразовательного значения. Следующий этап анализа - исследование соотношения смыслов, выражаемых в слове словообразовательной формой, и смысла высказывания в целом. Из всех типов текстового включения производных слов выявляются и описываются примеры, в которых словообразовательная форма и семантика выступают как активные текстовые величины. Такие примеры интерпретируются как текстовое функционирование словообразовательной формы слова, словообразовательная структура слова выступает как компонент целостной структуры текста, словообразовательная семантика включается как самостоятельный компонент в формирование результативного смысла текста.

Словообразовательные модели в таких случаях в процессах текстопорождения ведут себя подобно процессам формообразования - их текстовая открытость подтверждается явлением формального и смыслового согласования с компонентами контекста. Напр., в высказывании *Дай мне книгу* падежные значения существительного и местоимения являются компонентами смысла текста, падежная форма определяется глагольным управлением; в высказывании *Подал книгу, встав из-за стола* деепричастная форма также обнаруживает семантическую и формальную зависимость от основного глагола: соотнесенность видовременных характеристик выражает смысл зависимого процесса, характеризующего течение основного действия, эта семантика также является составной частью смысла высказывания в целом и т.д. Производные единицы в контекстах *После приезда я зайду; Застает в доме похитителя* интерпретируются как "грамматикоподобные", словообразовательная форма и семантика входит в структуру высказывания как составной элемент: в производном приезд значение опредмеченного действия, выраженное словообразовательной формой (отношением производящей глагольной основы и суффикса со значением предметности) является текстообразующей величиной, выражает отношение зависимости названного им действия к действию, поименованному основным предикатом; во втором фрагменте производное имя также вводит зависимую ситуацию, называя, интерпретируя ее именем деятеля, в словообразовательно формируемой семантике имеются компоненты (субъектность, перфектное значение предикативного элемента словообразовательной формы), которые также являются текстовоактуальными.

Грамматическая семантика, рождаясь в ответ на запрос текста, выражается в пределах слова, носителем грамматического значения является словоформа, она и составляет объект грамматического исследования. Анализируемые в работе словообразовательные значения выражаются в словообразовательной форме в рамках производного слова и только через его посредство включаются в целостный смысл текста. Рассматривается аспект изоморфизма словообразования и грамматики (см. аналогичный подход - 2, с. 27 - 28, 279; 3, с. 194 и далее).

Объектом исследования в работе является производное слово в аспекте его словообразовательной формы, своеобразная "словообразовательная словоформа".

Цель анализа - выявить функциональную направленность применения словообразовательного преобразования исходной (мотивирующей) единицы в построении смысла высказывания как ответ на определенное коммуникативное задание. Языковая функциональная направленность деривационной операции выявляется через по-

средство определения типов функционального включения деривата в целостный смысл высказывания, специфики, обусловленной его производностью. Функция словообразовательной единицы как единицы языковой, системной, определяется через анализ речевых реализаций, воплощений в производных словах.

Исследуются такие контексты включения производного слова в формирование смысловой структуры высказывания, в которых в производном слове снимается противопоставление генетической и синхронно-текстовой производности. Независимо от того, синтезируется ли из составляющих морфем или извлекается как целостная, готовая единица, производное слово в таких употреблениях функционирует как формально-смысловая структура, расчлененная в соответствии с генетической производностью, несмотря на то что это единицы "отнюдь не обязательно новые относительно общей массы прошлого речевого материала...они могут миллионнократно повторяться, но при этом миллионнократно же образуются говорящим по определенным словообразовательно-синтаксическим правилам" (2, с. 279).

Доказательством текстовой направленности словообразовательной формы и семантики является смысловое согласование элементов словообразовательной структуры с лексической и грамматической семантикой текстового окружения производного слова. В работе выделяются и описываются элементы контекста, актуализирующие смыслы, выраженные словообразовательной формой. При этом может обнаруживаться содержательное совпадение компонентов грамматического, лексического и словообразовательного значений. Степень совпадения может колебаться в весьма значительной степени. Так, например, компоненты словообразовательного значения "опредмеченный процесс" производного имени бег соотносятся с лексико-категориальным значением "процессуальности" и грамматическим значением "предметности"; лексическое значение имени покупатель "тот, кто покупает" содержательно совпадает со словообразовательным значением, выраженным словообразовательной формой - производящей основой "покупа-" и суффиксом деятеля -тель; в производном резак "травянистое растение семейства зонтичных с плотными листьями, имеющими режущие края" словообразовательное значение совпадает лишь с одним из аспектов лексической семантики. Подобное содержательное совпадение не является основанием для непризнания самостоятельности одного из соответствующих значений.

Вместе с тем в функционировании слова проявляется относительный характер самостоятельности соответствующих разноуровневых значений. Фокусируясь в слове, они формируют его целостный смысл и спектр функциональных текстовых реализаций в условии

взаимовлияний. Так, например, языковое значение и спектр языковых функций лексем **бежать, бег, беготня, бегун** определяется различным соотношением лексических, словообразовательных (в трех последних) и грамматических значений.

Поставленные в работе задачи разрешаются на материале русского именного суффиксального словообразования. Имя интерпретируется как широкое функциональное объединение, включающее единицы лексико-грамматических классов существительного, прилагательного, наречия. Границы объединения определяются кардинальной функциональной противопоставленностью в составе высказывания единиц, называющих фрагмент мира (имя) и способ его бытия (глагол). Традиция такого противопоставления отмечается прежде всего в логических концепциях языка, идущих от античности; ср., напр. утверждение фундаментальности противопоставления слов, обозначающих "объекты мысли" (имена, артикли, местоимения, причастия, предлоги, наречия), и слов, называющих форму и образ мысли (глаголы, союзы, междометия) - (4, с.93). Имя как функциональный класс включает наименования предметов мира (существительное) и их атрибутов (прилагательное, наречие); глагол, и прежде всего глагол как таковой - связка есть, именует способ связи предмета и атрибутов, например в высказывании *Ночь была темной*.

При построении модели в качестве основного объекта анализировались производные имена существительные как базовый лексико-грамматический класс функционального объединения, имена прилагательные и наречия привлекались как дополнительный материал. Материал имеет ограничения и в словообразовательном отношении - анализировался корпус суффиксальных словообразовательных моделей как ядерная группа словообразовательных типов русского именного словообразования.

Также неравноценно в работе представлены и факты разных форм русского языка. Функционально-коммуникативная модель русского именного словообразования как целостная система взглядов строилась на основе анализа фактов современного русского литературного языка, данные русских народных говоров привлекались как дополнительные, проявляющие своеобразное преломление общерусских тенденций, обнаруживаемых в пределах литературного языка. Использовался, таким образом, по определению М.Н.Янценецкой (5, с. 41), принцип межсистемной дополнительности в отборе фактического материала исследования. Рамки работы не позволяют представить проанализированный материал во всем объеме, что побудило нас избрать иллюстративный принцип представления материала.

В качестве основного источника использовались тексты русской литературной художественной и разговорной речи, диалектной речи; толковые литературные и диалектные словари привлекались как вторичные источники.

Как известно, в художественных текстах коммуникативная функция реализуется как частноязыковая эстетическая, в реализации которой использование языковых средств подчинено целям создания образной структуры речевого произведения, что обусловливает весьма значительное индивидуально-стилевое своеобразие художественного текста. Поставленная в работе цель исследования системных языковых словообразовательных функций определяет подход к художественному произведению как тексту, представляющему реализацию потенциала языковых единиц разных уровней. В работе художественный текст анализируется в аспекте проявленности не индивидуально-авторского своеобразия, но в аспекте воплощения потенциала словообразовательных моделей как языковых единиц.

Вместе с тем анализ художественных текстов в заявленном в работе аспекте выявил определенные индивидуально-авторские пристрастия в употреблении словообразовательных моделей при построении текстов, что проявляется не в своеобразии смыслового наполнения общеязыковых словообразовательных моделей, но в большей или меньшей широте их использования, в степени проявленности смыслового и функционального потенциала модели в художественном пространстве одного произведения. При этом, представляется, активность текстового использования синтаксических дериватов определяется в большей степени стилистическим своеобразием, авторскими стилистическими пристрастиями; большая или меньшая активность в использовании производных имен мутационной деривации предопределена в значительной степени тематически; производные модификационного словообразования (в границах класса, определенного в работе) проявляются в зависимости от целостной образной структуры художественного текста.

В качестве иллюстративного материала используются преимущественно фрагменты тех художественных текстов, в которых анализируемая сфера словообразования представлена наиболее широко, в наибольшем разнообразии реализаций; источником литературной разговорной речи послужили изданные тексты русской разговорной речи (см. список источников), а также авторские записи, а источником диалектного материала - записи речи носителей русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби, материалы картотек, хранящиеся на кафедре русского языка Томского университета, диалектные словари.

Аспект анализа - текстовое функционирование производного слова, актуально проявляющее словообразовательно оформленную се-

мантику, - обусловливает отношение к толковым словарям литературного и диалектного языка как к вторичным, дополнительным источникам и предъявляет особые требования к информационной полноте иллюстративного фрагмента словарной статьи толкового словаря. Примеры деривационного текстового функционирования слова не всегда присутствуют в словарных статьях толковых словарей, что особенно характерно для словарной интерпретации слов, являющихся синтаксическими дериватами. Словарь зачастую ограничивается в представлении такого слова отсылкой к производящей единице.

Наиболее информативны в избранном аспекте исследования словарные статьи имен мутационной деривации. Причина этого не только в наличии в словарных статьях, описывающих такие производные слова, развернутых контекстов использования, но и в меньшей текстовой экспансии словообразовательной семантики имени мутационного деривата по сравнению с производными других функциональных сфер словообразования. В силу этого приводимый в словарной статье фрагмент может быть достаточно информативным для интерпретации функций производного мутационного деривата.

Поставленная в работе цель - создать коммуникативно-функциональную модель системы словообразования и описать с этих позиций русскую именную суффиксальную деривацию - обусловила необходимость обсуждения общетеоретических установок формируемой концепции, определения специфики аспекта исследования в сравнении с другими вариантами функциональных описаний словообразования, разрабатываемых в рамках более общей синхронной системной модели. Эти вопросы обсуждаются в главе 1 работы. Здесь же обосновывается выделение трех основных функциональных сфер именного суффиксального словообразования, по-разному реализующих базовую деривационную функцию, очерчиваются границы сфер, обосновывается их отличие от выявленных и описанных в рамках системно-структурной модели русского именного словообразования.

Представленная в главе 1 общая модель коммуникативно-функционального описания словообразовательной подсистемы языка в трех последующих главах применяется к описанию синтаксической деривации (глава 2), мутации (глава 3) и модификации (глава 4), выявляется и описывается своеобразие функциональной направленности в актах коммуникации трех разных типов деривационного преобразования единицы, проявляющееся в различии текстового функционирования семантики, формируемой словообразовательными средствами.

В заключении подводятся общие итоги исследования, намечаются аспекты дальнейшего изучения словообразования в коммуникативно-функциональном аспекте.

Автор выражает искреннюю признательность редактору книги проф. О.И.Блиновой, рецензенту проф. Н.Д.Голеву, а также доцентам О.И.Гордеевой, Т.А.Демешкиной, О.Н.Киселевой, Н.Б.Лебедевой, прочитавшим рукопись этой работы и сделавшим ценные замечания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов Ю.С. Семантическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. Т.32. Вып. 4.

2. Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. М., 1985.

3. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.

4. Арно А., Лаисло К. Всеобщая рациональная грамматика Пор-Рояль. М., 1990.

5. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.

ГЛАВА 1

К ОБОСНОВАНИЮ КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

1.1. Системно-структурная модель описания словообразования. Три смысловые сферы именной деривации

Теория словообразования сформировалась в отечественной лингвистике в рамках системно-структурной модели описания языка, модели, доминировавшей в период формирования молодой науки. Не проводя всесторонний анализ этого плодотворного направления, собственно и сформировавшего основы новой науки, отметим лишь те моменты теорий, которые, с одной стороны, представляются нам наиболее существенными, а с другой - будут необходимы как опора для дальнейшего рассуждения.

Как известно, своеобразие любой системы определяется спецификой элементов и отношений, ее составляющих, элементы и отношения взаимно детерминированы. При этом способ их организации определяется той функцией, которую данная система призвана выполнять в рамках более сложной сверхсистемы, реализуясь в ней в статусе элемента, т.е. в конечном итоге определяется отношением системы как элемента к другим элементам данной системы более высокого ранга (сущность элемента определяется его отношениями, совокупностью значимостей - основной постулат структурализма). В рамках структурного описания исследователь сосредоточен на определении внутрисистемных отношений как детерминирующих, системообразующих факторов, отвлекаясь от выяснения причинной стороны подобной, а не иного типа организации, от выхода в проблематику внешнесистемных связей. Исторически в XX в. системно-структурный анализ в языкознании в целом предшествует системно-функциональному, этот же путь прошла и отечественная теория словообразования, время становления которой - вторая половина века.

Формирующейся наукой в качестве актуальной осознавалась задача определения системного статуса ее объекта, являющего собой "отдельный языковой уровень, автономный в силу того, что он характеризуется собственными элементарными единицами... собственными специфическими способами объединения элементарных единиц в более крупные единицы... и, наконец, особой системой связей между подобными единицами" (1, с.74). В поисках специфической единицы словообразовательной подсистемы языка дери-

ватология двигалась в двух направлениях. Во-первых, в качестве "основной единицы структуры языка на словообразовательном уровне" выделялся деривационный формант (2, с.122; 3; 4, с.8), и прежде всего аффикс как ядерное словообразовательное средство. И хотя аффиксальная деривация составляет ядро словообразовательной подсистемы русского языка, выделенная единица не объединяла всех фактов, относимых к сфере словообразования, что определило необходимость введения более общего термина для вычленяемой единицы с подчеркиванием ее динамического статуса. В качестве таковой осознается структурно-функциональная единица - деривационный шаг, формально-семантическая операция преобразования исходного элемента (5, с.39). Это направление в поиске своего основного элемента шло через выявление специфики деривационной морфемы в ряду других, прежде всего собственно грамматических. Дериватологам предстояло сначала обосновать эмансипацию собственного предмета исследования, вычленение его из недр морфологии, а затем выявить область их взаимодействия и взаимообусловленности (см., например, 6, 7, 8).

Во-вторых, в качестве основной единицы определялось производное слово, т. е. элемент лексической системы, являющийся результатом формально-семантической операции преобразования, примененной к некоторой исходной (мотивирующей, производящей) единице (1. с.74; 6; 4, с.84; 9, с.421; 10, с.63 - 65 и др.). В рамках данного направления предстояло осознать специфику феномена производности, обособляющего часть лексикона, чтобы затем приступить к разрешению вопроса о взаимообусловленности лексических и деривационных процессов в системе языка (7, с. 351 - 356; 8, с.19 - 23). В ряде работ формант и производное слово осознаются соответственно как элементарная и основная единицы. Производное слово имеет формант, т. е. несет в себе следы формально-семантической операции преобразования исходной единицы, на фоне которой и осознается. Таким образом выделяется основное системообразующее отношение "производное - производящее": "система словообразования складывается из двучленных (парных) моделей, которые могут воспроизводиться по аналогии" (11, с.33). Именно в этом отношении выявляется собственно деривационная специфика производного слова, его особая оформленность, наличие у него особого типа значения - словообразовательного, имеющего, по определению Е.С.Кубяковой, "внутриязыковую референцию" (12, с.9 - 10). Так как словообразовательное значение имеет словный статус, существует в общем семантическом пространстве слова, закономерно встает вопрос о его соотношении как с лексическим, так и с мотивационным значением. Последнее отражает факт "индивидуальной" формально-семантической соотнесенности единиц лек-

сикона (см., например, 13, 14). "Дериватологический акцент" в описании феномена производности заключался в выявлении типовых моделей создания производных единиц лексикона, центральными терминами теории словообразования становятся термины "модель","тип" (см. 11, с.35; 15; 16; 17, с.126 - 128; 4, с.11; 8, с.44 - 45; 12, с.14 - 15 и др.).

В фокусе внимания дериватологов - типовые модели отношений "производное-производящее", организующие развертывание словообразовательной системы по горизонтали, "от производящего" - в систему словообразовательных парадигм и гнезд (например, 19, 20, 21, 22 и др.), и по вертикали, "от производного" - в систему словообразовательных типов (23, 24, 25 и др.), с дальнейшей их организацией в словообразовательные категории (4, с.129; 10, с.286; 27; 28, с.10; 41; 42) или словообразовательные поля (28).

Таким образом определены базовые единицы и основные, системообразующие отношения, типы организации элементов в системе. В результате словообразовательная система предстает либо как своеобразный модельный каркас (статическое представление), либо как порождающий механизм (динамическая модель), основным звеном которого является типовое отношение "производящее - производное".

Несмотря на сохраняющиеся до сих пор проблемы в исследовании формального аспекта отношений производности (наибольшую сложность представляет определение границ между морфами в русском языке, остающемся глубоко синтетическим языком), в центре внимания дериватологов оказался семантический аспект отношения производности, словообразовательное значение.

(Библиография разработки этого аспекта теории словообразования весьма обширна , отметим лишь обзоры (29, с.30 - 35; 30) и работы, оказавшие наибольшее влияние на становление теории (2, с.122; 4, с.238; 32, с.77; 33; 36)).

Словообразовательное значение, отражающее на семантическом уровне факт производности слова, может быть интерпретировано как семантический интегральный признак, объединяющий все факты, эмпирически относимые к процессам и результатам деривации.

Вместе с тем было выявлено и описано существенное различие типов словообразовательных значений (далее - СЗ), формирующих качественно разные смысловые сферы, особые зоны в словообразовательной системе. Различие в типах СЗ признается сущностным, кладется в основу фронтального, целостного представления словообразовательной системы русского языка в академических грамматиках (23, 34), наиболее авторитетных вузовских учебниках (35 и др.), ряде монографических описаний системы словообразования русского языка (37; 39, с.53 - 54; 4, с.115 - 120; 8, с.83 и далее).

В основе сложившихся в русистике представлений о сферах словообразования, вычленяемых по семантическому принципу, лежат взгляды Ш.Балли (43) и Е.Куриловича (44), противопоставивших, на основе различий функциональной направленности и соответствующих им семантических преобразований исходной единицы лексическую и синтаксическую деривацию, и положения М.Докулила (26), выделившего в сфере лексической деривации мутационные и модификационные словообразовательные типы (далее СТ).

Как отмечалось, в основу выделения семантических сфер словообразования кладется тип смысловых преобразований исходной единицы, т.е. различие семантических операций, в результате применения которых получена новая форма с новым содержанием и, как следствие, тип словообразовательного значения, фиксирующий результаты данных трансформаций.

К сфере синтаксической деривации относятся СТ, в результате действия которых производное приобретает новую грамматическую (частеречную) оформленность, что обусловливает возможность новой синтаксической функции деривата по отношению к производящему. Изменение лексического значения при этом минимально и обусловлено грамматической меной.

СЗ, отражающее подобный тип семантической соотносительности производного и производящего, формулируется в грамматических терминах. Этот уровень его представления оказывается достаточным для отражения существа преобразования (типа СЗ): **бежать - бег** "опредмеченный процесс", **хороший - хорошо** "адвербиализованный признак" и т.д.

К сфере лексической деривации относят производные, сущность семантических преобразований в которых заключается в изменении лексического значения, что определяет их новые номинативные возможности. Изменение грамматического значения в этом случае вторично и обусловлено номинативными потребностями.

Мутационное и модификационное словообразование в рамках лексической деривации противопоставлены по направленности трансформации лексического значения исходной единицы. К сфере мутационного словообразования относят процесс и результат формирования нового лексического значения, при модификации же СЗ привносит "некоторый дополнительный (модифицирующий, видоизменяющий) компонент значения" (23, с.265). По М.Докулилу, идеи которого нашли широкий отклик в отечественной теории словообразования, различие СЗ производных этих двух типов состоит в разном соотношении ономасиологического базиса ("старого" содержания, исходной семантики) и ономасиологического признака ("нового", приращенного значения). В мутационных СТ СЗ отражает отношение "нового" и "старого" в формуле "предмет (признак,

процесс), характеризующийся отношением к предмету (признаку, процессу), названному мотивирующим словом". Такой уровень обобщения отношений производного и производящего задается суффиксальной семантикой, стремящейся к грамматическому типу обобщения. "Грамматический фактор" в этой сфере словообразования неизбежно встречается с действием "лексического фактора", так как "именно в лексике выявляется "недостаток" лексического материала, необходимого для приведения лексико-семантической системы в соответствие с познанной картиной объективной действительности" (8, с.19).

По закону синтагм тического согласования деривационный аффикс испытывает влияние не только "соседа справа" - флексии, но и "левого" элемента - корневой, лексической морфемы. Словообразовательные модели имеют направленность на формирование лексикона в его тематической дробности, неоднородности. Взаимное действие двух факторов определяет своеобразное положение СЗ мутационных производных в системе языковой семантики, его промежуточный характер между лексическим и грамматическим значением (45, с.51), что непосредственно проявляется именно в мутационном словообразовании с его ориентацией на заполнение лакун лексической системы. Учет взаимодействия двух разнонаправленных факторов в формировании СЗ мутационного типа приводит к идее его иерархической организации (12, с.199), включающей ряд лексических конкретизаций, что является следствием тематической направленности модели СТ (40, 47).

В модификационных СТ СЗ фиксирует тип семантического приращения в производном, что отражается в словообразовательных формулах типа: "уменьшительное","уменьшительно-ласкательное", "увеличительное" и т.д. Описание подобных значений при выявлении своеобразия их природы не предполагает идеи иерархичности, родовидовой организации. К сфере модификационного словообразования в академических грамматиках русского языка отнесены и словообразовательные типы с метафорической словообразовательной семантикой (напр.: **нога - ножка** (мебели), **шляпа - шляпка** (гриба, гвоздя) (23, с. 205), что представляется несоответствующим идее частичного уточнения значения исходного слова, характерной для модификации.

Таким образом, семантические сферы именного аффиксального словообразования могут быть представлены следующим образом:

Таблица 1

АФФИКСАЛЬНЫЕ СТ

Тип дери - вации	Синтаксическая деривация			Мутация			Модификация				
Тип СЗ	Транспозиционные			Предметно-характеризующие			Модифицирующие				
	Опредмеч. признак	Опредмеч. действие	Опредмеч. адвербиализ. признак	Субъект по месту	Субъект по месту	Объект по орудию	Подобие	Женскость	Дестъ	Умалительность	Уменьшительность

В схеме приведены характерные СЗ, список принципиально неполон.

Три основные сферы словообразования выделяются по преимущественной направленности семантики деривационного преобразования. Однако между этими семантическими сферами существуют своеобразные переходные зоны - СТ, совмещающие семантические процессы двух разных сфер. При этом наложение, взаимное действие смысловых трансформаций прослеживается в семантическом пространстве как модели в целом, так и в семантике одного производного слова. Например, в рамках модели "основа глагола + 0 суф." создаются: 1) "чистые" синтаксические дериваты (утрата - утратить, потеха - потешаться.), СЗ в этом случае - "опредмеченное действие"; 2) производные, совмещающие синтаксические и лексические преобразования: а) СЗ "предмет по действию, для производства которого предназначен" (награда - наградить, дуда - дудеть, опора - опираться/опереться, улика - уличать), б) СЗ "лицо по характеризующему его действию" (брюзга - брюзжать, мямля - мямлить). Различие формулировок лексического значения обнару-

живает разноплановость семантических преобразований производящего, нацеленных на различные коммуникативные задания.

Более интересными представляются примеры СТ, в рамках которых создаются производные в результате одновременного действия двух разнонаправленных преобразований. Наиболее широко в лингвистике обсуждалось, начиная с известной работы Е. Куриловича (44), сочетание синтаксической и лексической мены, например, набойка - набивать : *Набойка каблуков здесь не производится*; *Поставьте, пожалуйста, металлические набойки на каблуки.* Соотношение процессов синтаксической и лексической мены может быть самым различным, возможно безусловное преобладание одного процесса, доминирующее над вторым и определяющее его; например, в производных *синяк - синий, писатель - писать* первично лексическое преобразование, производные созданы с номинативной целью, в производных же типа синева - синий, прополка - прополоть первична синтаксическая мена.

Соединение семантических преобразований, характерных для мутационного и модификационного словообразования, наблюдается, например, в СТ "основа прил. + суф. -ух(а)", "основа прил. + суф. -аг(а)"; ср. "чистые" лексические дериваты желтуха - желтый, старуха - старый и производные, являющиеся результатом лексического и экспрессивно-стилистического преобразования исходной семантики: добряга - добрый, толстуха - толстый. Соединение семантических процессов модификации и синтаксической деривации наблюдается в производных СТ "основа гл. + -ух(а)", "основа гл. + -он", "основа гл. + -н(я) и др.: голодуха - голодать, житуха - жить (ср. жизнь), показуха - показать (ср. показ), выпивон - выпить/выпивать, объедон - объедаться, ругня - ругаться, беготня - бегать и т. д. Таким образом, между основными сферами словообразования обнаруживаются зоны переходов. Линейная модель соотношения этих сфер (см. табл.1) может быть трансформирована: соотношение основных сфер русского именного суффиксального словообразования может быть представлено в виде круга с зонами постепенных перетеканий, переходов одной сферы в другую.

Рис. 1

1.2. Функционализм - одна из методологических установок современной научной парадигмы

Словообразовательная подсистема русского языка как совокупность элементов, характеризующихся специфическими свойствами, и их отношений в целом описана, что позволяет поставить вопрос о функциональной обусловленности структуры данной подсистемы. Такая постановка вопроса соответствует и сдвигу в современной общенаучной парадигме: к настоящему времени, замечает Ю.С.Степанов, " структура языка как совокупность элементов и уровней", "формальная структура... в основном, по-видимому, окончательно определена. Это позволяет заново, уже не умозрительно, поставить вопрос о функциях языка и об их структурной основе" (48, с.340).

Как отмечает Е.С.Кубрякова, функционализм - одна из составляющих "предпосылочного знания", "предварительного понимания" формирующейся в настоящее время лингвистической парадигмы, наряду с такими "установочно-познавательными принципами", как "экспансионизм - стремление как можно больше расширить область исследования", "антропоцентризм - рассмотрение языка в диаде "язык - человек" и "экспланаторность - стремление найти каждому языковому явлению разумное объяснение" (49, с.5 - 13).

Подобное положение функционализма в системе научного знания привело к значительной вариативности истолкования терминов "функция", "функциональный" как в рамках теорий, ориентированных на описание разных языковых уровней, явлений и т.д., так и обращенных к одному лингвистическому феномену. Следствием этого является множественность моделей описания языка в целом и его фрагментов, именующих себя функциональными. Истолкование термина "функция" - первая ось расхождения теоретических построений и практических описаний языка, именующих себя функциональными. Инвариантным признаком, объединяющим всю палитру красок функциональных теорий, является их обращенность к исследованию отношения.

1.2.1. Термины "функция", "функциональный" в системных моделях языка

Обычно, обращаясь к анализу использования в языкознании термина "функция", противопоставляют традиции, получившие теоретическое обоснование в рамках двух школ структурализма: глоссематики и Пражского лингвистического кружка (ПЛК). В исследованиях датских структуралистов, а затем прежде всего в работах по математической лингвистике термин "функция" используется как синоним терминов "отношение", "реляция", "зависимость" двух или

более единиц (50, с.123 - 124). Этот термин коррелирует с понятием оппозиции, широко применявшимся учеными ПЛК, а также в современных работах структуралистского направления.

Используемый учеными ПЛК термин "функция" синонимичен терминам "цель", "назначение": "... к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая определенной цели" (51, с.427). Ср. определение понятия "функция" в "Лингвистическом энциклопедическом словаре" (ЛЭС): "1) роль, (употребление, назначение) языка в человеческом обществе; 2) детерминированное соответствие (зависимость) единиц одного множества единицами др. множества" (52, с.564).

Подобное "раздвоение" термина в практике лингвистических исследований соответствует философской традиции. Так, "Философский энциклопедический словарь" дает следующее определение понятия "функция": "Отношение двух (группы) объектов, в котором изменению одного из них соответствует изменение другого", что соотносимо скорее с традицией глоссематиков; далее в словарной статье дается толкование понятия "функция", принятого в социологических исследованиях: "1) Роль, которую определенный социальный институт (или частный социальный процесс) выполняет относительно потребностей общественной системы более высокого уровня организации или интересов составляющих ее классов, социальных групп и индивидов... 2) Зависимость, которая наблюдается между различными социальными процессами в рамках данной общественной системы" (53, с.719). Как отмечает Н.А.Слюсарева, подобное "раздвоение" термина свидетельствует скорее о неразработанности данного понятия в современной философии, "сам термин используется в некоем техническом значении - все вроде понимают, что он обозначает, но что за понятие стоит за ним, остается недостаточно ясным" (54, с.7). Вследствие этого термин "применяется в различных областях и на различных уровнях изучения объектов" (55, с.151).

Итак, в социальных науках термин "функция" синонимизируется со словами "роль" и "зависимость", при этом оба истолкования сводимы к общему понятию "отношение". Что есть роль одного объекта по отношению к другому как не частный вид отношений? Такое же соотношение прослеживается в двух вариантах применения термина в лингвистике. Противопоставление двух традиций связано, на наш взгляд, прежде всего с тем, что в пределах первой, идущей от глоссематиков, рассматриваются внутрисистемные, внутриязыковые отношения элементов ("язык в себе и для себя") (ср. в ЛЭС: это значение "чаще применяется к единицам языка") (52, с.564). В пределах второй традиции описывается отношение языковой си-

стемы в целом как элемента более сложной системы, в которую он (язык) входит. Исследователь выходит за пределы языка в его связи, среди которых важнейшие - "язык - человек", "язык - общество". Итак, цель, назначение - один из видов отношений, связанных с выходом за пределы микросистемы в более сложную.

Третья традиция использования терминов "функция", "функциональный" в языкознании может быть интерпретирована на фоне первых двух. Она связана с формированием представления о системе языка как уровневой, иерархично организованной. При этом функция единицы одного уровня - это вид отношений, связывающий ее с единицами других подсистем: функция фонемы - строить морфемы, морфемы - слово и т. д. Исследователь, использующий данный термин, остается в пределах языка, но изучает межсистемные связи. Этот тип отношений элемента подсистемы характеризуется как сущностный: любая единица языка определяется по ее функции (отношению) за пределами подсистемы, которую она образует.

Предлагаемая в работе модель описания функций словообразовательной подсистемы языка опирается на истолкование термина "функция" как внешнесистемного отношения единицы. При этом полагаем, что истолкование функций любого элемента системы возможно лишь в связи с осуществлением внешнего языкового отношения - коммуникативной функции.

На рис. 2 - 5 соотношение использования терминов "функция", "функциональный" можно отразить следующим образом, ограничив язык в виде круга, элементы обозначив точками, отношения - стрелками.

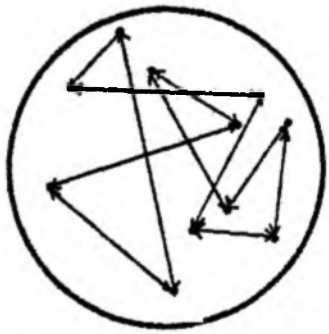


Рис. 2. Функция - реляция элемента системы языка. Внутрисистемная плоскостная модель

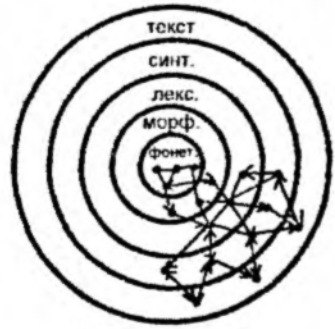


Рис. 3. Функция - назначение, роль элемента системы языка. Внутрисистемная иерархическая модель

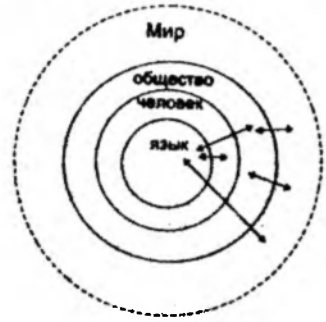


Рис. 4. Функция - назначение языка как элемента более сложной системы. Экстрасистемная модель

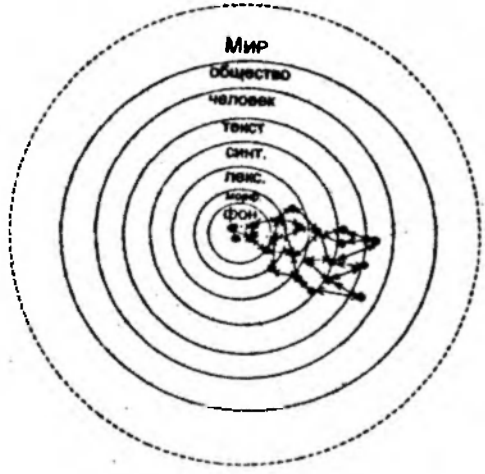


Рис. 5. Функция - назначение, роль элементов системы языка в их обусловленности функцией (ролью) языков. Коммуникативно-функциональная модель

Как видим, модели описания языка, использующие в качестве основных, "идееформирующих" термин "функция", обращены к разным проявлениям существования глобального явления "язык". При этом четвертая модель (рис.5) представляется нам синтетической, объединяющей все предыдущие, в силу чего более объяснительной. Предлагаемая в работе система описания функционального аспекта словообразовательного уровня опирается на четвертый тип интерпретации термина "функция". Как отмечалось во введении, наиболее существенной чертой модели, опирающейся на подобное ис-

толкование термина "функция", считаем признание неокончательности функциональной характеристики любой языковой единицы вне выявления ее обусловленности коммуникативным заданием, по сути, признание факта, что все единицы языковой системы ориентированы через посредство частных уровневоопределенных функций на выполнение коммуникативной функции.

В современной лингвистике именно с такой моделью связывается понятие "функциональный". Определяющими среди всех видов отношений являются внешние отношения: "язык - внеязыковые феномены: человек, общество, мир". В качестве основных функций/отношений выделяются когнитивная и коммуникативная. Приведем лишь одну из широкого круга формулировок примата выявления языковой функции при постижении сущности языка: "Использование языка в человеческом общении и социальных взаимоотношениях имеет фундаментальное значение для понимания его природы" (56, с. 377). Устройство языковой системы таково, потому что она (система) призвана выполнять определенные функции в другой системе, включена в определенные отношения с другими элементами более сложной системы: "Субстациональные характеристики языка как материально-идеального образования ... и атрибутивная характеристика его как знакового образования покрывается полностью функциональными характеристиками и, более того, существует лишь на их основе" (54, с.11). Отношения-функции единиц одного уровня языка, а также межуровневые отношения единиц существуют таковыми для того, чтобы язык как целостное образование был способен осуществить свою функцию-отношение - коммуникацию. В рамках данной модели исследователь ставит перед собой "цель описать язык во всех его звеньях, однозначно выполняющих свои функции в процессе речевого общения", такая модель "последовательно охватывает собой как единство отдельные изолированные элементы с их внутренних, относительно обособленных сторон и обосновывает каждый элемент как составную часть интегральной системы языка" (58, с.4 - 5).

В схеме уровневого членения языка появляются новые страты, в объект лингвистического анализа включаются новые единицы - высказывание, а затем текст как единицы, "в которых воплощается коммуникативный смысл... что в некотором роде означает признание в качестве исходных единиц языка - единиц высшего уровня" (58, с.22; см. также 61, 62). В такой модели языковые элементы фонема, морфема, слово, предложение рассматриваются как строевые, получающие завершение лишь в составе высказывания (и далее - текста), реализующих коммуникативную установку говорящего: "В речи не слово, но высказывание выступает как подлинный полноценный лингвистический знак. Слово же, включенное в высказывание,

оказывается частью знака. В связи с этим внутри высказывания слово может претерпевать различные семантические трансформации, изменять свое значение, подвергаться семантической нейтрализации, десемантизации и т.д." (59, с.14). Ср. также утверждение М.Бахтина: "Предложение является значащим элементом целого высказывания, приобретающим свой окончательный смысл лишь в этом целом" (60, с.262). Высказывание - единица, в которой фокусируется диалектическое единство языка/ системы и языка/речи, так как оно, "функционируя в речи, является местом средоточия и формально-структурного, то есть собственно-грамматического, и семантического, и, естественно, функционального" (54, с.69).

Вместе с тем в рамках функционального аспекта исследования языка вырабатывается представление, что высказывание должно рассматриваться как единица, функция которой - строить текст (64; 65). Как отмечает Л.Н.Мурзин, "предложение [автор использует этот термин как дублет термина "высказывание"] и текст отличаются не столько объемом, сколько положением в уровневой иерархии. Текст состоит из предложений, даже если из одного предложения" (65, с.8).

Возвращаясь к вопросу о соотношении элементов системы языка и текста, следует подчеркнуть возможность орудийной интерпретации текста по отношению к этим элементам: "В этом случае текст рассматривается не просто как один из объектов исследования, но и как орудие, с помощью которого можно раскрыть функциональную природу языка в целом и каждого компонента в отдельности" (65, с.4).

Таким образом, в представленной в работе функциональной модели русского именного словообразования единицей анализа является производное слово, реализованное в тексте (элементарной текстовой единице - высказывании).

1.2.2. Языковые и речевые функции элементов

Вторая ось расхождения функциональных лингвистических построений находится в зависимости от того, ведется анализ и описание сложнейшего феномена "язык" в аспекте его системного существования или речевого. Две стороны, два аспекта бытования одного явления в анализе могут быть вычленены и описаны в относительном обособлении. Оно всегда относительно, так как единственным реально наблюдаемым объектом исследования является речевое произведение, текст. Системо-(языко-)центрические и текстоцентрические исследования противопоставляются скорее фокусировкой аспекта, ибо в любого рода анализе выявляются и абстрактные языковые элементы, и их речевые воплощения. В системоцентрических

исследованиях из бесконечного многообразия текстовых реализаций извлекаются обобщенные, надындивидуальные модели. В анализе речевых произведений в фокусе оказывается индивидуальное варьирование общеязыковых, системных единиц и их связей. К этому типу функциональных описаний относятся работы по стилистике художественной речи, предмет исследования в которых - текст как порождение индивидуального творчества Говорящего, рожденного языком, эпохой, художественным направлением, эстетическими задачами и т.д., преломленными в неповторимости эстетического Я.

Предмет анализа в исследованиях, выполненных в функционально-системном аспекте - языковые механизмы, типовые модели функционирования, воплощенные в многообразии речевых реализаций. Объект наблюдения и в данном случае - текст, но из совокупности текстов извлекаются типовые модели. В работах этого направления исследуется функционирование языковых единиц, которое понимается "как обусловленное строем языка и актуализируемое в речи взаимодействие разноуровневых элементов языковой системы и среды. Самый процесс функционирования осуществляется в речи, однако закономерности, правила и типы функционирования языковых единиц относятся к системе языка" (66, с.9). А.В.Бондарко предлагает различать в исследовании функциональной стороны языковых единиц потенциальный и результативный аспекты. Первый - "присущая той или иной единице в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию", второй - "результат функционирования данной единицы во взаимодействии с ее средой, то есть назначение как достигнутая в речи цель" (66, с.17). Исследователь, имея дело с совокупностью текстов, наблюдает серии достигнутых результатов, из вариантов воплощений которых выстраивается представление о функциональной потенции языковой единицы. В данной работе, анализируя серии функциональных включений производных слов в построение текста, мы выявляем языковой функциональный потенциал словообразовательных единиц, результатом применения которых и являются соответствующие производные.

В работах системно-функционального аспекта прослеживается разная степень обобщения, "поднятости" над индивидуальностью текста как объекта речетворчества. "Надтекстовое обобщение" наиболее характерно для работ первой и второй моделей. В работах такого типа из высказываний как речевых произведений извлекается только надындивидуальное.

Как только предметом анализа становится связь "язык - человек" (третья и четвертая модели в данном обзоре), акцент в анализе текста переносится на те его свойства, которые можно объяснить из особенностей реального акта коммуникации. В фокус анализа по-

падают основные элементы коммуникативного акта, и прежде всего Говорящий и Слушающий, содержание, условия и цели коммуникации в их разноплановых, но, подчеркнем, типовых характеристиках (58; 66, с.19 - 20). Структура речевого произведения определяется не только и не столько содержанием, но целью и намерением Говорящего, его обращенностью к компетенции Слушающего разного типа. Следствием этого является многослойность смыслового членения текста и высказывания как его минимальной единицы, порождаемая действием разнородных факторов акта коммуникации. Количество выделяемых смысловых срезов варьируется в различных исследованиях, при этом помимо формально-смыслового сечения текста, как минимум, выделяются еще два: пропозициональный, "обращенный к констатации тех или иных фактов или событий", и аспект коммуникативной установки, "преобразующей предметную информацию в факт сообщения" (58, с.41). Формируется представление о существовании, с одной стороны, специализированного формального аппарата разных смысловых срезов текста, с другой - представление о возможности функциональной многослойности одного формального средства. Проецируя установки такого подхода на исследование словообразовательной подсистемы языка, в качестве гипотезы выскажем предположение о том, что элементы словообразовательного уровня могут иметь функциональную направленность не только к формированию номинативно-отражательных, но и модусных,коммуникативных смыслов текста, о том, что один словообразовательный элемент может иметь сложную, разнонаправленную функциональную характеристику.

1.2.3. Исследование функций языковых элементов с ономасиологических и семасиологических позиций

Третья ось расхождений в функциональных лингвистических исследованиях связана с базовым противопоставлением ономасиологического и семасиологического подходов к описанию языковых явлений.

В отечественном языкознании ономасиологическое направление функциональных исследований представлено прежде всего теорией функциональной грамматики: "Грамматика данного типа рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантической функции" (66, с.6). В таких исследованиях "за основу берутся семантические категории грамматики и семантические функции, объединяющие разноуровневые языковые средства", "лингвистический анализ при таком подходе направлен на изучение взаимодействия элементов разных уровней на функциональной основе" (66, с.7).

В работах семасиологического направления предметом анализа являются единицы какого-либо уровня и ставится задача выявить всю палитру их функционирования. Представляется, что последовательно семасиологическое исследование словообразовательной подсистемы представлено в работах, в которых термин "функция" истолковывается как отношение, реляция. Исходным моментом анализа является нахождение единиц уровня, ведется исследование их семантики и совокупности соотношений (функционального распределения) в системе. Яркий пример последовательно семасиологической интерпретации русского словообразования представлен в "Русской грамматике" (23). В работах функционального направления, использующих термин "функция" в значении "роль", "назначение", последовательно семасиологическим является лишь первый этап исследования: отправным моментом анализа при этом является также поиск и осознание семантической специфики единиц словообразовательной системы. Самое исследование функций единиц в пределах лексического или синтаксического уровня предполагает изучение системы смыслов, выражаемых единицами этих уровней, и лишь на этой основе - выявление места словообразовательных единиц в системе средств выражения соответствующих значений, т.е. исследователь на этом этапе идет в анализе от системы значений к средствам их выражения, фокусируя внимание на роли единиц анализируемого уровня в выражении этих смыслов. В качестве примеров такого рода исследований назовем серию работ М.Н.Янценецкой и ее учеников (8, 24, 25, 46, 47 и др.).

Для работ четвертой модели истолкования термина "функция" характерна еще большая степень слияния семасиологического и ономасиологического типов анализа. Семасиологическими такие работы являются лишь по отправной точке исследования - избранию в качестве единицы анализа элементов одного языкового уровня, на втором этапе необходим переход к аспекту "смысл - средства выражения". С последовательными ономасиологами представителей этого направления функциональных уровневых исследований сближает и ряд исходных теоретических посылок: осознание многослойности смыслового членения высказывания, а также того факта, что высказывание как элемент текста являет собой сферу функционирования всех единиц языковой системы, вступающих в активное межуровневое взаимодействие, признание незавершенности смысла всех единиц системы языка вне их функционирования в тексте. В работах такого типа выявляются первичные и вторичные функции языковых единиц, условия их реализации, взаимодействие с элементами данного и других уровней языковой системы при разного рода функционировании, вследствие чего работы такого типа не могут быть охарактеризованы как чисто семасиологические. Таковыми

они являются по отправному пункту исследования. В этом случае наблюдается определенная корреляция ономасиологического и функционального подходов (69; 70, с.7; 71, с.14 - 18). Назовем лишь наиболее яркие, на наш взгляд, работы, представляющие функциональную природу элементов разных языковых уровней.

Так, в работах Н.Д.Арутюновой доказывается, что фундаментальные семантические различия единиц лексикона определяются ориентацией элементов на выполнение различных функций в составе высказывания, прежде всего идентифицирующей и предикатной (72, 73 и др.). В работе Е.В.Красильниковой анализируются морфологические формы существительного в их соотнесенности "со всеми уровнями синтаксического представления текста, со всеми аспектами синтаксической семантики", что "предполагает обращение к следующим аспектам семантической структуры высказывания: денотативному, коммуникативному, прагматическому, а также к формально-синтаксическим и семантическим связям в высказывании и тексте" (74, с.3, 65). Е.А.Земская в работе "Словообразование как деятельность" ставит задачу "осмыслить и охарактеризовать современное словообразование как один из важнейших дейсвующих механизмов языка, который используется говорящим в процессе общения в различных целях" (77, с.5).

В данном исследовании представлено совмещение семасиологического и ономасиологического анализа: анализ является семасиологическим по исходным единицам описания - элементам словообразовательной подсистемы языка, но исследуется их роль в построении целостного смысла текста, роль, которую данные элементы выполняют, вступая в активное взаимодействие с единицами других уровней.

Таким образом, поставленная в работе цель исследования функционального аспекта русского именного суффиксального словообразования разрешается в рамках модели, которая может быть охарактеризована как коммуникативно-функциональная, системно-языковая, семасиолого-ономасиологическая.

Отметим наиболее важные, на наш взгляд, исходные теоретические предпосылки такой модели.

1. Глобальный функционализм описания, проявляющийся в осознании того, что "причину сущностного единства человеческого языка естественно искать ... в единстве языковой функции, то есть в единстве функциональной обусловленности структуры языка" (67, с.19). Язык рассматривается как элемент более сложной системы, вступающий в отношения с ее другими элементами. В качестве важнейших осознаются функции "язык - человек", "язык - общество", "язык - мир" в их неразрывной связи (52, с.564 - 565; 58, с.7; 78, с.31).

2. Предметом анализа является язык в действии, исследуется динамика языка, но не его статика.

3. Преодолевается уровневый атомизм модели структурно-системного описания языка, для которого характерна идея поуровневого функционирования единиц языковой системы. Реальная сфера функционирования всех единиц языковой системы - текст.

4. Основная единица анализа - текст как языковая структура, в которой реально осуществляются ментальная и коммуникативная функции языка в их единстве. Минимальная единица анализа - высказывание, осуществляющее взаимосвязанный акт номинации/коммуникации. Единицы низших уровней языка рассматриваются как строевые, их анализ ведется с точки зрения того, какой вклад каждый элемент вносит в построение общего смысла высказывания, через его посредство - смысла текста в целом.

5. Текст есть результат действия разнородных факторов акта коммуникации, что порождает многослойность, неодномерность его смысловой структуры. Строевые элементы высказывания могут быть ориентированы как на формирование отдельных слоев, "срезов" смысла, так и на совмещение функций, их определенный синкретизм.

6. В объект лингвистического описания включаются Говорящий и Слушающий, "в сферу лингвистического описания вторгается прагматика. ...Язык есть не просто средство передачи информации, но и регуляции отношений между людьми, воздействия на них, понуждения к определенным действиям, поступкам". "Выстраивается новая иерархия уровней - синтаксис подчиняется семантике, а она - прагматике" (56, с.379), в фокусе внимания оказываются явления "упаковки", то есть те явления, которые в первую очередь связаны со способами передачи сообщения и лишь потом с сообщением как таковым" (68, с. 279).

1.3. Функционализм в описании словообразовательной подсистемы русского языка

Разработка различных моделей описания словообразовательной подсистемы языка в рамках функционального подхода предпринималась в работах Г.С.Зенкова (15, 79), Е.А.Земской (77 и др.), Е.В.Кубряковой (12 и др.), Е.Л.Гинзбурга (80), Л.П.Катлинской (40), М.Н.Янценецкой (8, 24 и др.), Л.Н.Мурзина (82, 83 и др.).

При этом также можно отметить разное понятийное наполнение терминов "функция", "функциональный" в применении к описанию фактов словообразования. Функциональный подход в словообразовании развивается на основе системно-структурного и в его недрах, сначала как отдельные замечания об общей функциональной на-

правленности подсистемы, ее базовых единиц, затем в виде описания фрагментов подсистемы, причем выбор фрагментов в качестве предмета исследования весьма симптоматичен (см. об этом далее). Но до сих пор целостное описание всей системы словообразования в функциональном аспекте, подобно системно-структурному, представленному в академических грамматиках, не предпринято.

Динамика изменения понятийного наполнения термина "функция" в дериватологических исследованиях видится следующей: от "функция - зависимость, реляция" к "функция - цель", от внутрисистемного, уровневого анализа к представлению словообразования как одного из механизмов осуществления коммуникации.

Последовательно структуралистская интерпретация термина "функция" представлена в монографии Г.С.Зенкова, стоящего у истоков теоретического осмысления проблем словообразования в русистике (15, 79). Опираясь на основополагающие для структурализма положения Ф. де Соссюра о примате функции /отношения над субстанцией при определении тождества языковой единицы, Г.С.Зенков формулирует правила выявления функциональных единиц словообразования - суффиксемы и дериватемы. Так, дериватемы - "идеализированные дифференциальные элементы, абстрагированные от физической субстанции одноразрядных словообразовательных типов по линии словообразовательных средств и соотносимых с функциональной нагрузкой в системе языка" (15, с.10). Функциональная нагрузка словообразовательных единиц в системе языка в данном случае - это функциональное распределение единиц - суффиксем и дериватем - в словообразовательной подсистеме, это значимость элементов словообразовательного уровня, определяемая совокупностью соотношений в пределах уровня. Самая единица предстает как идеальная сущность, совокупность отношений.

"Функциональное словообразование" в докторской диссертации Л.П.Катлинской - это функциональная языковая подсистема, цель которой - пополнение единиц лексикона. Такую модель можно определить как модель внутрисистемную, поуровневого функционирования (второй тип истолкования термина "функция"). Задача описания языка в действии, т.е. как единого целого, обеспечивающего переход "от семантического представления к тексту и обратно" преломляется таким образом: понятию "семантическое представление" ставится в соответствие явление лексико-словообразовательной мотивации, "понятию *текст* соответствует *производное слово* (курсив мой. - *Р.З.*) в единстве его формально-содержательных характеристик" (40, с.17 - 18).

В целом же для этого направления в использовании терминов "функция", "функциональный" характерна скорее общетеоретическая постановка вопроса о функциях словообразования, в первую

очередь в связи с разрешением проблемы уровневого статуса в системе языка объекта формирующейся науки; при этом особость функции всегда осознавалась в качестве важнейшего признака самостоятельности уровня (8, с.18). В качестве основной функции словообразовательного процесса выделялась номинативная: "словообразование, создавая лексические единицы, служит процессу номинации" (8, с.15), "все средства словообразования, все его приемы и модели возникают и существуют для того, чтобы служить задачам номинации" (31, с.223, см. также 81, с.17 - 18).

Отмечая в качестве базовой номинативную функцию, ряд авторов, опираясь на идеи польских и чешских ученых Е.Куриловича, М.Бродовской-Гановской, В.Дорошевского, выделяют также морфолого-синтаксическую направленность ряда деривационных процессов. В результате утверждается представление о двойственной функциональной направленности словообразовательного механизма (8, с.33 - 34; 12, с.179). Путь анализа - "от замкнутого описания отношений слов к функциональному описанию словообразования в связи с номинацией и синтаксисом" (12, с.138). Именно на материале синтаксической деривации идет формирование новой функциональной модели словообразования, смещение от словоцентрического к текстоцентрическому представлению системы словообразования, преодолевается уровневый атомизм в интерпретации словообразовательного функционирования. Формируется представление о том, что словообразовательный механизм выступает средством пополнения не абстрактного лексикона, существующего "в себе и для себя", но единиц лексики, направленных на формирование текста. Словообразовательный механизм создает слова для разного рода их функционирования в речи, самое "образование новых единиц в языке обусловлено потребностями в построении текста" (82, с.3), "так как очевидно, что все формальные видоизменения одного слова существуют для того, чтобы обеспечить его нормальное функционирование в тексте и, следовательно, внутри высказывания" (12, с.179; см. также 106, с.275).

Через проблему "словообразование и синтаксис" (12, 65, 80, 83 и др.) исследователь выходит к разработке проблемы словообразования в коммуникативной деятельности, в языке, осуществляющем коммуникацию, в противоположность модели описания словообразования в языке-системе. Появляются работы, в которых концептуально важным является представление слова как функциональной единицы коммуникативного акта, словообразовательные механизмы предстают как коммуникативно направленные. Это прежде всего относится к работам И.Б. Шатуновского, исследующего также материал синтаксически ориентированной деривации (при расшире-

нии границ применения термина по отношению к традиционно принятому) (84, 85).

Словообразовательный анализ такого типа стимулируется и изысканиями в смежных языковых уровнях, описывающих единицы, функционирующие в сочетании со словообразовательными средствами, например в работах (74, 68), а также исследованиями деривации синтаксических единиц, в первую очередь в работах Л.Н.Мурзина (63, 65, 82, 83 и др.).

Накопление наблюдений над функциональной стороной различных сфер словообразования дало возможность поставить задачу общетеоретического осмысления функциональной картины словообразования, задачу выявления, по крайней мере, основных функций, что и предпринято в работе Е.А.Земской "Словообразование как деятельность". Е.А.Земская выделяет пять функций словообразования: собственно номинативную, конструктивную, компрессивную, экспрессивную, стилистическую. При этом автор подчеркивает, что "в акте коммуникации некоторые производные могут выполнять одновременно не одну функцию" (77, с.12). Наше видение функциональной палитры словообразования при анализе именной деривации во многом совпадает со взглядами Е.А.Земской и опирается на них. Однако представляется принципиально важным замечание Н.Д.Голева, высказанное в частной беседе, что основной функцией словообразования следует признать деривацию, т.е. функцию создания нового (и не нового!) слова. Словообразовательный механизм служит не номинации (это основная функция слова), а созданию слов. Деривационная функция как базовая воплощается в вариантах в зависимости от коммуникативной направленности акта деривации слова. Словообразовательный механизм на разных своих участках "работает" для создания лексических единиц с различной коммуникативной направленностью, принимающих участие в построении разных смысловых слоев высказывания.

В данной работе фрагмент действующего механизма словообразовательной подсистемы предстает как включенный в сложно организованный функционирующий механизм системы языка, осуществляющего коммуникацию, исследуется, как словообразовательный формант (формально-семантическая операция) преобразует исходную единицу для определенного ее участия в построении смысловой структуры высказывания. Как морфема, так и производное слово рассматриваются как строевые элементы высказывания. А так как смысловая структура высказывания являет собой сложное нелинейное образование, представляется необходимым проследить связь формально-семантических структур одного из фрагментов словообразовательной подсистемы с формированием разных смыслов. При этом ставится задача выяснить, с элементами каких языковых

подсистем вступают во взаимодействие словообразовательные модели и созданные с использованием данных операций производные слова при выполнении различных смысловых заданий.

Такая формулировка исходных теоретических установок и задач выявляет отличие подходов к описанию феномена производности, принятых в данной работе, от постановки задач изучения явления мотивированности слова как в словообразовательном, так и в лексикологическом аспектах.

В центре внимания в данной работе находится словообразовательный механизм, действие словообразовательных моделей, формально-семантических операций, типов преобразования исходной семантики в целях ее нового функционирования в тексте. Действие модели воплощено в слове, включенном в текст. В работе исследуется действие типовых моделей в разных типах контекстов и коммуникативных ситуаций. Слово и модель, контекст и тип контекста интерпретируются как материал и объект исследования. Анализируя материал - производные слова в контексте высказывания, мы выявляем типы языковой функциональной направленности деривационного преобразования исходной единицы.

Мы стремимся проследить вариантность воплощения деривационной функции единиц словообразования в разных коммуникативных ситуациях.

Полагаем, что обычно мотивированность производного слова является не целью, но следствием действия словообразовательного механизма, следствием с абсолютным характером проявления - каждое производное слово генетически мотивировано. Так как мотивированность проявляется в слове, но является следствием действия словообразовательного механизма, в этом феномене при его изучении фокусируется как деривационная, так и лексикологическая проблематика. Имея общий объект - внутреннюю форму слова, дериватологи и лексикологи формируют свой предмет в результате выделения разных аспектов в объекте, что приводит и к смещению границ объекта, попадающего в сферу анализа. С одной стороны, "под мотивированностью слова понимается структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения (лексического значения.- *Р.З.*) и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности" (87, с.316), с другой - подчеркивается, что факт внутренней "формально-смысловой организации есть отражение в языке способа и средства подачи словесной информации" (8, с.204).

Расхождение собственно словообразовательной и лексикологической интерпретации явления мотивированности видится и в том, что в дериватологии оно анализируется с опорой на диахронические словообразовательные отношения, особо рассматриваются случаи

отклонения от таковых, так как эти виды мотивационных связей "фактически отражают лишь этапы отмирания или зарождения словообразовательных моделей" (8, с.205 - 206). И в том и в другом случае в фокусе анализа - текстовые условия актуализации свойства словообразовательной мотивированности. При этом в качестве основного актуализационного элемента рассматривается мотивирующее слово, находящееся в близком контексте. Для лексиколога оказывается неважным, отражают ли текстовые мотивационные связи реальные деривационые отношения, так как рациональность "связи значения и звучания может осознаваться на базе не только корневых, но аффиксальных морфем, а также на основе сходства семантических структур" (13, с.16). В фокусе лексикологических функциональных изысканий находится производное слово как лексическая единица, характеризующаяся специфическим формально-семантическим свойством - свойством мотивированности. В общих рамках лексикологического подхода противопоставляются системоцентрические и коммуникативно-, текстовоориентированные описания. В рамках первых мотивационные отношения рассматриваются как вид системных связей лексических единиц - эпидигматических, существующий наряду с синонимическими, антонимическими и другими отношениями и вступающий с ними также в определенные связи (13, с.11; 89; 90; 91; 92). На основе формально-семантической соотнесенности слова объединяются в оппозитивные (мотивационные) пары и через их посредство - в ложные формально-смысловые структуры - лексические гнезда (93, 94, 95).

Для второго направления характерно обращение к текстовому функционированию лексем, характеризующихся свойством мотивированности. Анализу подвергаются контексты, в которых встречаются одноструктурные и однокорневые слова, выявляются семантический, стилистический и другие эффекты подобных встреч единиц в малом контексте (13, с.135 - 163; 14, с.132 - 165; 96; 97 и др.). При этом осознается, что, с одной стороны, "указание в речи на мотивационные отношения между словами связано с дополнительными коммуникативными задачами", с другой - "мотивационно связанные слова могут использоваться в одном и том же предложении и без особого коммуникативного назначения, только в силу того, что они являются единственными наименованиями представляемых реалий" (8, с.27). С различием этих двух типов контекстов и с решением вопроса о включении или невключении их в границы явления актуализации связано широкое и узкое понимание актуализации. В работах О.И.Блиновой и ее учеников под актуализацией понимается факт воспроизведения в речи мотивационно связанных слов. Так, наряду с текстами типа *Голубица голубая. ее "пьяницей" зовут, ее поешь и делаешься как пьяный* анализируются как ак-

туализационные контексты: *Забавно: даже здесь петухи поют иначе, чем в Атамановке* (В.Распутин) (13).

В работах Н.Д.Голева представлено более узкое понимание актуализации - рассматриваются случаи с явными текстовыми актуализаторами мотивационных отношений, случаи, когда осознание рациональности связи звучания и значения находится в коммуникативном фокусе в данном тексте, но при этом предполагается, что деривационно-мотивационное функционирование слова - универсальное свойство, элемент общей языковой коммуникативной способности, проявляющееся как непрерывный деривационно-мотивационный процесс (14, с.32 - 50).

Таким образом, можно констатировать определенное пересечение материала и предмета описания в данной работе и в работах по исследованию явления мотивации при наличии существенных различий в аспекте исследования.

При сравнении данной работы с лексикологическими исследованиями явления мотивированности обнаруживается расхождение, во-первых, в границах материала, привлекаемого к описанию: в предлагаемой работе исследование функционального аспекта словообразования ведется на материале синхронно производных слов с актуализованной производностью, а мотивологические исследования имеют дело с существенно более широким объемом материала, так как "осознание рациональности связи звучания и значения слова" может базироваться и на основе актуализации чисто формальных (в том числе звуковых), и чисто семантических ассоциаций, вследствие чего в сферу анализа попадают непроизводные слова. Во-вторых, существенное расхождение содержится в предмете исследования: в функциональных мотивологических исследованиях выявляется лексический аспект функционирования мотиватов в речи, в данной работе предметом исследования является функционирование элементов словообразовательной системы языка - словообразовательных моделей, проявляющихся в разных типах функционального включения производного слова в текст, типах, обусловленных фактором словообразовательной производности.

Предмет нашего описания - языковые, системно значимые функции элементов словообразовательной системы. При этом мы исходим из признания того факта, что любая языковая функция реализуется как совокупность ее текстовых воплощений: так, текстовое назначение производного слова "служить средством когезии, осуществляя текстовые связи между словами" (77, с. 163) есть результат осуществления конструктивной функции словообразования.

Нацеленность работы на выявление вариантов осуществления деривационной функции словообразовательной системы в контексте общей ориентации всех единиц языковой системы на выполнение

коммуникативной функции языка предполагает необходимость обсуждения более общих вопросов "о функциях языка и об их структурной основе" (48, с.340). Структурно-семантическое разнообразие словообразовательных элементов обусловлено многообразием функций, реализуемых ими при осуществлении коммуникации. А.А.Леонтьев, в общетеоретическом плане разрабатывающий вопрос о языковых функциях, отмечает фундаментальную противопоставленность базовых и частных языковых функций. "Базовые функции проявляются в любом речевом акте,- отмечает А.А.Леонтьев, продолжая традицию разработки этого вопроса Ф.Кайнцем, К.Алишером, С.Л.Рубинштейном, - и при этом не имеют в языке соответствующих им и закрепленных за ними элементов ... они включены в одно единство, внутри которого они друг друга определяют и опосредствуют" (78, с.32).

Несмотря на то,"что наука давно определила две из главнейших сущностных функций-характеристик - быть средством общения и орудием мысли - языка" (54, с.15), представляется необходимым уточнить интерпретацию понятия "когнитивный", принятую в данной работе. Общая направленность языкознания второй половины XX века на исследования языка в действии привела к осознанию того, что отношением выражения язык связан не только с логическим мышлением, но и с другими сферами сознания, в том числе эмоциональной. Осознание этого факта привело к вычленению в ряде работ третьей базовой функции - выражения эмоций (см., например, 52, с.564; 54, с.17 - 21). В последующем рассуждении, говоря о когнитивной функции, мы имеем в виду выражение сознания в его сложной структуре, включая эмоции как одну из сфер. Частные функции интерпретируются в работе как варианты воплощения базовых, акцентирующие, выделяющие один из аспектов их реализации в коммуникативном акте.

Такого рода членение связано с именем К.Бюлера, выделившего в соответствии с тремя аспектами семиотики, тремя основными элементами коммуникативного акта функцию выражения (отправитель), обращения (получатель), представления (предметы и ситуации) (98, с.33 - 34). Р.Якобсон в соответствии с более детальным членением структуры коммуникативного акта выделяет шесть функций - экспрессивную, референтную, конативную, фатическую, метаязыковую, поэтическую, которые интерпретируются нами как частные. Автор подчеркивает: "Различия между сообщениями заключаются не в монопольном проявлении какой-либо одной функции, а в их определенной иерархии. Словесная структура сообщения зависит прежде всего от преобладающей функции" (98, с.198). Реализация частных функций, заключающаяся в выдвижении на первый план одного из аспектов коммуникации, связывается с различ-

ными вариантами словесной структуры сообщения; определяются некоторые языковые средства аспектации разных компонентов коммуникативного акта.

Три языковые функции - номинации, предикации и прагматики, выделенные Ю.С.Степановым и определяемые им как конструктивные, интерпретируются нами как основные составляющие механизма осуществления акта коммуникации, порождения текста. Чтобы осуществить коммуникацию, фрагмент мира должен быть поименован, соотнесен с действительностью и коммуникантами. Такое членение также основывается на трех аспектах семиотики. Автор отмечает, что выделяемые функции являются универсальными, но при этом каждая из них допускает раздельное моделирование, связана, по крайней мере в своих основаниях, с одним каким-либо фрагментом сруктуры языка, что делает возможным прямое раздельное наблюдение функций в самом языке, обнаруживаемых через совокупность определенных структурных элементов (48, с.340 - 342).

1.4. Словообразовательные механизмы в процессах осуществления коммуникативной функции языка

Взгляд на основные семантические сферы словообразования в аспекте их соотнесения с функциями/этапами коммуникации выявляет, что словообразовательный механизм в различных своих сферах выступает в качестве одного из структурных элементов осуществления данных функций, входя во взаимодействие с элементами других уровней. Словообразовательные механизмы включены в процесс осуществления коммуникативной функции на всех основных этапах ее реализации. В осуществленной коммуникации - тексте - это находит выражение в участии структур словообразования в построении его основных смысловых слоев. Очевидна определенная корреляция выделенных сфер мутационного словообразования, синтаксической деривации и модификации с тремя конструктивными (по Ю.С.Степанову) функциями языка. Вместе с тем эта корреляция не является полной, так как первое членение произведено по онтологическому основанию, а второе - по функциональному, ср.:"Однако самое полное описание структуры органа , то есть описание его в бездействующем состоянии, не имеет никакого права выдавать себя хотя бы за приблизительное описание той функции, которую оно выполняет" (57, с.37).

Мутационное словообразование служит пополнению номинативного фонда, и в этом смысле можно говорить с определенной долей условности о номинативной функции. При этом в генетическом плане номинативность лексического деривата неотделима от его синтаксической направленности как в исходе, так и в результате. В

синхронии при определенных условиях коммуникации также может быть выявлена синтаксическая направленность деривата мутационного словообразования.

Вторая основная сфера словообразования наиболее полно и непосредственно соотносится с синтагматической структурной функцией языка. Словообразовательный механизм обеспечивает преобразование исходной семантики для возможности установления новых синтагматических связей.

Производные модификационного словообразования служат одним из средств языковой прагматики, выражения отношения говорящего к действительности, адресату, условиям общения.

Подход к членению словообразования не с онтологических (тип семантики), но функциональных позиций выявляет наличие другой границы между сферами модификационного и мутационного словообразования. В функциональном аспекте модификационные словообразовательные типы делятся на две сферы: модели, обслуживающие потребности номинативной сферы языка, и модели, обслуживающие прагматическую языковую функцию. В первую группу войдут СТ, образующие производные типа брат - побратим, президент - экспрезидент, лист - листва, солома - соломина и т.п., во вторую - подруга - подруженька, мысль - мыслишка, положение - положеньице и т.д. Между этими двумя сферами располагается небольшая, но активно функционирующая группа словообразовательных типов с синкретичной номинативно-прагматической функцией, это прежде всего суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением (столик, речушка).

К сфере словообразовательных типов с первичной функцией (в генетическом аспекте) пополнения номинативного фонда языка относим, таким образом, не только мутационные СТ, но и ряд модификационных, в том числе с отношением подобия (аналогичное мнение - 121, с.61). Имея общую функциональную направленность, номинативно ориентированные СТ делятся на три группы по различию логических структур, лежащих в основе установления мотивационных отношений. В этом аспекте прежде всего противопоставленными оказываются мутационные и собственно модификационные СТ, а СТ со словообразовательным значением подобия представляют некий синкретичный тип.

Собственно модификационные отношения и мотивационные отношения подобия характеризуются как парадигматически ориентированные, основывающиеся на смысловых процессах уподобления, в отличие от большинства мотивационных связей мутационного словообразования, которые относятся к языковым процессам синтагматической ориентации, основывающимся на установлении ситуативных связей вещей, отраженных в смысловых отношениях смеж-

ности (см. об этом 96, а также 100). Словообразовательная семантика мутационного типа отражает отношения временной, функциональной, пространственной и другой смежности, а также их различных комбинаций (вечерник, чистильщик, подберезовик, школьник). В основе мотивационных отношений лежат суждения характеризующего типа, всесторонне описанные в трудах по логическому аспекту языка (см. например, 72, 73). Континуум семантических связей мутационного словообразования при этом вписывается в достаточно ограниченное количество логических схем (см. например, 8, 12, 24, 46, 101, 102).

Логическая основа модификационного словообразования - пропозициональные структуры таксономического типа. Как отмечает Н.Д.Арутюнова, функция характеризующего предиката - аналитическая, в акте предикации осуществляется анализ предмета, выделение признака и приписывания его субъекту. Таксономический предикат вписывает данный предмет в класс, что является "первичной предикацией, объединяющей сумму сведений о классе предметов, необходимую для вынесения и понимания следующих общих и частных суждений". "Таксономическая предикация суммирует результаты познания определенного фрагмента мира, не входя в их анализ и экспликацию. Это своего рода итог познавательной деятельности, отсылка к фонду существующих знаний..." (73, с.168). Логическая операция при модификационном словообразовании - операция отнесения к классу и приписывание отличительного признака: слоненок - "то, что относится к классу слонов, обладает отличительным признаком "маленький".

Языковая метафора, мотивационные отношения подобия характеризуются как мотивации синкретического типа, основывающиеся на логическом отношении таксономии и характеризации с осложнением модусными смыслами: метафора - это одновременно логическое отношение отождествления (Х есть У) и сравнения (Х имеет от же признак, что У) с модусным осложнением (модус фиктивности - 103, с.187). Динамика синхронной языковой метафоры состоит в продвижении от доминирования одного типа логического отношения к другому (коричневый, розовый, болотный) цвет (см. 04, а также Главу 3 настоящей работы).

Соотношение структурного и функционального членения СТ именного суффиксального словообразования в схеме может быть представлено таким образом.

Таблица 2

СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ

Мутационное словообразование			Модификационное словообразование										
Синтагм.ориентир. Метоним.отношен. Характеризующая предикация			Метафора Логическ. синкретизм	Таксоном. предикация			Таксономич. предикация с модусным осложнением			Модусные смыслы		
Предмет по признаку	Предмет по предмету	Предмет по признаку	Подобие	Женскость	Детскость	Единич.	Уяелиит.	Умеиьшит.	Умласкат.	Ласкатель.	Снисходит.	Стилистич.
Номинативно ориентирован. деривация			Синкретичная							Прагматическая		

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Различная функциональная ориентированность трех основных сфер именного словообразования обусловливает вариантность формируемой словообразовательной и лексической семантик, с одной стороны, а с другой - различие "вписывания" деривационных значений в обобщенный смысл высказывания, а следовательно, различие единиц, во взаимодействии с которыми реализуется их функция. Для мутационного номинативно ориентированного словообразования первична связь с лексикой, синтаксической деривации - с грамматикой языка, модификационных производных - с другими средствами языковой прагматики. Вместе с тем следует сразу же подчеркнуть, что картина функционального распределения основных сфер словообразования не столь просто и линейно организована. Мы уже отмечали наличие зон своеобразного "перетекания", перехода между основными семантическими деривационными сферами. Дело, однако, обстоит сложнее. Сами строевые функции тесно

взаимосвязаны и взаимопереплетены. Следствием этого является наличие вторичных функций у соответствующих словообразовательных средств, имплицируемых первичными.

1.4.1. Мутационное словообразование в механизмах номинативной функции языка

Номинативная функция в теории словообразования прежде всего и чаще всего отмечалась как базовая. Базовой эта функция может быть признана в системно-структурном аспекте, так как абсолютно большую часть номинативного лексического фонда языка составляют производные слова. Отношения действующего механизма языковой системы и этой сферы словообразования внутренне противоречивы, даже драматичны. С одной стороны, любая незаимствованная лексическая единица рождается в акте речи, для ее порождения и включается механизм словообразования. Входя в узус, становясь фактом словаря, слово осуществляет номинативную функцию целостно, его деривационная история деактуализована (105, с.117), именно к этой сфере деривации относимы в первую очередь слова Ю.С.Азарх: "Словообразование является своего рода диахронией в синхронии на всех этапах развития языка" (37, с.7), вследствие чего именно при анализе этой сферы задача разграничения синхронного и диахронного аспектов осознается как весьма актуальная (1, с.15).

Анализ текстового функционирования производного слова мутационного типа основывается на признании того, что "функциональная двунаправленность свойственна и значительной части конкретных производных образований" (106, с. 293), и связан с необходимостью разрешения вопроса о творимости/воспроизводимости таких производных в каждом конкретном единичном употреблении, т.е. нахождением таких случаев, где генетическое и синхронно-функциональное сходятся, фокусируются. Синхронно-функциональное исследование производных имен мутационного типа обычно проводилось на существенно ограниченном эмпирическом материале: это прежде всего контексты рождения неологизмов (14, гл. 2; 77, с.180 - 200), либо метатексты, в которых обнаруживается рефлексия говорящего по поводу происхождения слова, чаще всего для разъяснения его смысла (14, с.113 - 114; 77, с.175), либо контексты образного использования слова, средствами окружения актуализирующие явления диахронной производности (14, с.132 и далее; 77, с.173). Особенно последовательно контексты второго и третьего типа анализируются в работах по лексической мотивации, выявляется корпус контекстов, а также элементов текстового окружения, актуализирующих свойство мотивированности лексемы.

В качестве ведущего средства текстовой актуализации выступает мотивирующая единица, употребленная в ближайшем контексте производного имени и выступающая в качестве одного из средств "эпидигматического насыщения текста" (14, с.126).

В действующем механизме языка в процессе бесконечного порождения текстов акты создания неологизмов значительно уступают воспроизведению уже созданных производных слов мутационного типа. А метатексты и поэтические обыгрывания производности - это реализация функции мотивированности слова в тексте, но не его номинативности. Связь генетического и синхронно-функционального в производном мутационного типа может быть интерпретирована через выявление диалектики взаимовлияний лексического и словообразовательного, номинативного и синтаксического. Диалектика диахронного и синхронного в деривации обсуждается в ряде работ Н.Д.Голева, он подчеркивает: "... процесс деривации не завершается вместе с созданием слова. Мы имеем в виду не только этап узуализации неологизма... но и включенность уже освоенного слова или его отдельных элементов, восходящих к генезису, в процессы порождения свободных, в том числе более крупных единиц речи...", с другой стороны, сохранению генетического препятствуют "те лексические спецификации, которые накапливает слово в процессе своего функционирования в речи" (14, с.33 - 34).

Номинация в производном слове осуществляется через акт предикации: предмет (свойство, отношение) осознается и именуется через установление определенного типа связи с другим предметом (свойством, отношением), например: в производном подосиновик предмет именуется через его пространственную соположенность с другим предметом, в имени ревун предмет именуется по характеризующему его действию и т.д. Акт предикации, лежащий в основе формирования нового имени, создает особый тип значения - словообразовательное.

СЗ фиксирует предикативную, пропозитивную основу создаваемого имени, словообразовательная форма выступает как средство маркирования компонентов свернутой пропозиции лексикализованной ситуации (понятие лексикализованной ситуации - 107, с.325). Созданные для акта номинации через акт предикации производные имена одним своим аспектом обращены к словарю (через его посредство - к тексту), другим - к тексту непосредственно. Как номинативное средство производное слово в свойстве предикативности не нуждается, что порождает тенденцию к демотивированности. Можно привести массу примеров текстового функционирования производных слов с деактуализированной внутренней формой. Так, в высказывании *Мне удалось собрать целую корзину лисичек.. а брату повезло с рыжиками* не содержится информация, что собрана

корзина грибов, похожих на лису по цвету и просто рыжих грибов, в высказывании содержится информация о предметах в целом, в том числе и об их цветовых признаках как равноправных деактуализованных.

Вместе с тем, пока жива внутренняя форма, остается возможность текстовой, коммуникативно целесообразной актуализации внутрисловной пропозитивной семантики. В таком случае коммуникативно значимым оказываются оба слоя значения производного слова - лексический и словообразовательный. Формально-семантическая словообразовательная структура действует как коммуникативно целесообразная: один из смыслов высказывания/текста формируется именно этой структурой.

Текстовая актуализация производности имен мутационного типа имеет синтаксическую направленность. Они, по существу, функционируют как синтаксические дериваты, выполняя ряд свойственных этим последним ролей, а именно являются средством синтаксической, пропозитивной компрессии текста в целях ее особой коммуникативно целесообразной "упаковки". Ср., например, диалектные тексты: *Крапива двух сортов. Вот эта жгучка. а вот эта жалюча крапива* (Том.); *Не ходи самим крутяком. иди где поотложе* (Том.). Разное морфолого-синтаксическое оформление тождественных пропозитивных структур является средством языковой интерпретации одного внеязыкового содержания, т.е. словообразовательный механизм выступает как одно из средств "языковой упаковки", а следовательно, прагматики в широком смысле. В таком употреблении с точки зрения синхронно-функционального аспекта синтаксическая функция мутационного деривата является первичной, а номинативный аспект интерпретируется как наследуемый от исходной номинативной конструкции (словосочетания или предложения), результатом переоформления которой является производное. В аспекте же языкового функционирования (динамической синхронии) эта функция для мутационного словообразования является вторичной, так как для ее реализации требуется схождение дополнительных текстовых условий. Первичность синтаксического в его противопоставлении номинативному - это признак, разграничивающий генетический и синхронно-функциональный аспекты.

В самом общем виде прослеживается зависимость реализации пропозитивной направленности производного лексического деривата от следующих факторов:

1) лексико-семантического - от типа создаваемого лексического значения, в первую очередь в данном случае значимо выделенное Н.Д.Арутюновой функциональное противопоставление значений идентифицирующего и предикативного типов (73, с.156 - 249);

2) словообразовательного - от типа пропозитивного отношения, лежащего в основе словообразовательного значения (моно/полипропозициональные структуры, мотивация на основе простой характеризующей пропозиции/мотивация метафорического типа);

3) синтаксического - от позиции производного имени в структуре высказывания, прежде всего противопоставлены позиции темы и ремы, субъекта и предиката высказывания;

4) прагматического - от стиля, речевого жанра, в контексте которого функционирует имя. Этот фактор рассматривается нами как создающий наиболее общие условия реализации определенного функционального типа, что влияет на степень частотности использования соответствующего деривата в речи.

Общее направление зависимости может быть сформулировано следующим образом: с пропозитивным предназначением включаются в формирование смысла высказывания имена предикативного типа семантики, созданные на основе характеризующего суждения, занимающие в высказывании позицию предиката, ремы. См. приведенные выше примеры, а также: *Холодный свет зари низко стлался по сквозному, оголенному саду... золотя землю, покрытую подмерзшими листьями и падалицей* (В.Катаев) - возможна трансформация "покрытую опавшими плодами". Ряд производных такого типа в определенных условиях текстового функционирования справедливо относится Е.Л.Гинзбургом к сфере синтаксической деривации (80, с.36).

Отрицательные условия для реализации пропозитивного содержания производных имен идентифицирующего типа значения создаются в позиции субъекта и темы характеризующего суждения, ремы бытийного высказывания. Осложняет возможность пропозитивного функционирования также мотивация на основе метафорического уподобления. Для иллюстрации приведем также диалектные контексты: *Че у нас в лесу - И клубника, и земляника, и смородина в лесу есь. Голубики у нас нету. Голубица растет в таких борах больших* (Том.) - невозможно трансформировать: "голубая ягода растет"; *Волосец есь, сама така маленька, когда вот косишь покос* (Том.) - невозможно трансформировать: "есть растение, подобное волосу". Прослеживается также определенная корреляция между тенденцией к актуализации пропозитивной семантики производного имени и определенными речевыми жанрами и стилями. Анализ литературных текстов и диалектной речи показал большую частотность имен идентифицирующего типа непропозитивного функционирования в рассказах о природе, животном и растительном мире, монологических жанрах воспоминаний о прошлом, рассказах о промыслах и т.д., напротив, предикативное функционирование преобладает в диалогических речевых жанрах.

1.4.2. Синтаксическая деривация в механизмах предикативной функции языка

Коммуникация предполагает не только именование фрагментов мира, но и синтагматическое развертывание текста:" ... для того, чтобы сообщить что-то, надо установить отношения между знаками, это предикативная функция" (48, с.341). В русском языке как языке флективном и глубоко синтетическом в грамматической оформленности слова содержится информация о потенциальных синтаксических позициях, типовых смысловых отношениях в структуре целостного текста (108, с.126). Словообразовательный механизм в совокупности целого ряда словообразовательных типов обеспечивает перекатегоризацию лексической семантики с целью ее иного включения в синтаксическую структуру высказывания.

Отсутствие лексико-семантических осложнений в синтаксическом деривате дает возможность в толковых словарях представлять их лексическое значение путем отсылки к мотивирующему с указанием категориально-грамматической мены, ср.: карикатурный - "прилаг. к карикатура", карикатурно -"нареч. к карикатурный", карикатурность -"свойство по знач. прилаг. карикатурный" (109, с.34).

В разных группах межчастеречного взаимодействия и разных типах текстового функционирования можно наблюдать более или менее "чистые" грамматические трансформации с большим или меньшим лексико-семантическим осложнением.

Как отмечалось, производные мутационных типов также способны к синтаксическому функционированию. Но синтаксические дериваты характеризуются обратным соотношением номинативности и синтаксичности деривационного процесса. Лексический дериват если и соотносится с существующими номинативными единицами, то, во-первых, эти единицы принадлежат другому языковому уровню (словосочетание, высказывание), во-вторых, слово приобретает новые смыслы и, как следствие, свойства фразеологизированной единицы. Синтаксический дериват является результатом грамматического переоформления слова. Лексический дериват служит средством словного оформления нового, осознанного как отдельность фрагмента мира, с целью введения его в лексикон; синтаксический дериват не имеет таковой функциональной направленности: фрагмент мира уже поименован единицей лексического уровня, осуществляется лишь его перекатегоризация с целью другого типа включения в текст. Синтаксическая деривация выступает в качестве средства языкового оформления универсального свойства человеческого мышления представлять вещь как свойство, свойство как отношение, отношение как вещь и т.д. (110), выступая как один из механизмов естественного языка, отмеченного еще грамматистами Пор-Рояля

(11, с.94 - 96, 148). И если синтаксический дериват и выполняет две функции - номинативную и синтаксическую, то номинативные его характеристики не создаются в акте словопроизводства, но наследуются.

Синтаксическая деривация - сфера словообразования, активно взаимодействующая не с лексикой, но с грамматикой языка. Так, девербатив, инфинитив, причастие, деепричастие выстраиваются в один ряд как средства синтаксической синонимики (ср.: отчаявшись, продолжал; в отчаянии продолжал), вследствие чего такого рода парадигмы обсуждаются в синтаксических теориях (см., например., 108, с.183).

Следствием грамматичности семантических трансформаций синтаксической деривации является то, что в этой сфере противопоставление генетического и синхронно-функционального аспектов теряет свою актуальность, в чем также усматривается параллель к процессам морфологических грамматических преобразований. Проявлением этого же свойства является неактивность процессов утраты мотивированности , которая может возникнуть лишь в результате лексикализации: "Некоторые образования, относящиеся к области синтаксической деривации, за единичными исключениями, вообще не встречаются среди слов, утративших производность" (38, с.38). Так, в производных относительных прилагательных путь к утрате мотивированности лежит через полисемию - развитие качественных, а следовательно, лексикализованных значений в семантической структуре прилагательного, ср. развитие качественности как демотивированности производных в ряду болотный - песочный - розовый - коричневый (цвет).

Синтаксический дериват выступает как одно их ведущих средств создания синтаксических неизоморфных структур, т.е. таких, которые не обнаруживают "соответствия между категориальными значениями структурных компонентов предложения и категориальными значениями их денотатов в реальной действительности" (108, с.127), в целях достижения различных смысловых и прагматических эффектов. Основное направление действия синтаксического деривата - предикативная компрессия текста, затрагивающая как диктумные, так и модусные смыслы, а также их взаимодействие (мечтал о возвращении, жил переводами с английского). Возможно и усложненное в поверхностной структуре представление простой предикации (это его впечатлило - это произвело на него впечатление). Как тот, так и другой способ включения синтаксического деривата в смысловую структуру высказывания имеет и коммуникативную направленность. Синтаксический дериват выступает в качестве одного из средств маркирования зависимого статуса предиката по отношению к другому, находящемуся в коммуникативном фокусе вы-

сказывания и выраженному финитной или другой, обладающей большим зарядом предикативности формой (о степенях предикативности см. 112).

Морфолого-синтаксические преобразования лексемы имеют и референциальную направленность, соотносясь с другим сечением смысла высказывания. Грамматическое преобразование синтаксического предиката в именную форму может быть связано с необходимостью поставить его в субъектную или объектную позицию, обеспечить возможность включения в именную группу в качестве основного элемента для установления определенного типа референтной отнесенности. Словообразовательные механизмы этого типа не служат средством выражения какого-то конкретного типа референтной отнесенности предмета речи, но создают формы, способные к выражению подобных смыслов.

Такие синтаксические дериваты, иногда проживающие несколько фаз категориальных трансформаций (зверь - зверский - зверски), сохраняют в своей семантике следы всех семантических трансформаций, специфизирующих их синтаксическое поведение, а также следы категориального значения производящего слова, что делает их емкими, многослойными знаками, взаимодействующими с различными смысловыми слоями высказывания. Приведем примеры использования синтаксического деривата в художественном тексте: *Лева пришел как-то из университета - обе створки в квартиру были распахнуты - увидел незнакомого старика, который, двигаясь* сердито и суховато, *руководил* выносом *таких с детства знакомых (с которыми у нас* отношения*) вещей* (А.Битов).

Приведенное полипропозитивное высказывание имеет в поверхностной структуре различные способы выражения глубинных предикативных отношений: финитные формы в сочинительных и подчинительных конструкциях (пришел и увидел, увидел старика, который руководил), полупредикативные формы причастия и деепричастия (старик, двигаясь, руководил), скрытые предикации-синтаксические дериваты (руководил выносом вещей, двигаясь сердито), каждая из форм специфично представляет глубинные смыслы, служит средством выражения их взаимных отношений (двигаясь сердито и суховато, руководил выносом вещей), различного смыслового акцентирования в представлении внеязыковых ситуаций (состояние субъекта (сердиться - сердитый - сердито) представлено производным наречием как характеристика действия двигаться); наречие вместе с деепричастно выраженным предикатом (двигаясь) характеризуют течение другого действия (руководил); динамическая ситуация (выносить вещи) представлена как объект действия руководить. В коммуникативном фокусе в этом фрагменте находится действие, названное основной финитной формой глагола, дру-

гие ситуации (состояния, действия), представленные вторичными производными глагольными формами и дериватами, интерпретируются языком как зависимые, характеризующие течение основной ситуации.

1.4.3. Модификационное словообразование в механизмах прагматической функции языка

Как мы отмечали, и номинативная, и синтаксическая деривация может быть направлена и на формирование смыслов, относимых к сфере языковой прагматики. Подчеркнем, что отношение этих сфер именного словообразования к прагматике языка существенно отличается от сферы, имеющей непосредственную прагматическую направленность. Во-первых, номинативно и синтаксически ориентированная деривация принимает участие в оформлении логической организации речи через механизм маркирования отношений зависимости между предикациями, их языкового представления в различных аспектах. Во-вторых, прагматическая функция этих элементов осуществляется в тесном переплетении с рядом синтаксических и логико-семантических отношений.

К сфере прагматически ориентированной деривации мы относим группу экспрессивных СТ модификационного словообразования. Надо отметить, что в сфере русского именного словообразования СТ с "чистой" прагматической функцией составляют периферию системы, образуются непродуктивными суффиксами -оньк(а), -ул(я), -ус(я), -ун(я), -уш(а), -аш(а): дедонька, дедуля, дедуся, дедуня и т.д. Эта сфера словообразования в своем ядре не имеет номинативной направленности. Словообразовательный механизм включается в формирование смысловой структуры высказывания не с номинативной, но прагматической направленностью: соответствующий фрагмент действительности уже обозначен единицей лексикона и извлекается из него, деривационное же преобразование осуществляется с прагматической направленностью, отражая сферу интересов, пристрастий говорящего в данной коммуникативной ситуации. Прагматическая семантика имеет дело с перебором нескольких семантических структур, соответствующих одной денотативной ситуации, это "преломление интересов (Говорящего) внутри знака, высказывания, то есть не отношение человека к знаку, а модификация знака, высказывания под действием подобных отношений" (114, с.34 - 35). Производное имя в составе высказывания выполняет номинативно-прагматическую функцию, но его номинативность не создается в акте словопроизводства, но наследуется.

Наиболее продуктивные словообразовательные суффиксы, и прежде всего суф. -к(а) и -ик, имеют двойственную номинативно-

экспрессивную семантику, совмещая значения объективной и субъективной оценки. Именно эти словообразовательные средства характеризуются наиболее широким спектром частнопрагматических функций. В функциональном распределении языковых средств при построении смысла высказывания их основная функция - выражение смыслов субъективной модальности, прежде всего широкого спектра эмоционального отношения говорящего (от интенсивно положительного к столь же напряженно отрицательному), причем в выражении смыслов разной полюсной ориентации может принимать участие один суффикс, ср.: Носик-*то у маленького обгорел [на солнце]* \ *красненький-красненький* *Больно тебе, маленький*\ *(РРР)* и *Постой. - Леву вдруг осенило.- А ты-то сам? Ты-то часом не еврей?.. Ну, а как же, - продолжал Лева.- Вот у тебя тоже* носик-*то подкачал, а?* (А.Битов).

Второе направление варьирования экспрессивно-эмоциональной семантики - ее адресация. Так, через включение механизма деминутивного словообразования в русском языке может быть выражено положительное отношение как к сообщаемому, так и к участникам коммуникативного акта, деминутив может использоваться также для создания общего положительного фона коммуникации, в том числе и как способ волевого воздействия на слушающего.

Одно из наиболее ярких отличительных свойств деминутивного словообразования - существенная зависимость реализации суффиксального значения от контекста и конситуации употребления. Контекстная зависимость - характерологическая особенность прагматических смыслов в языке. Значения производных с такими суффиксами синкретичной семантики характеризуются не только как синтаксически, конструктивно и лексически связанные, но и в ряде случаев - как стилистически и жанрово закрепленные. Безусловно, контекстная зависимость характеризует любое употребление языковой единицы, но степень этой зависимости может варьироваться довольно значительно. Так, на наш взгляд, контекстная зависимость семантики словообразовательных моделей и созданных по этим моделям производных возрастает по линии от номинативной к прагматической зонам словообразовательного механизма. Стилевая и жанровая связанность, существующая как тенденция самого общего типа в сфере номинативного словообразования и синтаксической деривации, наиболее ярко проявляется в прагматически ориентированной сфере именного словообразования. В первых двух случаях контекст аспектуализирует языковое значение, в третьем - существенно изменяет его. Первые две сферы деривации связаны с логической основой смысла текста, его отражательной стороной, в силу чего они в меньшей степени зависят от особенностей протекания речевого акта.

Прагматические смыслы - сфера, в которой отражается живая динамика коммуникативного акта, вне учета особенностей осуществления коммуникации невозможно исследование как смыслов, так и средств их выражения.

Сфера прагматического функционирования деминутивного словообразования распространяется и на логические аспекты организации речи. Деминутивные суффиксы, десемантизируясь, утрачивая значение уменьшительности и субъективной модальности (или с сохранением последней), могут принимать участие в маркировании тема-рематического членения речи. В этой дихотомии деминутивный суффикс маркирует тематический компонент как уже познанный, освоенный Говорящим (иногда и Слушающим), включенный в их личную сферу (см. об этом на материале диалектной речи - 86, 116, 117).

Функция логической организации высказывания в описанном выше преломлении может реализоваться в сочетании с функцией маркирования типа референтной отнесенности. О том, что деминутивный суффикс выступает средством выражения конкретной единичной референтной отнесенности пишет Е.В.Красильникова: "Существует ряд словообразовательных моделей, обозначающих индивидность предмета на фоне класса. В первую очередь сюда относятся образования с суффиксами -ик, -к(а), типа ножик, тетрадка... Только индивидные предметы обозначаются по моделям словообразовательных типов: единичности с суф. -ин(а), размерно-оценочными суффиксами, суффиксом -онок (жигуленок, москвичонок, тракторенок)... [производные с этими суффиксами] имена имеют только актуализованное употребление и соотносятся с конкретными ситуациями" (74, с.68- 69).

Как прагматическая, так и референтная функции осуществляются словообразовательными средствами только в соединении с действием элементов других уровней. Как отмечается в литературе, в русском языке как прагматическая, так и референтная характеристики не имеют специализированных средств выражения, для них характерна "распределенность между разными языковыми средствами" (119, с.12 - 165, см. также 120). Итак, данная сфера именного словообразования принимает участие в формировании прагматического (субъективная и объективная модальность) и референциального аспектов в смысловой структуре высказывания. Номинативные смыслы не создаются в деривационном акте, но наследуются.

* * *

Предваряя анализ основных функций словообразования, подчеркнем следующее.

Существующее в отечественной теории словообразования представление о том, что основная функция словообразовательного механизма в системе языка - номинативная, рождена, во-первых, как результат явного или скрытого диахронизма в интерпретации этого уровня языковой системы, во -вторых, преимущественным включением в сферу анализа производных мутационной деривации. Представляется все же, что и в диахронном аспекте номинативная функция не может быть интерпретирована как основная, определяющая специфику действия и организации словообразовательного механизма (как, например, коммуникативная функция является основной применительно к действующей системе языка в целом). Номинативная функция может быть признана одной из частных функций словообразовательной подсистемы языка, функцией, на выполнение которой направлена лишь часть средств словообразовательной системы (большая часть моделей мутационной и модификационной сфер словообразования). И при диахроническом анализе выявляются весьма обширные ряды активно функционирующих словообразовательных моделей, в результате действия которых не создается нового номинативного содержания. Номинативное содержание единицы наследуется, словообразовательный механизм направлен на формирование смыслов, запрос на которые идет не от семантики, но синтаксиса и прагматики.

Последовательно системный подход к описанию языка, при котором объект, с одной стороны, мыслится как система, структура взаимосвязанных компонентов, с другой - сам является элементом другой системы, отношения в которой (функции) определяют его целостность, приводит к выявлению иерархии функций словообразования в действующем механизме языка, в осуществляемой коммуникации, в текстопорождении. Номинативная функция не может претендовать на статус базовой, системообъединяющей. Такой объединяющей функцией является функция создания языковых единиц со статусом слова. Деривационная, или словообразовательная, функция осмысляется как базовая, реализующаяся в совокупности частных функций. Частные функции являют собой варианты воплощения базовой в зависимости от функциональной направленности создаваемого производного слова в формировании целостного смысла высказывания/текста в определенных условиях акта коммуникации.

Словообразовательные типы русского именного словообразования распределены на три сферы, группы по преобладающей, доминирующей частной функции и конфигурации других, имплицируемых, частных функций.

Описание СТ, моделей русского именного словообразования с позиций коммуникативно-функционального подхода приводит к вы-

делению функциональных сфер, частично совпадающих с выделенными на основе специфики СЗ сферами именной деривации в рамках системно-структурного анализа. В дальнейшем мы используем традиционную терминологию - мутационное, модификационное словообразование и синтаксическая деривация - применительно к собственно функциональным объединениям словообразовательных моделей. Границы классов определены в табл. 2.

В рамках коммуникативно-функционального подхода выявляется и иное соотношение номинативной функции как частной словообразовательной с другими частными функциями в пределах мутационного словообразования, иная содержательная интерпретация этой функции в синхронных актах текстопорождения. В моделях диахронического и системно-структурного описания языка иная номинативность производного слова определялась в оппозиции "производное слово производящее слово"; динамический подход выявляет синтаксичность мотивационных отношений процессов мутационной деривации: производное слово формально создается на базе производящего слова, семантически - на основе мотивирующего суждения, наиболее изоморфной формой языкового представления которого является высказывание.

Высказывание как языковая единица входит, наряду со словосочетанием и словом, в ряд номинативных средств языка, обладающих специфическими интерпретационными возможностями в представлении означаемого фрагмента мира. Слово и высказывание противопоставлены как синтетически и аналитически направленные номинации, слово представляет соответствующий фрагмент мира в его целостности и отдельности, высказывание - в его связях, отношениях. В динамическом аспекте мутационное словообразование интерпретируется подобно синтаксическим дериватам как результат актов переименования. Своеобразие же этого процесса по отношению к механизмам синтаксической деривации заключается в том, что в номинативной деривации происходит переход в означивании к единицам другого языкового уровня - от текстового к лексическому. Этот переход может протекать в условиях большего или меньшего семантического сдвига, приводящего в наиболее значительных проявлениях к изменению денотативной и референтной отнесенности производного слова по отношению к мотивирующему высказыванию. Так, совпадение референтной отнесенности высказываний *Он холостой человек* и *Он холостяк* выявляет отсутствие номинативной направленности словообразоовательного средства в построении смысла высказывания , а столь же явное несовпадение референтной отнесенности в сочетании *голубая ягода* и производного *голубика* обнаруживает наличие явного номинативного сдвига, рожденного в акте словообразования. Во втором случае словообразо-

вательная операция может быть интерпретирована как имеющая номинативную направленность, но ее связь с реальными процессами текстопорождения видится весьма противоречивой, так как в текстопорождении номинативная функция осуществляется словом как целостной единицей лексического уровня, его производность оказывает лишь модифицирующее смысловое влияние, актуализирующееся в особых текстовых условиях.

Если производное слово в тексте выполняет чисто номинативную функцию, характерную для единицы лексического уровня, его производность деактуализована. Актуализация внутренней формы слова, словообразовательной формы и семантики, имеет не номинативную, но прагматическую направленность, прежде всего логико-коммуникативную.

Прагматическая направленность моделей номинативной, синтаксической деривации и модификационного словообразования представлена в разных воплощениях. Первые две сферы противопоставлены модификационному словообразованию как имеющие преимущественную логико-коммуникативную направленность, тогда как модификационное словообразование направлено прежде всего на формирование смыслов субъективной модальности, организуемых модусом оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. М., 1965.

2. Лопатин В.В., Улуханов И.С. К соотношению единиц словообразования и морфологии // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

3. Лопатин В.В. О семантической структуре словообразовательного форманта // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978.

4. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.

5. Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1977.

6. Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

7. Кубрякова Е.С. Словообразование // Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972.

8. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.

9. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

10. З е м с к а я Е.А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. М., 1979.

11. А р у т ю н о в а Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961.

12. К у б р я к о в а Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.

13. Б л и н о в а О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск, 1984.

14. Г о л е в Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

15. З е н к о в Г.С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969.

16. Я н к о - Т р и н и ц к а я Н.А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах // Развитие современного русского языка. М.,1965.

17. М у р я с о в Р.З. О словообразовательном значении и семантическом моделировании частей речи // Вопросы языкознания. 1976. N 5.

18. М у р я с о в Р.З. К понятию "модель" и "значение" в словообразовании // Сб. науч. тр. /МГПИИЯ им. М.Тореза. 1975. Вып. 91.

19. Т и х о н о в А.Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974.

20. Т и х о н о в А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985. Т.1-2.

21. М о р о з о в а Т.С. Структура словообразовательных парадигм русского глагола: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

22. Я р у л л и н а Т.С. Словообразующие возможности русских непроизводных глаголов: К вопросу о взаимодействии грамматики и словообразования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

23. Русская грамматика. М., 1980. Т.1.

24. Я н ц е н е ц к а я М.Н. Семантические вопросы теории словообразования: Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1983.

25. А р а е в а Л.А. Словообразовательные типы существительных в системе говора: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1981.

26. D o k u l i l M. Tvoreni slov v cestine. Praha, 1962. T.1.

27. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. Томск, 1964. Т. 1; 1965. Т. 2.

28. Р е в з и н а О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969.

29. З в е р е в А.Д. Словообразование имен прилагательных в современном русском языке (в сопоставлении с украинским и белорусским языком). Черновцы, 1978.

30. Ш и р ш о в И.А. Проблема словообразовательного значения в современной отечественной науке // Вопросы языкознания. 1979. N 5.

31. К у б р я к о в а Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.

32. К у б р я к о в а Е.С. Производное как особая единица системы языка // Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976.

33. Х о х л а ч е в а В.Н. Проблема словообразовательного значения (к понятию нормы в словообразовании) // Грамматика и норма. М., 1977.

34. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

35. З е м с к а я Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.

36. К у б р я к о в а Е.С., Х а р и т о н ч и к З.А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

37. А з а р х Ю.С. Проблема связи словообразования и формообразования в истории русского языка (имя существительное): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983.

38. Е р м а к о в а О.П. Лексические значения производных слов в русском языке М., 1984.

39. Л о п а т и н В.В. Русская словообразовательная морфемика (проблемы и принципы описания). М., 1976.

40. К а т л и н с к а я Л.П. Функциональное словообразование (активные процессы словопроизводства в современном русском языке): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук, М., 1987.

41. М а н у ч а р я н Р.С. Словообразовательные значения и формы в русск м и армянском языках. Ереван, 1981.

42. М а н у ч а р я н Р.С. Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий (на материале русского и армянского языков) // Проблемы семантики. М., 1974.

43. Б а л л и Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

44. К у р и л о в и ч Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая:К теории частей речи// К у р и л о в и ч Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

45. Л о п а т и н В.В., У л у х а н о в И.С. Построение раздела "Словообразование" // Основы построения описательной грамматики русского литературного языка. М., 1966.

46. Словообразовательное значение и его виды: Семантика производных существительных: Методическая разработка по курсу "Современный русский язык" / Сост. М.Н.Янценецкая. Томск, 1987.

47. К и м Л.Г. Семантическая структура словообразовательного типа (на материале сибирских говоров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988.

48. С т е п а н о в Ю.С. Семантическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. Т. 32. Вып. 4.

49. К у б р я к о в а Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 53. N 2.

50. З а с о р и н а Л.Н. Введение в структурную лингвистику. М., 1974.

51. Тезисы пражского лингвистического кружка// З в е г и н ц е в В.А. Хрестоматия по языкознанию XIX - XX вв. М., 1956.

52. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

53. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

54. С л ю с а р е в а Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.

55. Е в с т а ф ь е в а Л.И. Особенности функционального подхода // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1977. N 5.

56. В а н - В а л и н Р., Ф о л и У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.

57. И л ь е н к о в Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., 1984.

58. К о л ш а н с к и й Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.

59. Г а к В.Г. К проблеме соотношения языка и действительности // Вопросы языкознания, 1972. N 5.

60. Б а х т и н М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

61. Г а к В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова (психолингвистические исследования) М., 1971.

62. Л е о н т ь е в А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации. М., 1979.

63. М у р з и н Л.Н. Синтаксическая деривация: Анализ производных предложений русского языка: Пособие по спецкурсу. Пермь, 1974.

64. К а ц н е л ь с о н С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

65. М у р з и н Л.Н., Ш т е р н А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1972.

66. Б о н д а р к о А.В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Л., 1987.

67. Г а к В.Г. О моделях языкового синтеза // Иностранные языки в школе. 1969. N 4.

67. К и б р и к А.Е. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.

68. Ч е й ф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.

69. Б о н д а р к о А.В. Грамматическое значение и смысл. М., 1978.

70. Щ у р Г.С. О семасиологическом и ономасиологическом подходе в лингвистике //Вопросы лингвистики. Томск, 1975. Вып. 4.

71. Г о л е в Н.Д. Система номинации конкретных предметов в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1972.

72. А р у т ю н о в а Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

73. А р у т ю н о в а Н.Д. К проблеме функциональных типов лексических значений // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

74. К р а с и л ь н и к о в а Е.В. Имя существительное в русской разговорной речи: Функциональный аспект. М.,1990.

75. Я ц к е в и ч Л.Г. Вопросы русского формообразования: Функционально-типологический подход в морфологии (на примере имен существительных). Минск, 1987.

76. Ш е л я к и н М.А. О функциональной модели форм числа существительных в русском языке //Учен. зап./ Тартус. ун-т. Вып. 719. Функциональные аспекты грамматики русского языка. Тарту, 1985.

77. З е м с к а я Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

78. Л е о н т ь е в А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.

79. З е н к о в Г.С. Принципы организации словообразовательных элементов в систему и возможности ее описания: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1993.

80. Г и н з б у р г Е.Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.

81. С о б о л е в а П.А. Структура словообразовательного значения // Проблемы структурной лингвистики. 1980. М., 1982.

82. М у р з и н Л.Н. Синтаксическая деривация, номинация, словообразование // Синтаксическая структура в номинативном и деривационном аспектах. Омск, 1988.

83. М у р з и н Л.Н. Основы дериватологии. Пермь, 1984.

84. Ш а т у н о в с к и й И.Б. Проблемы словообразовательной транспозиции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

85. Ш а т у н о в с к и й И.Б. Коммуникативные функции слова и отношения мотивации // Сб. науч. тр. / Ташк. гос. ун-т им. В.И.Ленина. 1980. N 629.

86. Я н ц е н е ц к а я М.Н., Р е з а н о в а З.И. Модификационные производные и их функции // Р,сские говоры Сибири: Семантика. Томск, 1995.

87. Б л и н о в а О.И. Проблемы диалектной лексикологии: Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1975.

88. Я н ц е н е ц к а я М.Н. Словообразовательная и лексическая мотивированность слова // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1977. Вып. 4.

89. Б л и н о в а О.И. Лексическая мотивированность и варьирование слова в диалектах // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1971.

90. Д е м е ш к и н а Т.А. Типы смысловых отношений мотивационно связанных слов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1984.

91. Н а у м о в В.Г. Явление мотивации слов в системе диалекта (лексикологический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988.

92. Н е с т е р о в а Н.Г. Мотивационное значение слова и его статус: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Томск, 1987.

93. Я н ц е н е ц к а я М.Н. Мотивационные отношения в лексике и лексическое гнездо // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984.

94. Ф у р г е л ь И.А. Типы семантических отношений в словообразовательном гнезде: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988.

95. Т и х о н о в А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря русского языка. Самарканд, 1971.

96. Г о л е в Н.Д. О семантических типах мотивационных отношений // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1985.

97. Н а у м о в В.Г. Мотивационные отношения слов диалекта и типы их актуализации // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: Семантический аспект. Томск, 1983.

98. Б ю л е р К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М., 1993.

99. М а н д е л ь ш т а м И.Э. Об уменьшительных суффиксах в русском языке со стороны их значения // Журнал министерства народного просвещения. 1903. Июль, август.

100. Я к о б с о н Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990.

101. Х а р и т о н ч и к З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. Минск, 1986.

102. Семантические вопросы теории словообразования: Производящее слово. Томск, 1991.

103. Т е л и я В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

104. Р е з а н о в а З.И. Метафорические и родовидовые мотивационные отношения // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Кемерово, 1992.

105. З е м с к а я Е.А., К у б р я к о в а Е.С. Проблемы словообразования на современном этапе (в связи с 12-м Международным конгрессом лингвистов) // Вопросы языкознания. 1978. N 6.

106. П а в л о в В.М. Понятие лексемы и проблемы отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.

107. К и б р и к А.Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Изв. АН СССР. Сер. лит. н яз. 1980. Т.39. N 4.

108. З о л о т о в а Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

109. Словарь русского языка. М., 1980. Т.2.

110. У е м о в А.И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963.

111. А р н о А., Л а н с л о К. Всеобщая рациональная грамматика Пор-Рояль. М., 1990.

112. Л и т в и н Ф.А. О степенях предикативности // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1984. N 4.

113. Р у д н и ц к а я Е.Л. Некоторые классы сентенциальных наречий в русском языке. Семантика. Синтаксис. Лексикография //Вопросы языкознания. 1994. N 1.

114. П о ч е п ц о в Г.Г.(мл.) Коммуникативно-прагматические аспекты семантики // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1984. N 4.

115. А р у т ю н о в а Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

116. П о р я д и н а Р.Н. Функционирование деминутивов в среднеобских говорах // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации. Томск, 1995.

117. Р е з а н о в а З.И. К функциональной характеристике деминутивов (в художественной и разговорной речи) // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой организации. Томск, 1995.

118. А з а р х Ю.С. К истории сингулятивов в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 1973.

119. А п р е с я н Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988.

120. П а д у ч е в а Е.В. Референциальные аспекты высказывания (семантика и синтаксис местоименных слов): Автореф. дис.... д-ра филол. наук. М., 1982.

121. К р ю ч к о в а О.Ю. Субъективно-оценочные словообразовательные значения русских имен существительных // Лексическая и словообразовательная семантика русского языка. Саратов, 1990.

ГЛАВА 2

СИНТАКСИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННАЯ ДЕРИВАЦИЯ

2.1. О формально-смысловой структуре высказывания

Весьма обширная по составу группа СТ, продуктивных и активных в современном русском языке, направлена на грамматические межчастеречные трансформации единиц лексикона для обеспечения иного набора возможных синтаксических функций. В своей ядерной части такие морфолого-синтаксические преобразования не затрагивают собственно лексических (денотативных) компонентов исходных единиц, что не снимает вопроса о смысловой направленности таких деривационных процессов. Мы можем предположить, что не имеющие денотативной направленности процессы синтаксической деривации обращены к формированию элементов других смысловых срезов текста. В современных функциональных синтаксических теориях сформулирован постулат о функциональной обусловленности языковой формы: "различие формы служит для различения значений" (1, с.20; 43, с.39). Вместе с тем в работах по семантическому синтаксису выявлена асимметрия поверхностного, формально-синтаксического среза высказывания и глубинно-смыслового (26, с.295; 27, с.59; 9, с.3 - 8 и др.). Корреляция этих уровней осуществляется нелинейно, что определяется множественностью смысловых членений, их сложным переплетением, "выходами" разных смыслов к формам их выражения через ряд опосредствований.

Поверхностный формально-синтаксический уровень представлен словоформами в их синтаксической определенности, соотнесен и обусловлен глубинно-смысловым (семантическим). Все элементы смысла находят непосредственное или опосредствованное выражение в форме. В семантическом уровне выделяем в соответствии с достаточно длительной традицией, идущей от Ш.Балли, два аспекта: объективный (диктум) и субъективный (модус). При этом первый аспект смысла высказывания соотносится с двумя аспектами знака - семантикой (отношение "знак - мир") и синтактикой (отношение "знак - знак"), второй аспект знака соотнесен с прагматикой (отношение "знак - человек"). Как и в семиотике, в семантическом синтаксисе более проработан первый аспект смысла высказывания - объективное содержание, границы второго, как и границы праг-

матики, весьма приблизительно и многовариантно представлены в современных синтаксических теориях.

Основное понятие-термин, с помощью которого описывается объективное содержание предложения/высказывания, - пропозиция. Пропозиция как интерпретационная логическая модель противопоставляется денотату предложения, отражаемому в терминах "событие" и "ситуация" (2, с.44). Одна ситуация может быть представлена разными пропозициями, по-разному аспектирующими событие, число интерпретаций "зависит от характера ситуации и от числа ее возможных поворотов" (2, с. 44; ср., например: приготовить суп на обед - сварить суп на обед). Одна и та же пропозиция, в свою очередь, может получить различные номинации, представляющие с большей или меньшей степенью изоморфизма ее структуру (3), например: он взглянул на меня искоса - в этом взгляде...

Пропозиция как логическая структура ситуации двучленна, имеет субъектно-предикатную организацию. Предикатный элемент задает масштаб представления ситуации, набор и конфигурацию актантов, в ней заложен набор актуализационных категорий.

Аргументы, в первую очередь субъект пропозиции, выступают в качестве средств референции. Пропозициональное отношение реализуется как соотнесение механизмов предикации и референции. В обширной литературе по логической семантике термин "предикат" интерпретируется либо как основной компонент пропозиции, противопоставленный субъекту, представляемый в поверхностной структуре высказывания глаголами с именными и наречными распространителями (*Девочка быстро* резала *лук на краешке стола*), либо как компонент, фиксирующий тип отношения субъектного термового компонента с другими. Это предикат в узком смысле, в поверхностной структуре высказывания ему соответствует глагол (*резала* - в приведенном примере) или прилагательное в сочетании со связкой как наиболее изоморфные номинации. В дальнейшем мы используем термин "предикат" и в широком и в узком смысле, представляя в схемах пропозициональных структур первый вариант значения заглавным символом P, второй - строчным p в сочетании с символами актантов и сирконстантов - S, O и др. Второй вариант представления структуры пропозиции выступает как детализация первого.

В рамках синтаксической традиции в диктуме также выделяются припропозитивные смыслы, "включающие круг внешних по отношению к пропозиции, но прикрепленных к ней, обслуживающих ее смыслов", это "смыслы фазисности, интенсивности, количественности ... негации" (4, с.9 - 10).

Зона семантики, относимой к модусу, субъективному содержанию высказывания, весьма широка и неоднородна. Объединяет это

содержательное разнообразие обусловленность отражением различных параметров акта коммуникации. Разнообразие же их отражает сложность акта коммуникации, множественность факторов, проявляющихся в организации сообщения. Смысловая неоднолинейность порождает многообразие интерпретаций данного среза смысла высказывания; различия проявляются как в определении границ модуса, так и внутренней его структурации (см. 4, 5). Часть модусных смыслов по содержанию подобна диктумной семантике, и одно и то же значение может в разных высказываниях иметь статус то диктума, то модуса. Такие смыслы интерпретируются через понятие пропозиции. К ним Т.В.Шмелева относит пропозиции "восприятия, оценочной деятельности и логические пропозиции характеризации, которые тесно соприкасаются с квалификативными категориями модуса" (4, с.39; 6). В дальнейшем мы различаем два основных подтипа категорий модуса: 1) модальные и эмотивно-оценочные и 2) категории, определяющие логико-коммуникативную перспективу предложения, категории "упаковки" - "совокупность способов, с помощью которых говорящий приспосабливает свою речь к текущему состоянию сознания слушающего" (7, с.278).

Обнаруживаемая множественность смысловых сечений высказывания объясняет наличие синтаксических конструкций, формальных операций, в нашем случае - деривационных процессов, которые не имеют непосредственной отражательной, денотативной направленности, но ориентированы на обслуживание других смысловых срезов, часто - в их взаимосвязях. При этом "одна и та же синтаксическая единица ...в одном языке может объединять различные конфигурации этих свойств. Некоторые из таких конфигураций более устойчивы - они образуют типичные свойства синтаксических единиц, другие являются случайными, произвольными, характеризующими узус, а не систему" (1, с.31).

2.1.1. Способы номинации пропозиций

Как отмечается в синтаксических теориях, "при изучении смысла предложения становится ясным, что его семантическая структура равна одной пропозиции с обязательной для нее модальной и коммуникативными рамками только в небольшом числе довольно элементарных случаев" (8, с.137). Реально в речи доминируют высказывания с асимметрией поверхностной и глубинной структур (см. об этом, например, 9, с.3 - 8; 13, с. 142). В языке выработан довольно сложный механизм пропозиционального насыщения высказывания, обеспечивающий комбинирование эксплицитных и имплицитных способов ее представления, а также различную степень эксплицитности. В иерархии способов формального выражения пропозиций

первенство отдается структурам предложенческого типа, организуемым глаголом в спрягаемой форме с необходимыми именными распространителями. В таких номинациях наблюдается наибольшая степень изоморфизма поверхностной и глубинной структур, только такая репрезентация способна независимо актуализировать свое содержание "в силу морфологических возможностей глагола" (8, с.133). Все другие репрезентации различаются степенью свернутости при представлении элементов пропозиции, зависят в своей реализации от основной спрягаемой формы, выступая в сочетании с ней и относительно нее актуализируя свое содержание. При этом актуализация происходит при опоре на другие средства контекста (8, с.133; 9, с.9; 10, с.44 - 45).

К средствам вторичного свернутого представления пропозиции относят прежде всего нефинитные формы глагола - причастие, деепричастие, инфинитив, а также отадъективные и отглагольные nomina abstracta (8, 9, 10, 11, 12 и др.). Последние наиболее хорошо изучены в рамках теории номинализации (13). Реже в этот ряд включают другие синтаксические дериваты: прилагательные (8, 12, 14), наречия (14, 15, 16, 29). На наш взгляд, в этот ряд может быть включено большинство производных, а также ряд непроизводных имен в особых синтаксических условиях.

О наличии свернутой, вторичной пропозиции свидетельствуют элементы формы простого предложения: "Общепринятые термины обстоятельства причины, цели, условия и т.п. - уже сами по себе указывают на семантическую сложность предложения: причинные отношения не могут возникать между предметами" (12, с.130).

Вторичные формы именования пропозиции различны в своих возможностях представлять пропозитивные структуры глубинных событий. Так, Ф.А.Литвин в английском языке выделяет десять ступеней убывания предикативности в различных языковых репрезентациях, при этом номинализации занимают последнюю позицию, так как в них "глагольные категории не просто отсутствуют в поверхностной структуре, но принципиально заменены другими категориями" (10, с.48). Но, заметим, если по отношению к формам глагола отглагольные и отадъективные nomina abstracta характеризуются наибольшей опосредствованностью в представлении структуры глубинной пропозиции, то по отношению к другим синтаксическим дериватам оно выступает как наиболее репрезентативная форма. Степень опосредствования в представлении структур соответствующих пропозиций в таких синтаксических дериватах определяется и исходной, производящей семантикой, и грамматической формой, и количеством деривационных шагов. Так, относительные прилагательные типа отцовский (портфель), шерстяной (платок), кофейные (чашки) более опосредствованно, в более свернутой фор-

ме представляют вторичную, зависмую пропозицию в силу их производности не от имени центрального элемента соответствующей пропозиции, а от имен актантных членов, занимающих в структуре пропозиции более периферийное положение.

СД атадъективные наречия производны от прилагательных, в большей своей части также синхронно мотивированных, восходящих как к именной (функционально - термовой, актантной семантике), так и к глагольной (функционально - предикативной). В силу этого степень репрезентации соответствующих глубинных пропозиций в производных наречиях различна, ср.: взволнованно вскочил и собака пушисто легла (пример О.П.Ермаковой - 17). Заметим, что не каждое отадъективное наречие вводит в смысл высказывания дополнительную пропозицию, ряд из них вводит припропозитивные смыслы (долго молчал).

Наконец, в полипропозитивном высказывании одна или несколько пропозиций могут не находить непосредственного, по крайней мере словного, выражения, в таких случаях говорят об имплицитных пропозициях, эллипсисе, имплицитной предикативности (18), потенциальных компонентах текста (14). Не имея непосредственного выражения, имплицитная пропозиция находит опосредствованное выражение в различных элементах целостной формы высказывания. Е.Н.Старикова выделяет в качестве индикаторов имплицитной предикативности элементы фонетического уровня, прежде всего - логическое ударение, а также ряд лексических показателей - определенные частицы, местоимения, наречия и др., например в высказывании *He is here again* наречие again маркирует свертывание двух пропозиций: *He was here before, He is here now* (18, с.42 - 130). Показателем наличия скрытой пропозиции может быть и самое соположение в структуре высказывания имен пропозиций, структурирующих определенные типы ситуаций. В высказывании *Она кое-как перебивалась перепиской нот* лексически выражены две пропозиции, в импликации находится третья, логическая, - отношение между названными двумя: перебивалась тем, что переписывала ноты. К импликации в структуре высказыванимя тяготеют "единицы модального плана, а также структуры, имеющие характер дополнительного сообщения, сопутствующего основному, эксплицитно выраженному суждению" (18, с.41). Ср., например, анализ модусной импликации в конструкции "Если А, то С", развертываемой в "Если А, то В, что С" — *Если хотите купить хлеба, то магазин налево — Если хотите купить хлеба, то знайте, что магазин налево" (19, с. 48).* Заметим, что к импликации тяготеют также логические пропозиции.

2.2. Смысловые преобразования в процессах синтаксической деривации

Спектр функциональных возможностей, обретаемых в процессах синтаксической деривации, определяется смысловыми преобразованиями, суть которых не сводится к простой замене грамматических и лексико-грамматических признаков исходной части речи новыми. Процесс представляется более сложным, диалектически разнонаправленным. Самый процесс замены, безусловно, наличествует, наиболее ярко проявляясь в деривационных отношениях кардинально противопоставленных частей речи "глагол - существительное" (читать - чтение), менее ярко - в процессах взаимной синтаксической трансформации "прилагательное - наречие" (широкий - широко, вчера - вчерашний). На наш взгляд, словообразовательные процессы последнего типа - наиболее "чистая" синтаксическая деривация, менее всего осложненная лексическими семантическими добавками, что не в последнюю очередь определяется близостью грамматических категорий этих частей речи. Яркость, своеобразная сила синтактико-морфологического преобразования "имя - глагол" определяется известной полярностью их грамматических категорий, образующих два противопоставленных ядра предложения, обеспечивающих механизм референции (имя, именная группа), и предикации (глагол, глагольная группа). В трансформациях "существительное - прилагательное" изменяются статусы одноименных грамматических категорий, они преображаются из номинативно-отражательных в формально-синтаксические, маркируя зависимость признака от грамматически доминирующего имени существительного.

Диалектика процессов "зачеркивания" старых и обретения новых грамматических категорий заключается в том, что при семантических трансформациях в синтаксическом деривате "никогда не устраняются общекатегориальные признаки исходного слова... У признаковых слов не устраняется их признаковый характер, у предметных - субстантивный" (20, с.152, см. также 11, с.125 - 126; 21, с.10); производные этого типа "по самой сути своей служат тому, чтобы увязать, совместить в единой структуре разнородные и разнопорядковые значения, продемонстрировать их связанность в природе вещей..." (44, с.191). Синтаксический дериват наречие, "переживший" ряд деривационных трансформаций, также сохраняет семантическую память об исходных категориальных смыслах: адъективных (весело смеялся, субстантивных (пушисто цвела), глагольных (задумчиво улыбался).

Конкретный набор грамматических категорий производящего имени, через которые реализуется общекатегориальное значение части речи, в производном имеет иное, факультативное существование

в виде потенциальных компонентов семантики. Эти компоненты в определенных текстовых условиях могут проявиться с большей или меньшей полнотой: в отглагольных существительных "видо-залоговые различия не столько сняты (нейтрализованы), сколько обобщены и дремлют в виде скрытых сем, всегда готовых к тому, чтобы быть объективированными, выведенными на поверхность" (20, с.153 - 154), отмечается также факультативность в производном имени облигаторных глагольных актантов (21). Вследствие этого имя, сохраняя значение процесса, получает возможность представлять его обобщенно, вне предметной детализации и конкретной привязки к временной оси. Вместе с тем при необходимости возможна коммуникативно целесообразная актуализация любого пребывающего в потенциальном состоянии аспекта.

Предметность в относительном прилагательном живет как многоаспектность, характеристика предметного отношения по всему спектру возможных соотношений, ср. известный пример автомобильные деньги, проанализированный Е.А.Земской (22, с.188).

Значение предметного признака сохраняется и в ряде отадъективных наречий, ср.: **весело** говорил - говорил, будучи веселым, **сиренево** укутанные девушки - девушки, укутанные в сиреневые одежды, и т.д.

Таким образом, синтаксические дериваты характеризуются как производные со своеобразной гибридной категориальной семантикой: приобретая новое, они не утрачивают исходное значение, меняется лишь статус семантических элементов. Эта категориально-грамматическая гибридность отражается в формулировках словообразовательных значений: "опредмеченное действие", "адвербиализованный признак" и т.д. Словообразовательно обусловленными, таким образом, являются те аспекты текстовых смысловых включений СД, которые опираются на создаваемый в актах деривации категориально-грамматический синкретизм семантики.

В результате в различных текстовых условиях, отвечая на запросы разных коммуникативных обстоятельств, СД могут актуализировать больше свойств исходных или производных семантик. Отглагольное существительное может быть более или менее "предметным" - в наибольшей степени обобщая актантную структуру и представляя процесс как вневременное свойство (1-й пример), или более глагольным, актуализируя с помощью окружения актантную структуру и видовременные смыслы (2-й пример), ср.: (1) **Страдание** и **прощение** - *вот смысл наших приходов на Землю (Л. Петров)* и (2) *Алексей Александрович, к удивлению своему и радости, почувствовал совершенное освобождение... от мучивших его в последнее время* **сомнений** *и* **страданий** *ревности (Л. Толстой).*

Семантика относительного прилагательного колеблется от широкой контекстной предметной отнесенности признака к качественной характеристике, представленной как обособленная в определенной степени от предметной связи; следующий ряд представляет увеличение качественной определенности признака, проявляющейся в снятии многообразия предметного отношения: автомобильные деньги - отцовский пиджак - материнская забота - розовый платок.

Наречия, занимая формально приглагольную позицию, могут быть как истинными определителями течения глагольного действия - долго молчал, так и его опосредствованными характеристиками, определяя, например, состояние субъекта действия, проявляющееся в характере осуществления последнего - взволнованно молчал; наречие также может именовать предметный признак, появляющийся в результате действия - красиво пишет - пишет красивым почерком.

Синтаксические дериваты выступают как члены более широкой лексико-семантической парадигмы средств вторичной номинации соответствующего действия, предмета, признака. Так, в отглагольном имени как бы завершаются, проявляясь в более яркой форме, свойства нефинитных глагольных форм, в которых "ситуация обозначается безотносительно к ее локализации в плане модальности и времени, вообще - к самому факту ее осуществления", при этом "ситуация обозначается в отвлечении от субъекта, безотносительно к лему" (8, с.135) (взволновавшись, взволнованный, взволнованность). Этой тенденции соответствует также внутренняя динамика семантики финитных форм - от настоящего актуального к панхроническому значению действия как способности, сопровождающаяся к тому же утратой предметной (актантной) определенности: мальчик читает книгу — мальчик уже читает.

Отадъективное отвлеченное имя также включено в цепь трансформаций признака по линии "актуальное -- вневременное характеризующее", проявляющееся в позициях: предикатной (мальчик весел), приименной характеризующей (веселый мальчик), номинализации (веселость мальчика). В эту парадигму включено также характеризующее имя лица, по ряду признаков также определяемое как синтаксический дериват (весельчак).

Как вторичные номинации, большинство имен этого класса характеризуется значительной контекстной зависимостью в актуализации смыслов, создаваемых в словообразовательных актах. В системе текстовых детерминаций важнейшей является связь с основным предикатом высказывания, что отмечено при исследованиях проявления практически всех актуализационных категорий производящего глагола в производном имени (10, с. 45; 18, с.23; 23; 24). Верным это утверждение будет и относительно отадъективного наречия. Для относительного прилагательного роль такого актуали-

затора играет определяемое существительное. Наряду с основным предикатом высказывания в процессах актуализации участвуют другие элементы лексического и синтаксического окружения, для nomina abstracta - это прежде всего предлоги.

Синтаксический дериват определяется как динамичная, подвижная система, колеблющаяся между полюсами синтетичности (лексичности) и аналитичности (синтаксической развернутости). Синтетичность семантики может проявляться в двух вариантах. Синтаксический дериват может функционировать как обобщенная, абстрагированная, данная вне текстовых актуализационных связей, как бы вобравшая в себя все предшествующие текстовые реализации: *То, что делает ваша "Косарка" - есть* экспроприация экспроприаторов; *...плавал дразнящий, вкусный запах еды* изгнанья (*С. Липкин*).

Синтаксический дериват может выступать в качестве контекстно обобщающей структуры, осуществляющей свертывание ситуации предшествующего или последующего контекста, вбирая в себя ряд описаний с различными актуальными признаками: *Совершенно правильно заметил Энгельс, что жилищный вопрос может убить человека. Это* замечание *было взято на вооружение... (С. Липкин).* В данном фрагменте СД вбирает в себя всю синтагматику непосредственно мотивирующего слова, что выявляется с помощью показателя кореферентности - местоимения это. Наследуемость текстовых характеристик может быть подчеркнута сохранением синтагматической структуры мотивирующего: *Господь мой,- шептал Миша. - Отец мой, видишь ли ты меня? - Шептал, потеряв власть над собою, но крылатой была эта* потеря *власти над собою... (С. Липкин).*

В следующем фрагменте синтаксический дериват страдание совмещает в себе функции текстового резюмирования, подводя итог приведенным фактам проявлений состояния героя, его страданию, и надтекстового обобщения, переводя ситуацию в общечеловеческий план, что поддержано и продолжено в другом СД возвышение, который занимает позицию предиката: *Конечно,* страдание *человека и есть его возвышение.. но духовное, а не сословно-иерархическое (С. Липкин).*

Другой тип текстового функционирования синтаксического деривата представляют примеры: *...но она [Мария Павловна] сейчас же овладела собой и с почти естественным* смехом *сбежала к ручью (Л. Авилова); И хотя Матрена Васильевна вынудила меня походить еще по деревне, и хотя в мой второй* приход *долго отнекивалась... но уж встретила меня на ногах... (А. Солженицын); Тут увидел Лева отца и мать,* готовно *и* радостно *суетящихся (А. Битов).* Синтаксические дериваты называют вторичные пре-

дикаты, соотнесенные во времени (с различного рода смысловыми осложнениями) с основным предикатом и характеризующие разные аспекты его становления, протекания. Актуализационные категории, как и актантное развертывание, интерпретируются на фоне всех элементов контекста - основного предиката с его синтаксическими связями, показателями кореферентности, предлогами, другими показателями синтаксической зависимости (см. об этом далее).

2.3. Принцип коммуникативного приоритета при описании функций синтаксической деривации

В описании текстовых функций в качестве исходной точки, логически доминирующей в анализе, можно избрать любой, формальный или смысловой, срез высказывания. При выборе в качестве точки отсчета формально-синтаксического уровня анализируются разнообразные синтаксические позиции (подлежащие, дополнение и т.п., их мена в деривационном преобразовании) и определяется их логико-смысловая (пропозициональная) и коммуникативная направленность. Такой подход может быть определен как семасиологический, аналитический, формально-синтаксический (см., напр., 31, 32).

Возможен анализ в направлении от логико-смысловой основы содержания высказывания, когда за исходную точку берутся типы пропозициональных структур, выражаемых в конструкциях с использованием производных отглагольных имен nomina abstracta (6, 29). В нашем видении проблемы такое описание должно быть дополнено определением синтаксических позиций выражения тех или иных пропозициональных отношений, их коммуникативной направленности и описанием интерпретационно-языковых следствий. Этот подход может быть определен как логико-синтаксический.

Третий вариант приоритетов в описании комплексного смысла принимается в данной работе - приоритет коммуникативной функции. Авторы исходят из принципа коммуникативной доминанты в построении текста. Выявляется коммуникативная направленность использования синтаксического деривата в разных типах контекстов, логический и интерпретационно-языковой эффект такого использования, синтаксические позиции, в которых дериват функционирует с данным типом коммуникативной направленности.

2.4. Функции отглагольных существительных в формально-смысловой организации текста

Текстовые функции синтаксических дериватов рассмотрим на примере отглагольных существительных и отадъективных наречий. Производные этих разрядов, на наш взгляд, наиболее ярко проявляют функциональную направленность процессов синтаксической деривации: первые - в силу яркости морфологической трансформации, полярности грамматических категорий имени и глагола, вторые - в силу того, что эти дериваты часто замыкают целую серию морфолого-синтаксических преобразований, накапливая в себе смысловой потенциал не только исходного, но и посредствующих звеньев деривации.

Поверхностная формально-грамматическая трансформация отглагольного существительного дает ему возможность занять новую синтаксическую позицию - актантную, что позволяет вписать событийную семантику в смысловое пространство предложения на правах его элемента. Э о преобразование интерпретируется как механизм пропозитивного насыщения высказывания (после приезда зайду, кормил семью переводами с английского, с сожалением ответил, молчание убивало).

Подчеркнем, что в процессах синтаксической деривации не создается нового пропозитивного содержания. Логической основой синтаксической деривации являются понятийные процессы категоризации фрагментов мира. Воспринимаемый мир в сознании человека предстает в категориальном оформлении вещи, свойства, отношения. Философы отмечают универсальность этих логических категорий и их взаимообратимость (42). Синтаксическая деривация является одним из механизмов языкового представления обратимости логических категорий: вещь представляется как свойство (оконный, розовый), отношение как свойство (колючий), свойст о как отношение (синить), отношение как вещь (рубка, разорение) и т.д.

Отсутствие номинативной функциональной направленности синтаксической деривации проявляется в непропозитивном характере словообразовательной семантики производных этого типа: синь – "нечто синее" (ср. синяк), бег =* "некто/нечто бежит"(ср. бегун, бегунок). Полипропозитивность синтаксических структур с синтаксическими дериватами определяется специфической синтаксической позицией производного, пропозициональное содержание наследуется из производящего слова (последнее может представлять его с различной степенью проявленности). Словообразовательное значение и форма обусловливают возможность определенного типа связи пропозиции, вводимой мотивирующим словом, с другими пропозитивными структурами. Словообразовательная структура (фор-

ма и семантика) выступает одним из средств выражения взаимного отношения пропозиций; во фрагменте *после* победы *(P-2) революции (S-2) они (S-1) уехали (P-1)* реализуется временное отношение ситуаций, при этом зависимый статус ситуации "революция победила" в высказывании маркируется именной формой ее репрезентации, что в схеме может быть отражено следующим образом: (S-1 → P-1)←1 temp (S-2 ← P-2). Стрелка обозначает направление зависимости, S - субъект, P - предикат, в латинской лексике обозначена логическая пропозиция временного отношения.

В процессах пропозитивного свертывания отражаются как внутридиктумные (после победы революции уехали, приехали в поисках счастья), так и диктумно-модусные отношения (помню твой приезд, знал о его несговорчивости, несгибаемость его удивляла).

Высказывания типа *Помню твой приезд* получают различную интерпретацию в исследованиях по синтаксической семантике: 1) как полипропозитивные структуры с модальной и диктумной пропозициями (6, 19); 2) монопропозитивные структуры с эксплицитной модальностью (13). Различие интерпретаций связано с разным содержательным наполнением термина пропозиция (см. об этом 13, с.21 - 79). Аторы отмечают, по сути, одно явление, описывая его в разном терминологическом оформлении.

Данное преобразование рассматривается как один из механизмов реализации прагматической языковой функции: синтаксический дериват участвует в формировании логико-коммуникативного аспекта высказывания. В позиции субъекта высказывания отглагольное существительное может выступать как средство тема-рематического развертывания текста: элемент, формирующий тему, в составе именной группы в соединении с другими элементами, прежде всего местоимением, служит выражению кореферентности отрезка текста. В позициях других актантов синтаксический дериват выступает также как средство логико-коммуникативной организации предикатов, выражения зависимого статуса именуемой пропозиции; совместно с другими элементами окружения маркируются конкретные смысловые отношения: временные, причинные, целевые, условные, характеризующие и т.д., т.е. формируются логические пропозиции (задержался из-за болезни сестры - по причине болезни).

Такой комплекс функций обеспечивается создаваемой в словообразовательном акте гибридностью категориальной семантики, совмещением в грамматической форме и семантике именных компонентов и "наследственной памятью" о глагольных актуализационных категориях. Такая смысловая организация является семантическим основанием как механизма полипропозиционального насыщения (основа - рудиментальная глагольность), так и механизма логической организации смысла высказывания. Несамостоятель-

ность актуализационных категорий - маркер зависимого статуса соответствующей пропозиции, ее содержание подчинено либо задачам интерпретации условий протекания базовой ситуации (например: "с сомнением сказал" - сомнение, переживание определенного состояния представлено как характеристика протекания другого действия - речевого), либо вторичности по отношению к предшествующим или последующим внутритекстовым глагольным номинациям: *Я сомневался... отчаянно, жестоко в ее верности, это* сомнение *подтачивало силы.*

Представление события, ситуации в форме имени - один из механизмов языковой многоаспектной, многомерной интерпретации действительности. Русский язык как глубоко синтетический язык флективного типа имеет широко развитую сеть вариантного представления одного фрагмента мира в системе грамматических, словообразовательных, лексико-семантических форм и вариантов. Отмеченная ранее специфика номинализации в ряду вариантов представления ситуации создает условия для выполнения нескольких коммуникативных задач. Подобные номинации событий используются при коммуникативной потребности сосредоточить внимание на событии как таковом без дополнительной фиксации участников и актуальных условий протекания, что приводит к другому коммуникативному следствию - возможности задавать многомерные ассоциации (ср. подобные наблюдения - 30, с.14 - 16; 20, с.179- 199).

Утратив формальную маркированность актуализационных категорий, отглагольное имя стоит в ряду, который замыкает отглагольное наречие, интерпретаций одного события в аспекте его самостоятельности. Ср.: "волновался и говорил" - две сопоположенные ситуации; "волнуясь, говорил" - идея процессности действия сохраняется в деепричастной форме, но есть показатель смысловой, коммуникативной несамостоятельности - грамматическая зависимость видовременных характеристик деепричастной формы; "в волнении говорил" - как процесс грамматически оформлена одна ситуация, вторая представлена как обстоятельство образа действия (синтаксический термин имеет яркую внутреннюю форму - действие, состояние представлено языком как обстоятельство протекания основного действия, обстоятельство, определенным образом модифицирующее его протекание); смысл несамостоятельности процесса еще более усиливается в обстоятельственной номинации "взволнованно говорил" - состояние субъекта языком представляется через призму его проявления в течение другого действия.

Синтаксические дериваты других грамматических классов в соответствии с исходными и результативными морфологическими характеристиками, а также с количеством этапов деривации представ-

ляют варианты реализации функций пропозиционального насыщения и логико-коммуникативной организации смысла высказывания.

Как представляется, логико-коммуникативная направленность использования механизма синтаксической деривации при формировании формально-смысловой структуры высказывания может быть сведена к трем типам. Они различаются характером смысловой направленности включения СД в процесс порождения высказывания: смысл одной предикации в составе высказывания, смыл полипредикативного высказывания, смысл текста.

В первом случае сочетание СД со связочными или полусвязочными глаголами служит способом аспектации одного события, денотата nomina abstracta (дать обещание, ведутся поиски и т.д.). Во втором типе синтаксическая деривация включена в процесс логической организации ситуаций в рамках полипропозитивной структуры высказывания (зайду после приезда, помню его отъезд), в третьем типе - тема-рематического развертывания текста.

2.4.1. Коммуникативная аспектация одной ситуации (монопропозитивные структуры)

Функцию коммуникативной аспектации одной ситуации отглагольный дериват выполняет, занимая позицию сказуемого. Использование отглагольных синтаксических дериватов в этой позиции кажется на первый взгляд коммуникативно малооправданным, может быть даже парадоксальным: глагол трансформируется в имя, утрачивая актуализационные категории, затем используется в сочетании со связочными и полусвязочными глаголами, восстанавливающими способность к актуальному означиванию ситуаций, и занимает в высказывании позицию предиката, в поверхностной структуре - сказуемого, позицию, как известно, исконно глагольную. Например: Занимался *он мелкой валютной* спекуляцией: *обменивал твердые франки на зыбкие ассигнации недолговечных правительств (С. Липкин); Тюрьма другое* оказала влияние: *он стал выпивать (Л. Леонов); Сегодня опять* испытывала ревность *к Маше за папа!* (Т. Сухотина-Толстая).

Подобные конструкции характеризуются как монопропозитивные с припропозициональным расширением. Высказывания с такими конструкциями также характеризуются асимметрией глубинной и поверхностной структур, но асимметричность создается большей формальной сложностью, большим числом элементов формы, нежели число элементов содержания: одному предикату соответствуют две лексемы. (Здесь и в дальнейшем, говоря о количестве пропозиций, мы имеем в виду только те фрагменты высказывания, которые организуются анализируемой конструкцией. Реально все при-

веденные выше конструкции полипропозитивны.) Так, фрагмент высказывания "он занимался мелкой валютной спекуляцией" трансформируется в "он спекулировал валютой". Логическая (пропозитивная) основа фрагмента на схеме может быть представлена как S → P или как S → p → O.

Такое соотношение исходной и мотивирующей семантик и функций единиц приводит к отрицательной оценке использования этих форм в литературном языке за пределами деловой речи, где наблюдается их значительная экспансия. Действительно, достаточно обширная группа дериватов, функционирующих таким образом, имеет стилевую маркированность (11, с.128), их включение в разговорную речь или художественный текст является ярким показателем переключения стилевого регистра общения, ситуативного изменения статусов говорящего и слушающего с личностного на социально-ролевой. Это преимущественно модели со связочными глаголами дать, иметь. Конструкции с фазовыми глаголами начаться, заканчиваться, продолжаться, глаголами со значением способа протекания действия, интенсивности действия такой стилевой отмеченности не несут. Ср.: *Бахарев оживился и* давал *самые подробные* объяснения *новой, только что поставленной катальной машины, у которой стальные валы были заточены самым необыкновенным образом (Д. Мамин-Сибиряк)*; *Несколько минут в кабинете* стояло *напряженное* молчание, *одинаково тяжелое для обоих собеседников* (Д. Мамин-Сибиряк).

Представляется, что использование отглагольного существительного в позиции сказуемого - проявление не семантически опустошенной формальной избыточности, но вариативности и гибкости в языковом отражении событий. Наше видение коммуникативной направленности употребления таких форм в существе своем совпадает с мнением В.Г.Гака (33, с.85 - 102).

Семантической основой специфического коммуникативно оправданного использования таких форм является способность имени обобщенно передавать ситуацию и принимать предметные и процессные определители одновременно. Таким образом организуется, оформляется семантика в тех случаях, когда в коммуникативном фокусе находится само действие как событие, факт. Именная форма используется как закрытая структура, не нуждающаяся в дополнении: *Полицаи* приняли решение *(С. Липкин)*; *И как подумаю только, что не отделаюсь от этого рабства, то* нападает тоска и беспокойство *(Т. Сухотина-Толстая)*; Наступило *тяжелое* молчание, *показавшееся отцу и дочери вечностью (Д. Мамин-Сибиряк)*; *Мировая религия, не так ли. Так на тебе, она раскололась на католиков, арианцев, православных, лютеран, старообрядцев,*

идет резня, *варфоломеевские ночи, убивают, насилуют, грабят (С. Липкин).*

Устранение объекта может сочетаться с "низведением субъекта" (33, с.93 - 95):"...говорящий использует такие обороты, чтобы не выводить субъект на первый план" (33, с.95). В коммуникативном фокусе находится самое событие. В схеме логико-коммуникативная аспектация ситуации может быть представлена следующим образом: "полицаи приняли решение" - S→ p→(O) f-res; "наступило молчание" -(S)→p f-res; "стояло молчание" - (S)→p f-cont, где f - знак припропозитивной конкретизации (фазисное значение), res - результативное значение, cont - продолжающееся действие; помещение символа в скобки отражает коммуникативный смысл "низведения", коммуникативной неактуальности, отражающейся в отсутствии поверхностного выражения или в опосредствованной выраженности.

И в данном случае имя действия включается в парадигму глагольных форм, дезактуализирующих действующее лицо - неопределенно-личные, безличные формы, пассивные конструкции; ср. сочинительный ряд в приведенном выше предложении, в который включено и непроизводное имя процессуальной семантики, и глаголы в неопределенно-личном значении: идет резня, варфоломеевские ночи, убивают, насилуют, грабят. С помощью связочного глагола при именной форме актуализируется значение длительности действия. Как отмечает В.Г. Гак, "именная конструкция еще больше затушевывает субъекта, чем пассивная конструкция" (33, с.95). Основания опущения как субъекта, так и объекта могут быть различными: ситуативная неопределенность или коммуникативная неактуальность. Возможность опущения субъекта и объекта не означает абсолютного долженствования такого использования. Наряду с субъектно- и объектнообобщенным употреблением возможны конструкции с синтагматически реализованными актантами: *Ты (S) можешь* дать определение *(р) пресловутому национальному самосознанию (О)? (С. Липкин)* - субъектно-объектная определенность; *Невдумчивый очевидец мог бы предположить, что владелец магазина, где при НЭПе бойко* продолжалась *оптовая и розничная* продажа *всевозможных сукон и прикладу, поступил умнее Чемадуровой (С. Липкин)* - объектная определенность при низведении субъекта.

Фокусировка самого течения действия, его характеристик обеспечивается сочетанием глагольных и именных распространителей. Аспекты собственно процессной семантики уточняются связочными и полусвязочными глаголами, называющими начало, конец, течение действия (начал движение, прекратились разговоры, идет резня, вели споры), видовые характеристики (дать согласие), время (вел,. ведут, вели споры), интенсивность действия (была в разгаре подготовка, замедлилось продвижение) и т.д. Вместе с тем именная

форма позволяет получить ряд прилагательных-определителей, содержащих уточнение характера протекания процесса через диктумные связи или модальные характеристики (см. в приведенных выше примерах: **валютная спекуляция** - уточнение ситуации в рамках диктума; **тяжелое молчание** - характеристика, оценка ситуации говорящим).

Другой вариант такого типа функционирования реализуется в позиции предиката (сказуемого) в высказываниях с логическим отношением тождества. СД входит в состав высказывания в сочетании со связочным глаголом **быть**. При этом эксплицитное использование его в настоящем времени (**есть, суть**) - маркирование общей книжной стилевой организации речи.

В качестве сильного элемента контекста, определяющего в значительной мере сдвиги семантики СД в аспекте номинативность\предикативность, выступает субъектный компонент высказывания. Его предикативность, более или менее полно выраженная, актуализирует предикатный, процессуальный смысл: *То, что делает ваша "Косарка" - есть* экспроприация *экспроприаторов (С. Липкин); Поймите же: уничтожение племени есть* попытка *дьявола уничтожить Бога (С. Липкин).* В первом высказывании субъект логической операции отождествления - ситуация - представлена развернутой предикатной структурой, центральный элемент которой обозначен глаголом со значением настоящего актуального. Номинализация, занимая позицию характеризующего предиката, переводит ситуацию в качественно-обобщенный, вневременной план, актуализируя предметный аспект семантики. Во втором предложении субъект отождествления также выражен синтаксическим дериватом. СД уничтожение (племени) выступает в функции темы, реализуется как текстовая номинация, сводя в имя предшествующее развернутое описание. В этой номинализации сделан первый шаг к обобщению, завершенный в предикате.

Другой тип реализации семантики мы наблюдаем при подлежащем с предметным значением: (1) *А "Марсельеза" - это счастливый хлеб свободы, хмель свободы, запах ее цветов, ее солнце, ее праздничное всечеловеческое* ликование *(С. Липкин); (2) Он утверждал, что русская литература - величайшее* создание *человечества...(С. Липкин); (3) Прозвище вожака - Факир - пользовалось у нас шумной, недоброй славой. Факир был* порождением *многонационального города, тем сложным химическим соединением, в котором составные элементы утратили свои первичные качества (С. Липкин); (4) Как может быть одна нация выше другой, когда все нации - суть прекрасные, неповторимые* проявления *единого Бога (С. Липкин).*

В приведенных ниже примерах можно наблюдать взаимную координацию семантики предиката и субъекта высказывания: предикат-номинализация актуализирует предикативный потенциал субъекта высказывания не только в именах с семантикой делиберaтов, в которых контекстно актуализируется смысл "создаваемое произведение" ("Марсельеза" - исполняемое произведение), но и в именах лица, в том числе именах собственных (Факир в тексте - действователь, нации представлены в аспекте их духовности, но не телесности). При этом субстантивная форма дает возможность комплексной, и процессной, и результативной, семантике проявиться в тексте одновременно. Так, во фрагменте (1) более актуален процессуальный аспект, во фрагменте (2) - результативный, а в (3) и (4) важно именно сочетание этих двух аспектов - в духовной жизни нации. Бог проявился и проявляется, город породил и продолжает порождать свойства Факира, хотя в этом высказывании последующий контекст также усиливает результативный смысл. Предикативный компонент высказывания актуализирует потенциальную предикативность термовых субъектных компонентов.

Позиция предиката не допускает референтного употребления, актуализируется обобщающий, характеризующий тип семантики номинализации.

Высказывания логического отношения тождества с номинализацией в позиции сказуемого полипропозитивны, субъектно-предикатное отношение без распространяющих его членов включает две пропозиции, вводимые обоими элементами, и логическую пропозицию тождества. В приведенном фрагменте в фокусе находится отождествление ситуаций и выявление их субъекта. "Умолчание" субъекта первой ситуации снимается отождествлением этой ситуации с другой, в которой субъект выявлен и назван; таким образом, неназванный субъект первой ситуации отождествляется с субъектом второй, выявляется его скрытое (дьявольское) начало -"уничтожение племени - попытка дьявола...". Заметим, что логическое отношение тождества устанавливается в высказывании между диктумной пропозицией и более сложным комплексом, имеющим диктумно-модусное содержание, организуемым событийным предикатом уничтожить и предикатом пропозитивного отношения пытаться.

Пропозиции, вводимые субъектным компонентом, могут быть представлены с разной степенью развернутости, могут быть в различной степени контекстно конкретны и актуальны, но в любом случае номинализация в позиции субъекта переводит отождествляемую ситуацию в более обобщенный, в некоторой степени надтекстовый план.

Третий вариант данного типа коммуникативной функции реализуется в позиции субъекта в высказываниях бытийного типа: *(1) У Федора Федоровича* была привычка - *неслышно, одними губами как бы повторять слова собеседника (С. Липкин);* (2) *Зато у Теодора* есть *великолепные* воспоминания, *он был белым офицером, идейно перековался, теперь активно помогает органам (С. Липкин); (3) Она не хотела уезжать из Петрограда, у нее* были *дурные* предчувствия, *но разве могла она пойти наперекор Вольфу (С. Липкин).* Эта позиция также предполагает сочетание со связочным глагольным компонентом. Именная форма дает возможность диалектического сочетания процессности и результативности, с одной стороны, с другой - такая форма обеспечивает коммуникативный фокус на самом наличии процесса. Цель использования формы деривата - подчеркнуть факт бытия какого-либо свойства, процесса, явления. В таких текстовых позициях синтаксического деривата также наблюдается низведение субъекта (обозначен зависимой позицией) и отвлечение от объектной определенности. В трех высказываниях пропозиция выявляется в варианте |S| →p →(O). (В схеме прямые скобки означают меньшую степень низведения субъекта, он выражен в поверхностной структуре предложения, но в статусе косвенного компонента). Зафиксировав факт бытия явления, автор в дальнейшем может прибегнуть к его детализации (1 - 2-й контексты), установлению его связей с другими событиями (3-й контекст). Именная форма позволяет ввести в качестве атрибутивного определения модальные характеристики ситуаций (во 2-м и 3-м высказываниях выражена модальность оценки.) Конструкции с замещением субъектной позиции именем предметной семантики монопропозитивны, при субъекте-номинализации это полипропозитивные структуры.

2.4.2. Логическая организация полипропозитивной структуры высказывания

При таком типе функционирования синтаксический дериват также участвует в построении структур с асимметрией глубинного и поверхностного уровня. Занимая позицию актанта при предикате или несогласованного определения при каком-либо актантном элементе, имя вводит дополнительную пропозицию, при этом маркирует синтаксической позицией, морфологической формой зависмый статус вводимого им события по отношению к событию, поименованному основным предикатом (аналогичные наблюдения см.: 11, с.183 - 186). Своей деривационной формой, определяемой как номинативно вторичная, совместно с другими элементами формы предложения - предложно-падежной в сочетании с основным предикатом

- синтаксический дериват участвует в выражении и третьей пропозиции - логической. Например, в высказывании *За участие в забастовке он просидел три месяца в тюрьме* диктум организован двумя пропозициями, одна выражена развернуто - предложенческой структурой, вторая - номинализацией, третья пропозиция, логическая (причинные отношения), выражается соотнесением двух событийных пропозиций, наличием формально выраженного отношения зависимости между ними, лексически - предлогом за в значении причины.

В подобных позициях отглагольное существительное выступает как одно из средств формирования семантики таксиса (34, с.234). А.В.Бондарко относит данные употребления к периферийным средствам зависимого таксиса, "находящимся на грани вторичной предикации и обстоятельственных выражений" (34, с. 240). Зависимый предикат выступает как средство временной ориентации основного действия, процесса, состояния с возможными осложнениями обстоятельственной и атрибутивной семантикой.

Итак, отглагольное имя участвует в выражении временных отношений двух предикатов (А), временных отношений с осложнением значением цели, причины и т.д. (Б), временных отношений, осложненных характеризацией (В). (В данном фрагменте использованы материалы совместной статьи автора с Н.Власкиной (35).)

А. Временная соотнесенность предикатов.

Действия, состояния, отношения, названные основным и вспомогательным предикатами, протекают либо одновременно, либо последовательно друг за другом в рамках единого временного плана высказывания.

1. В отношениях временной последовательности вспомогательный предикат может называть действие как предшествующее во времени основному (а), так и следующее за ним (б): а) *Тотчас* по приезде *они отправились в то высокое учреждение, где прежде всего следовало искать поддержки (Л. Леонов)*; *Цибульский уже сразу* после убийства *Кирова стал заранее бояться, но ничего ей не говорил (С. Липкин); Поэтому* после вспышки *со стороны Василия Назарыча Данила Семенович* увлекался *на половину "самой", где его поили чаем, ублажали... (Д. Мамин-Сибиряк); б)* До захвата *власти партия еще не думала о новом типе своих членов (С. Липкин).* Основное действие может быть выражено глаголом как совершенного, так и несовершенного вида, временная граница обозначена для вспомогательного предиката. Это процесс, который либо заканчивается до протекания основного процесса, либо начинается после его конца. Так как у имени нет грамматических показателей временной семантики, граница обозначена лексически: это прежде всего предлоги до и после (после демобилизации, до вступления); вре-

менное значение предлогов может быть уточнено наречными конкретизаторами - "сразу после", "задолго до", "тотчас по" .В следующем высказывании взаимное отношение ситуаций, номинированных отглагольными существительными, определено лексически - спрягаемой глагольной формой: *Этот* разговор *был прерван* появлением *Надежды Васильевны (Д. Мамин-Сибиряк).*

Отглагольное существительное, как известно, лишено и грамматических показателей видовой семантики производящего глагола. Позиция в высказывании и лексическое окружение имени в большинстве случаев актуализируют перфектное значение именного предиката. Завершение действия, обозначенного вспомогательным предикатом, открывает "поле деятельности" для осуществления основного процесса (по приезде - после того, как приехал, после убийства Кирова - после того, как убили Кирова). И все же именная форма оставляет возможность процессной интерпретации семантики вспомогательного предиката: важным оказывается не только результат действия, но самое его протекание, то, что процесс предшествовал во времени основному, и его наличие "открывает дорогу" действию, обозначенному основным предикатом: *От него ждали волынки, а он через две недели после ареста,* после *третьего* допроса *(после того, как его допросили\допрашивали), уже осознал глубину своего падения (С. Липкин).*

Связь предикатов в рамках единого временного пространства высказывания может дополняться указанием референтного тождества субъектов соотносимых действий. Тождество субъекта действий может быть маркировано местоимением (по приезде они отправились). В том случае, если лексический показатель кореферентности субъектов основного и вспомогательного предикатов высказывания отсутствует, имя субъекта имеет тенденцию располагаться между предикатами (до захвата власти партия еще не думала). Действия, представленные в высказывании как следующие во времени друг за другом, могут осуществляться разными субъектами (он вступил, партия возникла). Субъект действия может быть и неопределенным (после убийства Кирова - после того, как убили, кто-то убил).

В таком типе функционирования СД также может актуально "низводить" субъектные или объектные связи называемого предиката, выступая, например, в качестве грамматического синонима глагольных форм с неопределенно-личным значением (после убийства Кирова стал бояться - после того, как убили Кирова, стал бояться) - (S) ->p ->(O)), или, напротив, выявлять в синтагматике основные субъектно-объектные связи (до захвата (p-1) власти (O-1) партия (S) не думала (p). При этом референтное тождество субъекта соотносимых в смысловом пространстве высказывания ситуаций может быть отражено в единой номинации в поверхностной структуре

высказывания или выявлено в местоименных отсылках - *Рашель, до своего вступления в партию, стояла....* Но основное назначение такой позиции СД - зависимой, объектной при предикате,- маркировать наличие логического отношения подчинения к основной ситуации в одном из смысловых вариантов - временном, каузальном, характеризующем и т.д. Так, убийство Кирова представлено в смысле высказывания как предшествующее состоянию героя и его обусловливающее: S->p-1 - (O) ←L temp, caus (S-2) - p-2 →O.

2. Отношения определенности действий характеризуют употребление предикатов в высказываниях: *Цибульский немало передумал за эти летящие, напряженные годы революционной деятельности, тюрем*, чтения и странствий *(С. Липкин); В пору его* отсутствия, *летом однажды, заходил мужчина в панамке, сказавшийся не то мужем покойной тетки, не то братом дядиной жены (Л. Леонов); ... За все время* владычества *режима у нас, в большом портовом городе, не было построено и десятка квартир (С. Липкин).* В этих примерах СД занимает в поверхностной структуре высказывания синтаксическую позицию не непосредственно при предикате, но стоит в позиции несогласованного определения при имени с временным значением. Определяемое имя называет временной сирконстант двух соотнесенных в высказывании ситуаций, где течение одной ситуации (в первом примере - сочинительный ряд существительных событийной, процессуальной семантики: революционная деятельность, чтение, странствия, включающий также имя предметного значения, контекстно актуализирующее событийные смыслы: тюрьма - пребывание в тюрьме) характеризует другую, является как бы ее событийным фоном, определяющим конкретный вариант ее протекания (содержание размышлений в нашем примере). Пересечение ситуаций, протекающих в один отрезок времени, может проходить и по линии других элементов. Первое высказывание - полипропозитивное моносубъектное, второе полипропозитивное с разными субъектами, в третьем высказывании мы наблюдаем отсутствие выраженного в поверхностной структуре субъекта зависимой пропозиции, что открывает возможность его нелинейной интерпретации - сочетание неопределенного представления конкретных исполнителей действия на фоне означивания субъекта-причины (режим).

Зависимый предикат, выраженный отглагольным существительным, может характеризовать аспекты протекания действия, обозначенного основным предикатом высказывания, его внешние проявления: *Поднялись на доменные печи, где* с шипением *и* треском *пылало целое море огня (Д. Мамин-Сибиряк).*

Как правило, в таких позициях хотя бы один из предикатов обозначает длящийся во времени процесс. Процессность, длительность

вспомогательного предиката маркирована лексически (за все время владычества, в пору отсутствия). Если вспомогательный предикат представляет событие или факт, основной предикат представляет действие в аспекте протекания, что маркируется грамматически, формой несовершенного вида: *Забыл Калайда или не захотел вспомнить, что* при *словесном* взрыве *Елисаветского присутствовал Андрей Кузьмич (С. Липкин).*

Особую группу составляют высказывания, в которых основной глагол в спрягаемой форме обозначает процесс или факт, а вспомогательный предикат называет эмоциональное состояние субъекта: *Я часто вспоминаю о нем и всегда* с *легкой мечтательной* грустью *(Л. Авилова); Сразу потянуло к работе, он присел к столу, но работа не ладилась;* в *сосредоточенном* озлоблении *он покосился на раскрошенную дверь жены (Л. Леонов); Данилушку он видел точно в тумане и теперь шел через столовую по мягкой тропинке* с *каким-то тяжелым* предчувствием *(Д. Мамин-Сибиряк).* Вспомогательный предикат, отглагольное имя, обозначает состояние субъекта как длящееся во времени. На фоне этого состояния, и им обусловленное протекает действие, обозначенное основным предикатом. Отметим определенную тематическую ограниченность базовых предикатов - по преимуществу это глаголы, обозначающие ментальные процессы или процессы, включающие семантику ментальности, - глаголы восприятия, говорения и т.д.

В качестве одного из видов таксиса А.В.Бондарко отмечает недифференцированные временные отношения (34, с.237). В конструкциях с отглагольными существительными такие отношения маркируются особыми лексическими показателями временного следования при существительном, например: *Как-то само собой получилось, что со дня* ареста *Фриды Сосновик они стали обедать вместе (С. Липкин).* Лексический показатель временной соотнесенности допускает возможность прочтения временного соотношения действий как имеющих частичное наложение и следование. Во всех приведенных примерах семантика временной соотнесенности предикатов осложняется значением обусловленности, которая маркируется грамматической и словообразовательной формой одного из предикатов.

Возможно и такое сочетание семантик, когда на первый план выходит значение характеризации и обусловленности действий.

Б. Отношение обусловленности предикатов.

Отношение причинной обусловленности обычно совмещается с семантикой временного предшествования одного из действий. Зависимый предикат, выраженный отглагольным существительным, называет действие (процесс, состояние), предшествующее основному и его обусловливающее. Выдвижение на первый план причин-

ной семантики может маркироваться предлогами за, от, из-за и т.д.: *Положение богатой барышни дало почувствовать себя, и девушка готова была плакать* от сознания, *что она в отцовском доме является красивой и дорогой безделушкой (Д. Мамин-Сибиряк);* Гибель *империи освободила его от военного суда и кары (Л. Леонов).* Отглагольное существительное называет предшествующее действие, целостный факт, являющийся причиной внутреннего или внешнего состояния субъекта. Возможны и обратные смысловые отношения предикатов: внутреннее состояние, названное отглагольным именем, является причиной действия субъекта основного предиката: ... *и Эмма Елисаветский, возможно* из зависти, *уверял... (С. Липкин).*

В следующем примере результативное состояние субъекта, отсутствие тревоги (основной предикат), возникает по причине состояния, представленного второстепенным предикатом (ожидание катастрофы полного разрыва) и длится одновременно с ним: В ожидании *катастрофы ее не тревожили временные увлечения мужа (Л. Леонов).* В двух приведенных выше высказываниях представлены моносубъектные полипропозициональные структуры. В следующем высказывании субъект основного действия, выраженного глаголом, является объектом другого действия, обозначенного зависимым предикатом: *Учился Володя из рук вон плохо, к тому же,* под влиянием *улицы, начал последнее время материться (С. Липкин).*

Если причинная обусловленность действий чаще всего может совмещаться с временным предшествованием, то для целевой обусловленности характерно прежде всего совмещение временных планов основного и вспомогательного предикатов или частичное их совмещение. Отглагольное существительное конкретизирует в аспекте цели основной предикат, это моносубъектные структуры: *В восьмидесятых годах прошлого столетия приехали в наш город* в поисках *счастья два молодых человека (С. Липкин); Но этому полуслепому старику, годному Антошке не в отцы, а в деды, и пришедшему ко мне на униженный* поклон, *- как было сказать теперь, что год за годом школа его обманывала... (А. Солженицын).*

В. Отношения характеризации предикатов.

Отглагольный синтаксический дериват называет действие, конкретизирующее способ протекания, осуществления действия, названного основным предикатом: *Себя и мадам Варупи он кормил* изготовлением *огромных вождей и плакатами для кинотеатров (С. Липкин); Она кое-как перебивалась уроками пения, довольно редкими,* перепиской *нот,* распространением *билетов на симфонические концерты (С. Липкин).* Естественно, такие конструкции моносубъектны.

Итак, во всех проанализированных примерах основной и зависимый предикат называют "положение дел" в мире, ситуации, одна из которых, занимая формально маркированное подчиненное положение, характеризует разные аспекты (временные, причинные и т.д.) протекания, осуществления ситуации, которая в данном высказывании имеет статус базовой. Частным случаем является представление одной ситуации разными предикатами и их логическая оргнизация в смысловом пространстве высказывания как самостоятельных.

Логические отношения характеризации устанавливает и синтаксический дериват, стоящий в определительной позиции при имени существительном также пропозициональной семантики: *Над шведской плитой поднимался ... запах жидкого гусиного сала, фаршированной рыбы, хрена - дразнящий, вкусный запах* еды изгнанья (*С. Липкин*); *В большинстве то бывали женщины опрокинутого класса: в короткие часы свиданий они успевали напоить его жгучей тоской собственного* опустошения (*Л. Леонов*); *Он сидел ровно, сложив руки на посохе, посох же отвесно уперев в пол, - сидел в положении терпеливого* ожидания (*А. Солженицын*). В первом из приведенных выше высказываний временная соотнесенность ситуаций "быть в изгнании", "питаться в изгнании", "запах еды" являются взаимно характеризующей. Вообще для синтаксического деривата в позиции определения характерна еще большая свернутость, "скрытость" в представлении пропозиций, их связей, допускающая множественность прочтений, сложность ассоциативных связей. Временные отношения ситуаций, названных именами тоска опустошения, характеризуются как недифференцированные, отношения частичного наложения и следования. Связи вербализованных пропозиций опосредствуются предикатом "свидетельствовать", "означать" - "то, что они тосковали,свидетельствует - они опустошены"; "то, как он сидел, свидетельствовало - он терпеливо ждал".

Отметим, что в позиции определения на СД наибольшее контекстное влияние оказывает определяемое имя существительное. Так, различаются по типу контекстного влияния на СД определяемые имена пропозитивной семантики и имена сирконстантов - времени и места. В позициях последнего типа имя действия участвует в выражении отношений временной соотнесенности действия, ориентированной относительно единого места или времени: *Именно с этой ночи* изъятия *излишков закрепилось в нашем городе... понятие "воры", часто заменяющее понятие "они" (С. Липкин); ... Многотысячная толпа обреченных, оцепленная конвоем, двинулась по Покровской к месту своей поголовной* гибели (*С. Липкин*). В первом высказывании временной отрезок связывает две ситуации, свершение одной влечет за собой начало другой. Во втором фраг-

менте место связывает следующие друг за другом действия, при этом предшествующее обусловливает появление следующего.

Механизм синтаксической деривации включен в процесс формального выражения логических отношений как между пропозициями внутри диктума, так и в процесс модусно-диктумных соотношений. Так, в следующем высказывании СД своей вторичной синтаксической формой выражает зависимое положение отражаемой ситуации, ее коммуникативную с тужебность, направленность на характеризацию условий осуществления другого действия. В высказывании *В первый год нового века он вступил в РСДРП - вскоре* после возникновения *этой партии (С. Липкин)* - возникновение партии, вступление в партию лица - два события, существующих в объективном мире, соотнесенных в логической пропозиции временного отношения с периферийным смыслом обусловленности.

В приведенных ниже фрагментах СД служит именем диктумной пропозиции при модальном предикате, это модусы желания, удивления, восприятия, веры, полагания и т.д.: *Было время, когда вы считали всякое* рассуждение *ложью (Л. Авилова); Добрейший Иван Николаевич верил в мое* увлечение *работой (Л. Авилова); Не мешала она моим долгим вечерним* занятиям, *не досаждала никакими* расспросами *(А. Солженицын); Он следит за ними и видит всякое* колебание, *и ему больно* за отступление *и радостно* за приближение *его к истине (Т. Сухотина-Толстая).*

Форма и семантика СД соответствуют коммуникативной направленности на выражение ситуации как таковой без ее актуальной и предметной определенности. В позициях модусно-диктумного свертывания ярко проявляется "упаковочная" функция синтаксического деривата. СД входит в ряд определенным образом организованных языковых форм, своеобразно интерпретирующих и представляющих внеязыковую ситуацию. Приведем примеры: *В доме родителей она не появлялась, Лоренц теперь увидел ее (ДП) в первый раз* после *своего* возвращения *из Германии (ДП) + (ЛП) (С. Липкин); Эмма посмотрел на них (ДП), увидел (МП)* негодование *(ДП) в глазах близких людей... (С. Липкин)* (ДП - диктумная пропозиция, МП - модусная, ЛП - логическая). В последнем из приведенных выше высказываний ситуация некоего переживания состояния людьми (негодование) представлена через восприятие героя (увидел негодование). Построение высказывания отражает сосредоточенность воспринимающего субъекта (Эмма) на самом состоянии. В структуре высказывания, в его грамматической организации, отражен путь восприятия ситуации субъектом (увидел в глазах людей). Субъект состояния (негодование) определен через его отношение к воспринимающему это состояние субъекту и "упакован", "спрятан" в локативном сирконстанте при основном предикате. Ак-

туальность модусной перспективы определяет выражение субъекта диктумной пропозиции через ряд опосредствовании. Пропозиции восприятия, наряду с пропозицией оценки и характеризации, обладают, как отметила Т.В.Шмелева, "двойными возможностями - составлять и диктум, и модус предложения" (4, с.39). Так, пропозиции, организуемые одним и тем же предикатом восприятия видеть, в первом предложении является диктумной, во втором принадлежит модусу, именует восприятие ситуации, названной СД негодование.

В смысловом пространстве высказывания возможны и более сложные диктумно-модусные отношения, в выражении которых участвует СД: одна объективная ситуация создает условия для определенного типа восприятия другой: В высказывании *Теперь*, после *нашей* победы *над гитлеровцами, нам стало легче если не постигнуть, то хотя бы попытаться постичь то* движение, *которое начиналось в семнадцатом году (С. Липкин).* СД служит формой выражения для диктумных событий, одно из которых является условием (победа), другое - объектом восприятия (движение).

2.4.3. Тема-рематическое развертывание текста

При функционировании в качестве тематической свертки предшествующей или последующей ремы СД отглагольное существительное наиболее ярко проявляет свойства гибридной глагольно-именной семантики (20, с.187). Вместе с тем именно форма nomina abstracta наиболее идеальна для выполнения этой коммуникативной функции, так как соответствует двум основным ролям тематического компонента в развитии текста: тема "информативно должна быть равной всему предыдущему предложению", тематические знаки не должны включать новой информации, формально должны быть меньше обращаемого предтекста, это средство компрессии речевого произведения (14, с.16 - 18).

Первые два условия выполняются наследованием семантики глагола, который является, как известно, организующим центром высказывания, отсутствием ощутимых лексико-семантических сдвигов. Второму условию соответствует не раз упоминавшееся свойство обобщенного, предметно не детализированного отражения ситуации.

Отсутствие обязательных, грамматически выраженных актуализационных категорий в сочетании с наследуемой семантикой процесса создает условия для соотнесенности по этим признакам с разными наборами модально-временных, видовых и других характеристик предикатов предшествующего текста, внутритекстовой их реализации в самом синтаксическом деривате. Синтаксический де-

риват в функции тематического компонента - всегда текстовый дериват, его содержание создается, а следовательно, интерпретируется только на основе предтекста, по сути, вбирает его. При этом новая форма не может не оказать влияния на "старое" содержание. Об одном аспекте - обобщении - мы уж говорили. Второй аспект - подготовка к теме дальнейшего развития текста, явление фокуса темы, аспектация предшествующей ремы в перспективе последующей, ср., например: *Он все еще благоговел перед своими архистратигами (R-1), но в этом* благоговении *(T) любовь главенствовала над уважением (R-2) (С. Липкин)* (при возможном развитии текста - "но архистратиги..." , а также: *Она была щедра, но знала цену деньгам. Замечу, что* такое *купеческое* знание *нисколько не противоречит щедрости (С. Липкин)*, при возможном развитии: и эта цена увеличивалась год от года; знала цену деньгам, которые умела приумножать.

Коммуникативная функция темы высказывания может динамически совпадать с семантической функцией субъекта - субъект, выраженный в нейтральной форме в нейтральном положении (14, с.32).

Если при выполнении тематического назначения коммуникативно, функционально доминировали глагольные аспекты предложения, то в семантической функции субъекта последующего высказывания доминирует субстанциальное начало синтаксического деривата. Важнейшая функция субъектного компонента в высказываний - референтная.

(Здесь и далее мы следуем в определениии референции за Н.Д. Арутюновой: "Это отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности" (37, с.6).)

Одно из функциональных назначений именного оформления глагольной семантики - подготовить ее для вхождения в именное сочетание, способное к осуществлению референции. Как известно, имя нарицательное осуществляет референтную функцию в составе именных групп в сочетании с актуализаторами (37, с.18).

Коммуникативная функция темы соединима с конкретной референцией - тематический элемент отсылает к ранее описанной конкретной ситуации, референция или кореференция обеспечивается семантикой номинализации и рядом актуализаторов, прежде всего местоимениями. Референтная функция синтаксического деривата в тематической функции может быть конкретизирована как функция кореференции, реализуемая, когда говорящий стремится к тому, "чтобы адресат смог "пронести" тождество предмета сквозь текст" (37, с.26), см. предыдущий контекст, а также: такое купеческое знание; в этом благоговении.

Именная форма события может интерпретироваться как создание условий для осуществления конкретной референции. Глагольная форма может занять позицию субъекта высказывания, подлежащего, но и в этой позиции не способна осуществлять конкретную референцию, маркированную сочетанием с местоименными актуализаторами. В высказываниях типа *Это твое "курить" мне уже надоело* местоимения маркируют цитатный характер именования действия, осуществляя референцию к предшествующей ситуации общения. Именные формы глагола могут выступать в качестве обозначения субъекта общих сентенций типа *курить - вредно*, осуществляя, таким образом, референцию к классу.

И следующая особенность осуществления референтной функции номинализацией соотносима с определенными свойствами тематической позиции. Референция номинализацией, как и другими именами нарицательными, осуществляется с опорой на семантику, в таком употреблении задается смысловая аспектация референта. Именно в таком типе наиболее ярко проявляется тот факт, что "референция не образует автономного речевого акта. Она осуществляется определенными дескрипциями как составной частью предложения (суждения) и является этапом, подготавливающим предикацию" (37, с.25). Определенное смысловое согласование субъекта и предиката высказывания согласуется с идеей фокуса темы.

Объем и глубина свертываемого в теме предшествующего рематического фрагмента могут быть весьма различными: тематический переход может произойти в пространстве одного синтаксического единства, сложного предложения, но в тему может быть свернуто весьма сложно организованное синтаксическое единство, показателем границ темы в этом случае является смысловая опора последующей ремы на совокупный смысл фрагмента текста, развитие его как целостности. Ср., с одной стороны: *Сталин <u>улыбался</u>, покуривая, и его* улыбка *не обещала спасения (С. Липкин)* и с другой: *...Если из горя нельзя создать красоты, лучше быть счастливым. Я помешал тебе быть счастливой и ничего не создал, ничего! Да! Мелочно, ненужно, ничтожно и глупо... <u>Таким бывает всякое</u>* страдание, *когда его не заметит талант, когда его не поднимет вдохновенье, когда искусство не создает из него красоты. <u>Такое</u> страдание унизительно и обидно, а я обрек тебя на него (Л. Авилова).* Во втором фрагменте СД страдание выполняет функцию смыслового резюмирования не только по отношению к смыслам, выраженным в непосредственном предтексте, но имеет более широкое обобщающее, в пределах рассказа как цельного текста, значение. Повторение СД в позиции темы дает возможность продолжить анализ ситуации на основе предварительного обобщения в СД.

Как следует из сказанного ранее, в качестве контекстуально сильных компонентов, актуализаторов смысловых потенций СД в позиции темы, субъекта выступает элемент не внутреннего, но внешнего контекста - предшествующее синтаксическое единство в составе сложного предложения, или совокупность простых предложений, прежде всего - предикативные элементы с их ближайшим окружением. В идеальном случае это может быть непосредственно мотивирующий глагол, ср. приведенные выше примеры, а также: *Не так они ушли, как мечталось, но это был другой* **уход** *(С. Липкин); Немцы их не трогал, смеялись. Потом один из этих раненых, оставшийся в живых, говорил, что самое страшное для него за всю войну был тот* **смех** *немцев (С. Липкин).*

В реальном тексте предикат ремы может быть обозначен другим именем, связанным с именем тематического компонента синонимическими, метонимическими, родовидовыми отношениями, ср.: *Зато железный рыцарь [портрет Дзержинского], куда бы Миша ни пошел по кабинету, следил за ним со стены.* В этом взгляде *не было ни осуждения, ни злобы, только тьма (С. Липкин); Мужнина родня - Матренины золовки, сестры Ефима и Фаддея, и еще племянницы разные приходили и плакали так: "Ах, тетанька-тетанька! И как же ты себя не уберегла!. (Из всех* этих причитаний *выпирал ответ: в смерти ее никто не виноват...) (А. Солженицын).*

В реальном тексте определенные его фрагменты могут находиться в импликации. Так, об импликации предшествующей ремы может свидетельствовать ее тематизация синтаксическим дериватом. Ср. находящуюся в импликации информацию, обладающую признаком тривиальности, обычности, - люди в коммунальных квартирах пользуются общим туалетом и кухней, возврат недвижимости обычно связан с большими хлопотами - в высказываниях: *На третий этаж плохо поступала вода, в особенности летом, и* пользование *кухней и уборной было источником ссор, едких оскорблений (С. Липкин); И он должен вернуть роду Чемадуровых отчий дом.* Хлопоты *оказались тяжкими, дело не двигалось (С. Липкин).*

В третьем типе функционирования СД происходит как бы накапливание логико-коммуникативных функций. Синтаксический дериват в позиции субъекта, темы высказывания вбирает смысловые и функциональные потенции СД других позиций: обобщенное представление ситуации вне ролевой определенности непосредственно вытекает из функции темы как средства компрессии текста (ср. "она (S) знала (p) цену деньгам (O)", "это знание - p(S,O)"). Функция пропозитивного насыщения смысла высказывания определяется термовой (чаще - субъектной) позицией при предикате. Своеобразие смысловых преобразований по отношению к двум ранее проанали-

зированным заключается, на наш взгляд, в доминировании субстанционального начала синкретичной семантики СД. Такое доминирование наиболее ярко проявляется в том случае, если субъектно-предикатное отношение в высказывании имеет внутридиктумный характер: признак, отношение предмета, названные в предикате предшествующего высказывания, представляется как самостоятельный активный субъект, инициирующий изменение положения дел в мире: "Сталин улыбался" S→P → "его улыбка" P(S) → "его улыбка не предвещала..."P(S) → S-2 → S-2 → P-2.

Именная трансформация предиката создает условия для выражения различного рода модальных и логических отношений, устанавливаемых как субъектом речи ("такое купеческое знание не противоречит щедрости" - логическое отношение совместимости понятий), так и внутритекстовым субъектом ("самым страшным для него был тот смех немцев" - модальное отношение субъекта - героя повествования).

Именная форма представления события может использоваться также как средство предварительного, обобщенного введения ситуации, раскрываемой в последующем фрагменте текста комплексом глагольных форм: *Перед сумерками, возвращаясь из школы, я увидел* движение *близ нашего дома. Большие новые тракторные сани были уже нагружены бревнами... Все работали.. как безумные, в том ожесточении, какое бывает у людей, когда пахнет большими деньгами или ждут большого угощения. Кричали друг на друга, спорили... (А. Солженицын).*

Таким образом, все три варианта воплощений коммуникативной функции основываются на использовании потенциала синкретично организованной семантики имени, совмещающей полярно противопоставленные в ядерных позициях (финитный глагол имя конкретной предметной семантики) смыслы предметности и процессуальности.

Во всех типах позиций семантика деривата проявляется как динамическая структура, активно перестраивающаяся под воздействием контекста. К числу сильных элементов окружения относятся прежде всего предикативные компоненты как в структуре данного предложения, так и в ближайшем контексте (предшествующем рематическом компоненте при номинализации в функции темы). Динамика семантики отглагольного СД - колебание между полюсами предметности и процессуальности - выражается в разной степени проявленности синтагматической развернутости, актуальной определенности процесса.

Разные типы коммуникативной ориентации СД отглагольного существительного связаны со всеми смысловыми слоями текста, определяются разными синтаксическими формами. Функции деривата

в разных смысловых срезах текста связаны импликативно: в синтаксическом срезе - изменение синтаксической формы; в семантико-логическом - пропозитивное насыщение, смысловое соотношение предикатов, референтная направленность; в прагматическом - коммуникативное членение, логико-смысловая организация аспектация одной\ нескольких ситуаций, стилистическое маркирование.

При формировании разных смысловых слоев текста СД вступает в активное взаимодействие с разными элементами других языковых уровней, реализуя функции только в совместном семантическом действии.

2.5. Общая характеристика отадъективного наречия как синтаксического деривата

Наречие в современном русском языке - часть речи, состав которой характеризуется наибольшей долей производных слов, что представляется системно мотивированным свойством, в существе своем вытекающим из особенностей категориального значения вторичного признака, "признака признака". Словообразовательная соотносительность наречия с кардинальными частями речи "обусловлена не только исторически, но и функционально... Распространяясь и умножаясь за счет других категорий русского языка, наречие не теряет с ним функциональной связи" (38, с.341). Одним из источников пополнения наречий, активной словообразовательной базой является имя прилагательное, которое само вторично, базирует свою семантику на субстантивной и глагольной, сохраняя в себе семантические рефлексии соответствующих производящих баз и проецирует их наряду с собственными категориальными признаками в результативную наречную семантику. Вследствие своей практически всеобщей актуальной синхронной производности семантика наречия не может изучаться вне деривационной истории, окрашивающей в разные цвета семантического спектра категориально-лексическое значение вторичного признака, предопределяющей многообразие включений в смысл высказывания.

Набор функциональных ориентаций наречия также достаточно обширен, он включает в сферу своих функциональных интересов практически все смысловые слои высказывания.

Занимая в поверхностной структуре предложения место приглагольного определителя, качественное отадъективное наречие в первую очередь функционально ориентировано на аспектуализацию действия, его качественно-количественную характеристику (**долго** шептал, **медленно** протянул).

Вместе с тем исследователями достаточно давно отмечено, что наречие, синтаксически примыкая к глаголу, может по смыслу со-

относиться с субъектом или объектом действия, лишь через их посредство характеризуя определенные аспекты его протекания (15, с.164; 17; 39). В таких употреблениях наречие выполняет функцию пропозиционального насыщения текста, логико-коммуникативной организации высказывания (задумчиво молчал, пушисто зеленеющий лес).

Была также отмечена направленность наречия на выражение не только диктумных, но и модальных смыслов (странно опустели в памяти все разговоры).

Функциональная текстовая разноплановость наречия обусловлена рядом факторов, среди которых в качестве важнейших мы выделяем свойство синтагматичности семантики определяемого глагола, наличие субстантивных и глагольных смысловых рефлексий в производном наречии, транспонированных в его значение через посредство мотивирующего прилагательного.

Три основные смысловые позиции наречия в высказывании имеют различную деривационную предысторию, являя собой разные варианты грамматической трансформации адъективного признака в адвербиальный. Бытие, онтология предмета и признака различны, вследствие чего непосредственно определяющие их признаки должны содержательно различаться. Закономерно встает вопрос о возможности чисто функциональной, грамматической трансформации исходного значения. Это преобразование может, во-первых, ограничиться определенным набором ЛСГ производящего, способных к непосредственной трансформации, во-вторых, морфолого-синтаксическое преобразование может обусловливаться определенным набором дополнительных условий, в-третьих, результаты подобных изменений могут приводить к нетривиальным семантическим последствиям, обусловливающим асимметрию поверхностной и глубинной структуры предложения, отражая неоднолинейность отношений предметов, процессов и их признаков в смысловом пространстве высказывания.

В роли производящей базы наречия качественной характеристики действия выступают:

1. Непроизводные качественные прилагательные (хороший - хорошо; теплый - тепло; черный - черно; хитрый - хитро). В этих случаях наиболее непосредственно реализуется процесс синтаксической деривации. Производящие прилагательные, классические предикаты, характеризуются моноаспектной семантикой, являющей собой результат анализа, членения мира на признаки, предрасположенной к дальнейшему абстрагированию. Способность производных наречий этой группы к образованию изоморфных или неизоморфных синтаксических структур определяется типом ЛЗ прилагательного, наличием или отсутствием в его семантике компо-

нентов "процесс", "действие", как следствие - направленности к имени или действию.

2. Отсубстантивные прилагательные: а) качественные (бронза - бронзовый - бронзово (загорелые лица), варвар - варварский - варварски (относились к природе); б) относительные (план - плановый - планово (проводить орошение земель). Общее направление преобразований в таких цепочках - предикативизация, аспектуализация семантики производящего существительного, что создает основу дальнейшей трансформации в адвербиальное значение. Вместе с тем такая производящая база создает основу полипропозитивности предложения, асимметрию поверхностных и глубинных структур, что обусловлено типом производящей семантики - отсубстантивное прилагательное функционирует как носитель скрытых пропозициональных структур.

3. Отглагольные прилагательные (доверять - доверчивый - доверчиво (посмотрел); решаться - решительный - решительно (ответил); скучать - скука - скучный - скучно (молчал). Претерпевая ряд формально-грамматических преобразований, обеспечивающих способность занимать иные синтаксические позиции, исходная процессная семантика предопределяет особый тип смысловых отношений в предложении, его полипропозитивность, неизоморфизм формы и сожержания.

2.5.1. Функции отадъективных наречий в организации формально-смысловой структуры высказывания. Аспектация одной ситуации

Этот тип функционирования отадъективного наречия представляется первичным для единиц этого грамматического класса - конкретизация временного аспекта протекания действия, т. е. выражение припропозитивных смыслов. Эту функцию выполняют прежде всего наречия, образованные от прилагательных со значением времени. Как известно, временная локализованность - существенный признак процессной семантики. Наречие характеризует временное развертывание действия, служит дополнительным лексическим актуализатором видовременной глагольной семантики (а), а также обозначением временной ориентации одного процесса относительно другого, периодичности их осуществления (б): а) *Они* долго *шептались о чем-то, очень громко (А. Битов); ...И все они, переводя взгляды* с *дяди Мити* кратко *друг на друга, не успевали отменить свой взгляд (А. Битов); б) Так все детство,* часто и понемногу *вная отца... (А. Битов); Тут Миша играет совсем определенную роль,* постоянно *раздражаясь на отца за неизбывность его привычек (А. Битов).*

Смысловые отношения наречия и определяемого им глагола соответствуют синтаксическим позициям, это предложения изоморфных структур. В теории семантического синтаксиса наречные смыслы этого типа определяются как припропозитивные, так как отражают "круг внешних по отношению к пропозиции, но прикрепленных к ней, обслуживающих ее смыслов" (4, с.10). В схеме смысловое включение наречия в высказывание может быть представлено следующим образом: П↔(С← Об); S ↔ (P ← f).

Первая схема отражает поверхностное представление ситуации: П - подлежащее или второстепенный член, обозначающий второстепенный субъект, С - сказуемое или зависимая полупредикативная единица, Об - обстоятельство. Вторая схема отражает глубинный уровень.

Рассмотрим свойства производящей семантики, позволяющие ей трансформироваться в наречия этого типа.

Исходные прилагательные изначально являются обозначением признака процесса, что предопределяется свойством имени существительного обозначать не только предметы (вещи) как таковые, но представлять предметно признаки, процессы, отрезки времени (шум, гул, визит, миг). Содержательно словообразовательная трансформация в таком случае - наиболее "чистая" синтаксическая деривация, исходное лексическое значение обретает в деривационном процессе соответствующую ему категориально-грамматическую форму наречия, например: скорый -"происходящий, совершающийся с большой скоростью" - шаг, рысь; краткий -"непродолжительный, малый по времени" - миг, визит и т.д.; мгновенный, постоянный и т.д.

Мотивирующей основой наречия может быть и вторичное, производное значение прилагательного. Так, например, наречие часто, характеризующее временной аспект протекания действия, мотивируется переносным значением прилагательного с исходной семантикой пространственного признака. Метафорический перенос, отождествляющий временные (процессные) и пространственные (предметные) признаки, естествен и типологически регулярен как один из видов синестезических уподоблений.

Наречия общей временной характеристики действия мотивируются либо синхронно немотивированными именами прилагательными (частый, краткий), либо производными от существительных со значением временных отрезков (мгновенный).

Временные характеристики - важнейший, но не единственный параметр протекания действия. Наречия могут выступать в качестве уточнителей других аспектов протекания действия. Показателем припропозитивного смыслового функционирования наречия является наличие соотносимых семантических компонентов в семантике

глагола и наречия. В наиболее явных случаях наречие повторяет определенные компоненты семантики глагола, подчеркивая либо их коммуникативную значимость, либо интенсивность проявления соответствующего признака глагольного действия, ср.: *(1) Жизнь налаживалась, и в тот же год он [Аркадий Гермогенович] совсем* случайно *наткнулся на Дудникова (Л. Леонов)*; наткнуться - "случайно или неожиданно обнаружить что-либо, встретиться с кем-либо" (МАС); *(2) И по его [Степана] грязному лицу катились капли пота, и потому, что лицо иногда вздрагивало, капли оставляли на нем ломаные белые линии - на лбу, на щеках, на* плотно *сжатых губах* (С. Залыгин); сжать - "плотно соединить, сомкнуть" (МАС); а также: беспорядочно разметались волосы, разметаться - "небрежно, беспорядочно рассыпаться (о волосах)"; тихонько пробормотал, бормотать - "говорить тихо, невнятно" и т.д. В приведенных выше примерах мы наблюдаем непосредственное наложение семантических компонентов глагола и наречия, в других случаях глагол имеет более общий семантический компонент, содержание которого конкретизируется в адвербиальном значении: говорить (громко, тихо, внятно, быстро, медленно), волосы рассыпались (струями, беспорядочно, шелестящим потоком).

Появление в смысловой позиции интенсификатора или уточнителя характера протекания глагольного действия наречия, имеющего в исходе словообразовательной цепочки глагол, переводит конструкцию из моно- в полипропозитивную. Так, в высказывании *Лопахин уверенно, будто у себя дома, распахнул калитку, вошел во двор*, непролазно *заросший бурьяном и крапивой (И. Тургенев)* наречие непролазно, с одной стороны, характеризует степень проявления признака зарасти ("густо разрастись"), с другой - характеризует его с точки зрения действий другого субъекта - разрослись так, до такой степени, что трудно пробраться (непролазный - "такой, через который трудно пробраться").

2.5.2. Логическая организация полипропозитивной структуры высказывания

Наряду с категориально первичной функцией введения припропозитивных смыслов, наречие способно вводить целостную пропозицию, соотнесенную с именем той, с которой она синтаксически связана, через один из актантов - субъектный или объектный.

Наречие выступает в качестве одного из средств пропозитивного насыщения высказывания, вводит дополнительную пропозицию. При этом наречие, маркируя своей вторичной по отношению к основной предикативной единице формой зависимый статус предиката, его подчиненность основному, реализует одновременно и праг-

матическую функцию, так как служит одним из средств коммуникативной организации текста (40, с. 192 - 194). Этот тип семантического включения наречия в смысловую структуру предложения представлен в русском языке широким кругом конкретных вариантов реализации, имеющих тенденцию к увеличению набора смысловых отношений базовой и зависимой пропозиции, что связано с расширением круга мотивирующих основ, широкой экспансией в качестве производящей базы отглагольных и отыменных производных прилагательных.

Яркий пример такого типа включения наречия в смысл предложения представляют конструкции с наречиями со значением чувств, состояний человека, определяющих предикаты (глаголы) со значением восприятия, речи, поведения, положения в пространстве, физического состояния, изменения физического состояния: равнодушно обвел глазами; посмотрел на все скучно; сварливо спорил; самоуверенно сказал, возбужденно обсуждался вопрос; радостно и тупо слушался; плясал самозабвенно, готовно и радостно суетился; сердито пробежался по комнате; двигался сердито и суховато; самолюбиво покраснел; злобно затрясся. Наречие в таких позициях определяет состояние субъекта, проявляющееся в каком-либо физическом действии, обозначенном глаголом. Как отмечает Е.М.Вольф, "внутренние состояния непосредственно ненаблюдаемы, о них можно судить только по их проявлениям. Именно поэтому описания состояний часто даются косвенным путем, через внешние признаки или действия" (41, с.325). Наречная форма в этом случае может рассматриваться как один из способов выражения зависимого статуса предиката чувства, состояния в смысловой структуре высказывания ("обозначение состояния лица, которое не является само по себе целью сообщения, а сопутствует действию"(41, с.322), а вся конструкция "глагол + наречие" как одно из средств выражения отношений зависимого таксиса (отношения одновременности), осложненного обстоятельственной семантикой. Эти конструкции имеют значение одновременности процессов, что определяется тем, что наречные предикаты означают длящиеся во врмени положения вещей, "которые не заполняют времени сплошь, не занимают его, не исключают возможности "заполнить его какой-либо деятельностью" (42, с.47): *Сидя в одной рубашке на кухонном столе, Варвара* яростно *созерцала распоротую перину, память о недолгом супружеском счастье (Л. Леонов).*

На схеме смысловое включение наречия может быть представлено таким образом: П$\leftarrow$ (С$\leftarrow$-Об); S $\rightarrow$ P $\rightarrow$ P2.

$\leftarrow$

В соотнесенных схемах ярко выявляется асимметрия глубинной и поверхностной структур: наречие, занимая позицию приглаголь-

ного признака, называет пропозицию, связанную через субъектный компонент с той, что представлена глаголом. Непосредственная глубинная связь отражается опосредствованной поверхностной, и наоборот. Подобная форма представления связи ситуаций является средством выявления коммуникативной актуальности изменения течения процесса, выраженного основным предикатом высказывания, под воздействием особого состояния субъекта, названного зависимым предикатом - наречием.

В качестве производящих баз выступают как синхронно немотивированные, так и производные прилагательные (с глаголом со значением чувств, состояний в словообразовательной цепочке), интегральные семантические компоненты, объединяющие мотивирующие имена - семы "чувство", "состояние", обеспечивающие возможность текстовой актуализации предикатных смыслов в производном наречии. Мотивационно наречие соотносится с прилагательным в предикатном употреблении и в актуальном значении. Конструкции такого типа синонимичны предложениям с отглагольным именем, причастной и деепричастной формой (сердито пробежался по комнате - сердясь, пробежался по комнате; возбужденно поднялся - возбужденный, поднялся - в возбуждении поднялся). Каждая из манифестаций вследствие специфики формы по-разному представляет семантику процесса - более ярко в глагольных вторичных , нефинитных формах, менее - в существительном, с еще меньшей выраженностью - в наречном образовании, прошедшем две ступени формальной трансформации.

Все представленные варианты элементами своей формы выражают коммуникативную вторичность отражаемой ими ситуации. При этом степень зависимости, вторичности дополнительной предикации вследствие различия форм выражения также варьируется, проявляется в меньшей степени - в соотнесенных в сочинительной связи финитных формах (коммуникативно относительно самостоятельные ситуации), в большей - в имени и наречии: признаки субъекта как участника другой ситуации все в большей степени интерпретируются как характеризующие течение другого процесса, находящегося в коммуникативном фокусе в данном высказывании. Вообще через посредство наречного определителя на новом уровне устанавливается связь субъекта и предиката. Формальный маркер типа связи - степень эксплицитности и свободы проявления актуализационных глагольных категорий в именах глубинных предикатов. Подобная широкая вариативность форм именования дает возможность тонкой нюансировки в выражении авторской интерпретации связи ситуаций в мире; смысловая компрессия, неполная формальная проявленность смыслов дают свободу и в выражении авторской интерпретирующей деятельности слушающего. При анализе такого

рода парадигм приходит яркое осознание правоты тезиса: "Язык свободен в той степени, в какой он вариативен" (36, с.39).

Еще более сложный тип свертывания пропозициональных структур представляют наречия, образованные от прилагательных, не имеющих в семантике компонентов "процесс", "состояние", определяющих собственно свойства предмета. Это качественные прилагательные, прежде всего со значением цвета: **белозубо** улыбался, сиренево впорхнула в комнату, **бело** накрытые столы; относительные отсубстантивные прилагательные, экспансия которых в качестве мотивирующих баз наречия с конца XIX в. была отмечена В.В.Виноградовым (38, с.346). Занимая позицию при глаголе, такие наречия характеризуют свойства субъекта, объекта и других актантов соответствующего предиката. Их пропозициональный потенциал задается производящей адъективной семантикой.

Как отмечается в работах по синтаксической деривации, позиция определения при термовом имени является синтаксически вторичной, производной, соотносится с глубинной пропозициональной структурой: "Атрибут - результат предшествующей работы речевого механизма, есть бывший предикат, подвергнутый определенным преобразованиям" (14, с.33). По мнению Л.Н.Мурзина, все определения образуются в результате контаминации предложений. В процессе контаминации проявляется творческая коммуникативная активность говорящего, так при этом снимаются "лишние, с точки зрения говорящего, смысловые акценты в линейном ряду текста. Это выражается прежде всего в том, что глубинный предикат на поверхностном уровне предстает в иной, преобразованной форме" (36, с.38). Адъективная номинаация, позиция определения также являются средством оформления зависимого статуса этой пропозиции по отношению к той, которая оформляется глаголом в составе данного высказывания. В коммуникативном аспекте этот процесс интерпретируется как низведение темы. Так, неэлементарное предложение *Отцовская шляпа лежит в шкафу* получено в результате синтаксического процесса контаминации элементарных предложений: *Шляпа лежит в шкафу*; *Шляпа принадлежит отцу*. Тема свернутого, обозначенного зависимой формой прилагательного становится темой рангом ниже, а рема этого предложения - темой основного, результативного высказывания. Смысловой и коммуникативный потенциал мотивирующего относительного или качественного прилагательного наследуется синтаксическим дериватом - наречием (см. об этом 40). Мотивирующее прилагательное в таком употреблении наречий выступает в своем первичном значении, значении предметного признака. Смысловое согласование наречия и определяемого глагола возможно только через посредство субъектного или объектного компонентов.

Позиция приглагольного определителя создаёт особый, "стереоскопический" эффект, так как "характеризуется действие по впечатлению от субъекта в момент действия (белозубо улыбался, пушисто легла), тем самым делает признак и субъекта и действия непостоянным, подвижным, иногда - менее отчетливым, приблизительным" (17, с.46). В таких употреблениях наречия часто сводят к отношениям взаимообусловленности онтологически несвязанные признаки гетерогенной семантики существительного, вследствие чего такие образы близки метафорическим эффектом отождествления неотождествимого, как и в метафоре, здесь есть простор для интерпретаций. Такое функционирование близко тропеическому, активное использование наречий этого типа может быть показателем художественного стиля. Интерпретация семантической наполненности предицируемых предикатов в весьма значительной степени контекстно обусловлена.

Вместе с тем подобное функционирование может быть интерпретировано в широкой, межуровневой парадигме метонимических переносов, одна из наиболее активных моделей в которой - перенос признаков действия на его актанты и в противоположном направлении, от актантов на действие, признаков одного актанта на другой (умный писатель - умная книга, умный поступок, умный взгляд - выявляющий ум в продукте или самом течении действия; собака пушисто легла - пушистая собака легла - признак субъекта перенесен на его (субъекта) действие. В трех приведенных ниже высказываниях наречие, занимая приглагольную позицию, различается способом смыслового согласования с предикатным компонентом. *Собака широко зевнула* - наречие непосредственно характеризует течение самого действия. *Собака лениво зевнула* - наречие семантически связано с субъектным и предикатным компонентами: собака зевнула, проявив тем самым свое внутреннее состояние, собака, пребывая в состоянии лени, выявила это состояние в особом характере осуществления действия. *Собака пушисто легла у ног хозяина* - говорящий переносит предметный, нединамический признак субъекта действия на само действие: пушистая собака легла у ног хозяина; при этом собственно предметные характеристики собаки проявились в специфическом впечатлении от действия, ею произведенного, в реальной ситуации характер действия не зависит от данного свойства субъекта, но его восприятие говорящим конситуативно определяется связью с этим признаком. Таким образом, в последовательной смене синтаксических позиций наречия мы наблюдаем усиление интерпретирующей свободы говорящего в отражении связи признаков и ситуаций действительности, говорящий все более явным образом обнаруживает себя.

2.5.3. Модусное функционирование наречий

Наконец, наречие может служить одним из средств выражения субъективного отношения говорящего к сообщаемому, т. е. выразителем модусных смыслов. Синтаксический дериват в таких употреблениях выступает средством экспликации фактора говорящего в коммуникативном процессе, и прежде всего его оценочной деятельности; наречие представляет в структуре предложения пропозиции характеризации и оценки. Напомним, что это пропозиции, структурирующие как модальные, так и диктумные смыслы. Синтаксически примыкая к глаголу, наречие в таком коммуникативном использовании по смыслу может соотноситься как с самим процессом, его предметными распространителями, так и со смыслом высказывания в целом. Так, в высказывании *Он красиво пишет* наречие красиво вводит оценочную пропозицию, в разных контекстах она относима к самому течению процесса - Говорящий оценивает как эстетически высокий либо сам процесс письма, либо его результат - красивый почерк, эстетически совершенный в графическом отношении текст. На схеме эти два варианта соотношения семантики наречия и основной предикации могут быть отражены таким образом: П↔С ← Об; S ←→ р — О; S ↔ р → О;

Mod Mod

Наречие может служить характеристикой целостного события как высказывания. Е.Л.Рудницкая, описывая подобные употребления, отмечает, что "такое наречие... представляет собой самостоятельную, свернутую пропозицию" (26, с.114). Представляется важным подчеркнуть, что эта предикативная структура занимает по отношению к основной пропозиции позицию модальной рамки. Наречия в таких включениях имеют модальные значения странности, сомнения, неожиданности, оценки и т.д., например: *Ожидание росло и разрешилось.* Странно <u>опустели</u> *в памяти все разговоры (А. Битов);* Потрясающе <u>отсутствовала</u> *в его голове мысль (А. Битов); Он* правильно <u>отобрал</u> *у нас свои вещи (А. Битов).* На схеме этот тип включения наречия в смысл высказывания может быть представлен таким образом: (П↔С) ← Об; (S↔P)Mod. Такие конструкции синонимичны конструкциям с модальными словами, вводными конструкциями.

Вместе с тем сам факт оформления модусных смыслов наречием в приглагольной позиции оказывается небезразличным для нюансировки выражаемых смыслов: это, безусловно, не дублетность, не абсолютная синонимия. Так, высказывание Странно <u>опустели</u> *в памяти все разговоры* не может быть трансформировано без определенных семантических потерь в варианты: *Странно, что опу-*

стели...; Странно, но опустели (ср. также: потрясающе отсутствовала - * потрясающе, но отсутствовала, * потрясающе, что отсутствовала). Представляется, что коммуникативный эффект такого оформления семантики заключается именно в столкновении, наложении двух позиций - оценки факта и оценки течения самой ситуации; восприятие странности, неожиданности самого факта, события представлено языком как признак течения самой ситуации. Модусные смыслы представлены в поверхностной структуре как внутридиктумная семантика припропозитивного расширения. И вновь создается особый, стереоскопический семантический эффект в результате конситуативного наложения модусных и диктумных смыслов.

Показателем такой синтаксической функции наречия является своеобразное семантическое рассогласование глагола и его определителя, ср.: надолго опустели - естественная характеризация процесса через временной признак его протекания; странно опустели - в позиции характеризующего признака процесса находится единица с модусным смыслом. Ср. также: Грустно *пахло на конюшне увядшими степными травами, по-осеннему шепелявил, падая на камышовую траву, частый дождь (М. Шолохов)*. Наречие грустно, занимая приглагольную позицию, называет не признак именуемого глаголом действия, но эмоциональную реакцию субъекта речи на воспринимаемую ситуацию: запах увядших степных трав вызывает у говорящего состояние грусти; травы пахнут... это причина грусти говорящего. В схеме: (S↔P) Mod (S - 1 ↔ P - 1). Но автор речи свое состояние переносит на ситуацию (по универсальному языковому закону метонимического расширения: травы пахли грустно - травы пахли, обнаруживая состояние грусти. Такое прочтение включает в качестве составного элемента смысл модуса фиктивности, смысла метафорообразующий: травы пахли так, как если бы они грустили. Логическая формула: (S↔P↔P - 1) Mod fict.

Смысловой эффект использования наречия заключается в совмещении смыслов первого и второго типа. Представляется, что любая вторичная форма выражает более сложные смыслы, так как формирует новый смысл на основе старого, "просвечивающего" сквозь призму новой формы и позиции, создающий особую перспективу. Коммуникативный эффект использования вторичной формы - создание эффекта сложного, неодномерного отражения мира.

* * *

Итак, синтаксическая деривация выступает как средство вторичного означивания, соответствующий фрагмент мира поименован единицей словного же уровня. В акте словообразования осущест-

вляется изменение грамматической формы именования. Словообразовательный формант присоединяется для изменения морфологической формы производящей единицы с целью иного типа включения в синтаксическую структуру высказывания. Эта формальная операция не может интерпретироваться как чисто техническое средство, изменение морфологической и синтаксической формы свидетельствует об иной авторской интерпретации соответствующего фрагмента мира. Любая вторичная форма предстает как отражающая и более сложное содержание, так как новое рождается на базе старого, которое не преодолевается новой формой полностью. Словообразовательный механизм выступает как средство кумуляции грамматических смыслов единицы, которые, меняя свой статус, не исчезают полностью. Это свойство производных единиц синтаксической деривации является основой их функционирования как средств сложного, нелинейного построения смысла текста, высказываний неизоморфных структур.

Внутренняя форма термина "синтаксическая деривация" отражает не конечную цель актов словообразования этого типа, но средство к достижению цели: изменение грамматической формы и синтаксической позиции обусловлено прагматическими целями. В зоне языковой прагматики сфера действия синтаксической деривации - логическая и коммуникативная организация высказывания. Основная область действия - диктумный слой высказывания и текста в целом, основное направление действий - "манипуляции" с пропозитивными смыслами, что обеспечивает эффект смысловой компрессии или, напротив, разреженности текста.

Смысловые модификации, обусловленные изменением грамматической формы производящей единицы, имеют направленность и к референту имени непосредственно - он предстает в новой аспектации, и к смыслу текста в целом - синтаксическая деривация выступает как средство формального маркирования отношений между событиями и фактами, отражаемыми в тексте, а также их оценками говорящим.

В акте словообразования создается новая грамматическая форма - условие новой синтаксической позиции, последнее выступает как условие ввода дополнительных пропозиций и маркирования их взаимных отношений. Этот комплекс взаимосвязанных функций реализуется в тесном взаимодействии с элементами текстового окружения, сильные элементы текстового окружения - предикативные или непосредственно определяемые компоненты, компоненты, находящиеся в непосредственной синтаксической связи.

В отличие от мутационной деривации, в которой словообразовательная форма производных является носителем пропозиционального содержания, словообразовательная семантика синтаксических

дериватов не вносит нового пропозитивного содержания и тем не менее выступает одним из средств пропозитивной компрессии текста. Словообразовательная форма синтаксического деривата, не являясь носителем особого пропозитивного содержания, обеспечивает особый тип включения предикатного смысла мотивирующей единицы в смысл высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибрик А.Е. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.

2. Шмелева Т.В. Предложение и ситуация в синтаксической концепции Ломтева // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1983. N 3.

3. Кибрик А.Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т.39. N 4.

4. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1988.

5. Гак В.Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин, 1978.

6. Казаков В.П. Структура и коммуникативный потенциал полипропозитивного предложения // Вестник СПбГУ. 1993. Сер. 2. Вып. 1.

7. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.

8. Шмелева Т.В. Пропозиция и ее репрезентация в предложении // Вопросы русского языкознания: Проблемы теории и истории русского языка. М., 1980.

9. Супрун А.В. Грамматика и семантика простого предложения (на материале испанского языка). М.,1977.

10. Литвин Ф.А. О степенях предикативности // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1984. N 4.

11. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

12. Приятькина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990.

13. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

14. Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация: Анализ производных предложений русского языка: Пособие по спецкурсу. Пермь, 1974.

15. Яровая Т.Г. Мнимые наречия и коммуникативная перспектива высказывания // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников: Языкознание. М., 1988.

16. Рудницкая Е.Л. Некоторые классы сентенциальных наречий в русском языке. Семантика. Синтаксис. Лексикография // Вопросы языкознания. 1994. N 1.

17. Ермакова О.П. О связи словообразовательных и синтаксических явлений // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1969.

18. Старикова Е.Н. Имплицитная предикативность в современном английском языке. Киев, 1974.

19. Колосова Т.А. О диктуме и модусе в сложном предложении // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1979. N 2.

20. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.

21. Петров А.В. Залоговая семантика в отглагольных именах русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

22. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.

23. Адамец П. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1973. N 4.

24. Шмелева Т.В. Деепричастия на службе у модуса // Системный анализ значимых единиц языка: Синтаксические структуры. Красноярск, 1984.

25. Чиркун Г.Н. Модальные значения деепричастия // Системный анализ значимых единиц языка: Синтаксические структуры. Красноярск, 1984.

26. Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972.

27. Бархударов Л.С. О поверхностной и глубинной структуре предложения // Вопросы языкознания. 1973. N 3.

28. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. М., 1978.

29. Кормилицина М.А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992.

30. Кубрякова Е.С., Клеменцова Н.Н. Актуальные проблемы изучения номинализации // Смысл и значение на лексическом и синтаксическом уровне. Калининград, 1986.

31. А й м а г а м б е т о в а А.Ш. Структура предложений с пропозициональным подлежащим: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.

32. С о л о д у ш н и к о в а Л.В. Семантические свойства главных членов в предложениях с подлежащими - предикативными именами // Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин, 1978.

33. Г а к В.Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М.,1976.

34. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

35. Р е з а н о в а З.И., В л а с к и н а Н.А. Отглагольные имена действия в конструкциях зависимого таксиса // Вопросы формо- и словообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск, 1993.

36. М у р з и н Л.Н., Ш т е р н А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.

37. А р у т ю н о в а Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика. М., 1982.

38. В и н о г р а д о в В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.

39. Л а с с а н Э.Ф. Семантические функции наречий в структуре предложения: Дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1980.

40. Я р о в а я Т.Г. Словарь систем анализа и синтеза текстов: Адвербиальный фрагмент // Состояние лингвистической и внелингвистической информации в автоматическом словаре. Ереван, 1987.

41. В о л ь ф Е.М. Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. М., 1982.

42. Б у л ы г и н а Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.

43. К и б р и к А.Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.

ГЛАВА 3

НОМИНАТИВНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ ДЕРИВАЦИЯ

3.1. Лексический дериват и текст. Генетический и синхронно-функциональный аспекты

Номинативно ориентированная именная деривация - сфера словообразования с наибольшей значимостью противопоставления синхронно-функционального и генетического планов производного слова. Диахронно практически все незаимствованные имена русского языка являются результатом действия словообразовательного механизма, функционально ориентированного на создание словных номинаций, имеющих комплекс специфических по сравнению с единицами других языковых уровней, способных к осуществлению номинативной функции, свойств. Такая номинативная единица входит в лексикон языка, откуда может быть извлечена или вновь создана при порождении новых текстов.

Структурно-семантическое своеобразие (грамматическая, фонетическая и номинативная целостность, идиоматичность, с одной стороны, и производность, формально-семантическая обусловленность, вторичность - с другой) определяет своеобразие функциональной направленности таких единиц при порождении текста.

Проблема соотношения словообразовательная номинация - текст" в русистике преломляется прежде всего как проблема "словообразование - синтаксис", и через разрешение вопросов этой связи исследователи переходят к осмыслению других аспектов отношений номинативной деривации и текстопорождения. Связь "словообразование - синтаксис" описывается в двух тесно взаимосвязанных аспектах. В работах первого типа, прежде всего в работах Л.Н.Мурзина, процесс словообразования интерпретируется как органическая часть механизмов порождения текста, "а так как минимальной единицей, к которой может быть сведен текст, является предложение-высказывание, то образование любой значимой единицы более низкого уровня является органической частью процесса синтаксической деривации" (3, с.3). Создание нового слова вызывается потребностями развертывания текста, его свойства определяются функцией в составе данного высказывания, это текстовая номинация.

Узуализуясь, производное слово вбирает в себя информацию о совокупности контекстов, "поскольку "извлечено" из некоторого множества текстов и является результатом их компрессии" (4, с.51).

Включаясь во все новые высказывания, производное слово может отдаляться от порождающего его текста, актуализируя контекстные условия других употреблений. Узуализация может протекать как процесс утраты исторической призводности, во все большем количестве текстов производное слово начинает осуществлять номинативную функцию без опоры на его исторически первичные текстовые связи, его производность. Вместе с тем любая узуальная номинация вновь может актуализировать первичные текстовые отношения, генетическую производность. Текст актуализирует "генетическое, зафиксированное в слове, его морфемной структуре, являющейся носителем потенциальной значимости, которую говорящий в любой момент может актуализировать" (1, с.131). В таких употреблениях способы включения производного слова в текст равны или приближены в той или иной степени к осуществленным в процессе его "первотворенья": "Генетическое "застывает" именно в материальной части знака (или шире - в его онтологии), но "тело" знака лишь субстрат синхронного функционирования знака. Оно может обрести свою синхронную значимость, но эта значимость уже иная, нежели непосредственно отраженное в "теле" знака генетико-детерминационное содержание" (1; см. также 2, с.110 - 111).

Таким образом, собственно генетический аспект проблемы связи лексического деривата и синтаксиса текста базируется на контекстах создания неологизмов; синхронно-функциональный аспект выявляет неоднозначность включения производного слова в текст, лишь часть употреблений лексического деривата основывается на актуализации фактора производности, связана с текстовой потребностью в семантически расчлененной, но формально свернутой номинации.

Второй аспект рассмотрения отношения "словообразование - синтаксис" непосредственно связан с первым и вытекает из него: производное слово образуется в тексте в результате преобразования предшествующего фрагмента текста, его свертывания, компрессии, "формируясь, производное слово проходит путь от знака-сообщения к знаку-именованию" (5, с.82). Крайняя позиция здесь такова: любая словная номинация создается на базе синтаксической структуры в результате ее преобразования, свертывания. Эта позиция ярко проявляется в серии работ И.С.Торопцева (6 и др.). Мы разделяем позицию Е.С.Кубряковой, считающей, что в тексте словообразовательная деривация может базироваться не только на синтаксической конструкции, но и на основе текстовых связей другого типа, как в аналогическом и корреляционном словообразовании (7, с.25 - 42). Идея обязательной обусловленности производного слова предшествующей синтаксической конструкцией оновывается, как представляется, на двух свойствах предикативных (предложенческих) номина-

ций: они наиболее изоморфны структурам отражаемых ситуаций, как речевые единицы они предшествуют языковым.

Представляется, что необходимо разграничивать актуальную и потенциальную соотнесенность производного слова с той или иной синтаксической структурой: "Если формирование конкретного производного слова далеко не всегда происходит на базе какого-либо суждения, то формирование словообразовательной модели можно нередко представить как последовательный процесс трансформации предложения определенного типа в однословное наименование" (8, с.228). Примеры аналогического и корреляционного словообразования, приводимые в работе Е.С.Кубряковой, хотя и не соотносятся непосредственно с синтаксическими конструкциями, а создаются по образцу, но потенциально, через этот образец, восходят к синтаксическим структурам как к формам наиболее изоморфным глубинным логическим формулам, лежащим в основе номинации.

Номинация может быть осуществлена только через обозначение отношения. Познание осуществляется через вписывание нового в уже познанный и поименованный мир, в известную сетку координат, через выявление уже известных признаков. Номинация отражает логику познания: именование нового фрагмента мира осуществляется через его соотношение с уже познанным и поименованным: "Использование известных языковых форм для наименования новых предметов и ситуаций соответствует фундаментальной черте человеческой психики, состоит в том, что человек способен воспринимать новую информацию только на основе имеющейся некоторой информации" (9, с.84). Этот акт соотнесения нового и старого знания есть логическая операция предицирования, в результате которой формируется единица логического представления мира - пропозиция.

Идея единства логических основ номинаций единицами разных языковых уровней имеет значительную историю в мировой лингвистике, эта идея обсуждалась прежде всего в логических теориях языка, начиная с грамматистов Пор-Рояля (см., 10 - 11). Рассмотрение механизмов словообразования в аспекте их пропозициональной обусловленности позволяет, с одной стороны, показать изоморфизм деривационных процессов единиц разных частей речи (14, с.51), а также номинаций средствами разных языковых уровней, с другой - выявить своеобразие языковых интерпретаций отражаемых фрагментов мира в разнотипных номинациях. Одна и та же ситуация единицами разных языковых подсистем представляется не только с разной степенью полноты, явленности, но и в разной аспектации.

При анализе разноуровневых языковых номинаций важно выявление как их единства, так и различия. Именно общность логических структур является основой деривационных трансформаций

"предложение - производное слово", "предложение - словосочетание", "словосочетание - падежная форма" и т.д. Но, имея общие логические основания, разные языковые формы выражают нетождественные языковые значения, т. е. по-разному представляют и интерпретируют действительность.

В ряду языковых средств именования пропозиции лексический дериват характеризуется как свернутое в весьма значительной степени обозначение. В производных именах этого типа свертывание осуществляется прежде всего через "опускание", непосредственную невыраженность элементов, носителей актуализационных категорий (основного, предикативного элемента пропозиции). Производный лексический дериват, представляя пропозицию через один - два ее часто не базовых элемента, выступает как сильное средство языковой интерпретации действительности. Номинация словом и номинация высказыванием имеют разную смысловую (интерпретирующую) направленность. Последняя ориентирована на обозначение связи вещей, первая - на именование вещи в ее отдельности. В рамках функциональной концепции языка выявляется первичность предикативной номинации. Слово - вторичная, производная номинация, в свернутом виде несущая в своей форме память об исходной предикативности. В функционировании проявляются обе стороны - наличие пропозициональной семантики, ее формальная маркированность и в то же время свернутость, латентность определенных компонентов, позволяющая включать эту единицу в качестве элемента развернутой синтаксической конструкции.

В процессах текстопорождения встречаются текстовая потребность и языковая возможность. В словообразовательных отделах языковой системы хранится информация о моделях деривационного представления данного содержания, информация о типовых связях элементов деривационной формы и выражаемой ими семантики (аффиксов и тех лексических тем, которые пополняются их включением, мотивирующих основ и набора возможных аспектов мотивации), о взаимной корреляции форманта и мотивирующей основы в рамках словообразовательной модели. Такие соотношения достаточно хорошо изучены в рамках системно-структурной модели описания словообразования (см., напр., 15 - 21).

"Синтаксическое" в производном слове может быть интерпретировано как его генетический аспект, деривационная форма слова возвращает к акту его создания. Узуализируясь, вбирая в себя информацию о всех контекстах своего употребления, насыщаясь энциклопедической информацией, слово начинает именовать вещь в ее всеобщих связях, среди которых отношение, выраженное в предикативной мотивационной форме, может утрачивать функционально значимую роль. Вследствие этого в синхронно-функциональ-

ном аспекте изучения производного слова особую значимость приобретает выявление типов контекстов, синтаксических (в широком смысле) позиций, в которых слово функционирует как семантически расчлененная единица, как предикативная структура, к которой генетически восходит данное производное слово. В таких позициях снимается противопоставление генетического и синхронно-функционального. Как показал анализ, тот или иной тип текстового включения лексического деривата в смысл высказывания определяется совокупностью факторов как деривационно-генетических, так и позиционно-функциональных. Вследствие того, что генетический фактор оказывает влияние на функционирование производного слова, в работе синхронно-функциональный анализ предваряется выявлением генетических факторов, проявляющихся в функционировании.

3.2. Генетический аспект. Типы логических основ именного словообразования

3.2.1. Пропозитивные и модусные смыслы в производном лексическом деривате

Соединение словообразовательного и лексического значения в производном имени мутационной деривации - это способ языкового представления вещи как части ситуации, события. В основе формирования семантики производного имени мутационного типа лежит предикация, акт формирования пропозитивной структуры. Но предикация - функция высказывания, в котором находят непосредственное языковое выражение актуализационные языковые категории. Производное имя лексической деривации входит в ряд языковых средств выражения незавершенных предикаций наряду с придаточными предложениями, причастиями, деепричастиями, инфинитивными оборотами, синтаксическими дериватами. Как отметила М.Н.Янценецкая, в основе словообразовательных моделей номинативной деривации лежат "типовые пропозиции, которые представляют собой результаты обобщения ряда утвердительных пропозиций, отличающихся истинностью и отражающих реальное существование ситуации во времени" (22, с.13).

При обсуждении логических основ мутационного именного словообразования дискуссионным остается вопрос о включенности в механизм свертывания наряду с пропозитивной структурой прототипического высказывания смыслов модуса, объективной и субъективной модальности. В подавляющем большинстве моделей мутационное словообразование ориентировано на выражение чистой схемы логических отношений, свободной от противопоставлений в аспектах реальности/ирреальности, побудительности/утвердительности,

временных противопоставлений, ценностного отношения и т.д. И все же в формах мутационных словообразовательных моделей возможна фиксация смыслов, относимых к модусу. Такие смыслы выражаются в производных, стоящих на границе между мутационной и синтаксической деривацией. В аспекте функциональной лексической семантики они характеризуются предикативностью.

О фиксации производным именем "ограничений на разнообразие модальных и видовременных вариаций предложений" писал Е.Л.Гинзбург, анализируя семантические различия производных лгун и лжец по признакам "объективной модальности [имманентность]: [неимманентность](процессуального признака для его носителя)]; [(временная) определенность]: [(временная) неопределенность (процессуального признака)]; производных зачинщик и зачинатель по признакам субъективной модальности". Автор подчеркивает:"Лексические дериваты этого типа - результат инкорпорации модальной рамки высказывания с производящими, т. е. той пресуппозитивной части его семантической структуры, которая фиксирует оценочную, локальную и/или временную позицию говорящего по отношению к описываемой ситуации и ее участникам" (23, с.41 - 43, 45).

Говоря о проявлении признаков объективной модальности в производных именах мутационного типа, мы отмечаем "лишь" определенные рефлексы признаков реальности/ирреальности действия, находящих выражение в значимости фактора временного противопоставления в словообразовательной семантике имен деятеля, орудия, имен-характеристик прежде всего лица. Как отмечает Е.Я.Шмелева, продолжая традицию разработки этого вопроса в "Русской грамматике", категориальное словообразовательное значение "одушевленный производитель действия" выступает в четырех вариантах: актуальном значении (преследователь), перфектном (нарушитель), значении свойства (болтун), значении функции (спасатель) (24, с.4).

(Впервые подобное противопоставление на материале польского языка было отмечено А.Вежбицкой (23), см. также развитие этой традиции в работах А.Д.Шмелева, Е.А.Шмелевой, И.Б.Шатуновского, Т.В.Булыгиной (24, 26 - 28).)

Незавершенные предикации получают завершение в составе высказывания, выражая временную локализованность действия, названного основным предикатом, или по отношению к моменту речи. А.Д.Шмелев, анализируя видовременные различия действий, положенных в основу наименований лица, выявляет корреляцию признаков объективной и субъективной модальности. Так, для качественных имен характерно отсутствие временной локализованности признака, при этом "поскольку при употреблении качественного

имени не кто иной, как говорящий, оценивает степень склонности обозначаемого лица к проявлению соответствующего признака, то можно сказать, что качественные существительные всегда предполагают качественную характеристику, даваемую говорящим обозначаемому лицу" (26, с.98).

Приведем пример своеобразного столкновения в высказывании актуального перфектного (оскорбитель) и вневременного, характеризующего значения имен лица (похититель, обладатель):

Узнай, Руслан, твой оскорбитель
Волшебник страшный Черномор,
красавиц давний похититель,
Полнощных обладатель *гор. (А. Пушкин)*

Отмеченное А.Д.Шмелевым соотношение смыслов субъективной и объективной модальности можно интерпретировать как тенденцию, не исключающую в принципе возможности их сочетания. Так, в производном подкидыш перфектный смысл, смысл объективной модальности, сочетается, на наш взгляд, с оценочной модальностью, при этом эмоциональные смыслы являются контекстно зависимыми: *Я*\ подкидыш, *незаконный человек, кем рожден - неизвестно, а подброшен я был в экономию господина Лосева (М. Горький);* подкидыш - "тот, кто, является членом семьи не по факту рождения или брачным связям, кто подкинут, что не соответствует социальной норме и это плохо". Ср. переносное значение имени с иной эмоциональной окрашенностью: *Он [Пушкин] - как приемный сын России, но такой, что роднее родных. Ибо - Божий дар,* подкидыш! *(Г. Гачев).*

Признаки субъективной модальности находят более широкое выражение в словообразовательной семантике мутационных СТ. "Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова" (29, с.303). Производное в ряде случаев служит именованием предмета через установление его отношений, приписывание ему признаков с одновременным отражением ценностного отношения говорящего к отображаемому. СЗ производных этого типа имеет осложненную структуру, его составляет пропозиция, заключенная в определенную модальную рамку. Содержательно субъективные модальные смыслы могут включать только рациональную оценку либо рациональную оценку в соединении с эмоциональной, ср. замечание Н.А.Лукьяновой: "...носач не просто имеющий большой нос, но и вызывающий иронию, насмешку, неодобрение со стороны окружающих" (30, с.92).

Значимость смыслов объективной и субъективной модальности в разных типах вхождения имени в семантическую структуру высказывания свидетельствует о необходимости включать в описание логических основ словообразовательной семантики этих моделей

фактор модальности. Мотивационная формула включает схему пропозиционального отношения (S - p - O) и модальную рамку Mod (obj и subj): оскорбитель (S - p - O) Mod Temp Perf Act; похититель (S - p - O) Mod (P > N).

Итак, если характеризовать весь корпус производных, относимых к сфере лексической деривации с точки зрения включенности/невключенности в мотивационную формулу (формулу СЗ) модальной рамки свертываемой пропозиции, то все производные разделяются на две группы. В группу с нейтральной модальностью входят прежде всего имена натурфактов и артефактов идентифицирующей лексической семантики, имена лица по устойчивому социальному (прежде всего профессиональному) признаку. Признак, положенный в основу именования, не имеет актуальной временной закрепленности, имя характеризуется нейтральной субъективной модальностью, это производные типа подберезовик, сахарница, голубика, травник "заяц", машинист, библиотекарь. В интерпретации мотивационного отношения можно ограничиться схемой логической связки: S - P с конкретизацией типа логического предиката: X предназначен для Y, X имеет признак A.

Нейтральность фактора временной модальности проявляется в отсутствии временного согласования с семантикой основного предиката высказывания при включении в них имен с такой схемой мотивационного отношения.

Вторую группу составляют имена с СЗ, включающим модальные смыслы. Мотивационная формула таких производных имеет более сложную структуру, включая наряду с основной логической формулой ряд модусных конкретизаций. В эту группу входят прежде всего имена лица - актуальные, перфектные, характеризующие, а также соответствующие им по семантике вторичные, невидовые имена явлений природы, некоторые имена артефактов с актуальным значением, также не являющиеся видовыми номинациями.

1. Мотивационная формула включает модальный план актуального настоящего: "тот, кто производит действие, протекающее одновременно с другим (в ситуации, отраженной высказыванием, в состав которого входит имя, или в акте коммуникации)". Мотивационная формула: (S - P) Mod Temp Act Pres. Например, в высказывании *Женщины слушали певцов* - слушали тех, кто поет: отношение одновременности действия, обозначенного предикатом высказывания и действия, обозначенного мотивирующим словом в производном певцы, использованном в данном контексте как актуальное имя.

Неактуальность временной семантики в мотивационном отношении проявляется в отсутствии согласований по признаку времени в текстовом функционировании: *В углу сарая стоял колун* не ин-

терпретируется как "предмет, которым колют сейчас или кололи в актуальной прошедшей ситуации", это имя, в семантике которого предмет и признак соотнесены в отвлечении от идеи времени. В группу с актуальной временной модальностью включаются и немногочисленные имена артефактов, названных по действию, совершаемому в момент речи, соотнесенному с действием, описываемым в высказывании: копалка, писалка, выравниватель - имя любого предмета, которым в называемой ситуации осуществляют, будут или осуществляли действие - копать, выравнивать, писать. В группу входят также функциональные имена животных, используемые как ситуативные номинации, не связанные с обозначением видовой обособленности: *Девочка сидела у окна, слушала соловья, но вот* певец *замолк...*

2.Мотивационная формула отражает актуальность временного плана в варианте прошедшего перфектного времени: (S - P) Mod Temp Act Perf. Лицо (животное, предмет) характеризуется по действию, совершенному в прошлом, результат которого актуален для настоящего, предмет приобретает признак, актуальный для настоящего состояния в результате действия, названного мотивирующей основой: убийца, беглец, предатель, соблазнитель (*...застает в доме соблазнителя и в негодовании убивает его* - "застает в доме того, кто соблазнил (жену)).

Через группу производных, включающих семантику субъективной модальности, номинативная деривация соединяется с прагматически ориентированными словообразовательными процессами. Крен в сторону прагматики осуществляется через включение в мотивационный процесс фактора оценки, его коммуникативную актуальность. И вновь проявляется кардинальное противопоставление идентифицирующей и предикатной лексики в способности актуально отражать модальные смыслы. Сравним видовые наименования животных и предикатные оценочные имена животных и лица: носарь "пресноводная рыба семейства окуневых", бородач "птица семейства соколиных", хохлач "млекопитающее семейства тюленевых" и лохмач "о человеке с лохматыми, всклокоченными волосами или о животном с густой косматой шерстью", носач "человек, а также животное или птица с большим носом". В обеих группах схема логического отношения одна - предмет характеризуется по отличительному признаку, в приведенных примерах своеобразие заключается как в наличии отличительной части тела, не всегда присутствующей у объектов данного вида, так и в превышении стандартных размеров "обычных" частей тела.

Различие заключается в том, что слова первой группы отождествляют предмет по отличительному признаку, прагматически нейтральны. Слова второй группы оценочны, в коммуникативном фо-

кусе находится не самое наличие отличительного признака, но факт отклонения от стандарта, нормы по данному признаку. "Вынесение приговора" о смещении по отношению к норме, стандарту в именах этой группы порождает своеобразную эмоциональную валентность, проявляющуюся в особых текстовых условиях.

Мотивационная формула имен второй группы включает фактор говорящего - говорящий создает или извлекает из словаря имя для вынесения оценки, для фиксации отклонения от нормы по коммуникативно значимому признаку; именно оценочная семантика находится в коммуникативном фокусе, собственно логическая часть мотивационной формулы составляет своего рода пресуппозицию. На схеме мотивационные формулы имен первой и второй группы могут быть представлены следующим образом: носарь - X имеет Y (Y>N); носач - (X имеет Y) (Г считает, что Y>N) Mod subj.

Невозможна интерпретация СЗ без учета модальных смыслов в группе производных, включающих в мотивационную формулу предикаты "любить","увлекаться", например: сластена "тот, кто любит сладкое", певун "тот, кто любит петь, кто много поет", кошатник "любитель кошек" (60, с.154 - 155). Фактор говорящего должен быть включен в интерпретацию мотиваций этих существительных: говорящий делает вывод о превышении нормы в отношении лица к предмету, действию. Здесь также наличие отношения к предмету составляет своего рода пресуппозитивную часть СЗ, актуальное значение СЗ - фиксация превышения нормы в отношении субъекта и предположение об отношении склонности, любви: (X имеет отношение к Y) (Г считает), что P (отношение)> N, что X любит Y.

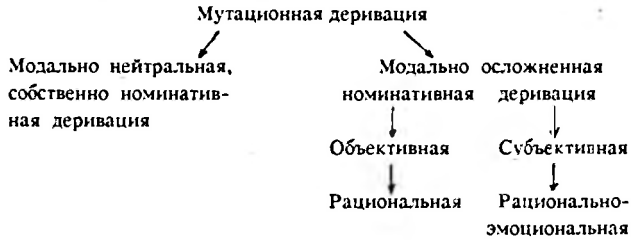
К этой группе относятся производные типа лошадник, кошатник, плясунья, сплетница, пьяница. Имена в пределах группы различаются содержанием предиката, отражающего действие, к которому склонен человек, - есть, пить, разводить, петь, иметь и т.д., а также типом представления в поверхностной структуре элемента мотивационной формулы: отражается предикатный (певун) или актантный (кошатник) элемент.

Во всех приведенных случаях содержание мотивационного отношения составляет рациональная оценка, при этом во всех случаях мы говорим об оценке, "встроенной непосредственно в содержательную сторону языковых единиц и имеющей, тем самым, постоянный статус в языке" (31, с.8). Любая рациональная оценка чревата эмоцией (32, с.21). Эмоциональные оценочные смыслы могут иметь также статус словарных, контекстно независимых, т. е. они, как и рациональная оценка, входят в узуальную мотивационную формулу. Описание мотивационной формулы таких производных должно быть расширено, дополнено указанием на конкретный эмоциональный

смысл: ирон., ласкат., пренебр., неодобрит. Схема мотивационного отношения производного макаронник:

(X ест Y)
Г считает, что P > N
S любит Y | Mod iron

В других случаях субъективные модальные смыслы являются контекстно и конситуативно зависимой величиной. Мотивационная формула включает лишь указание на эту эмоциональную открытость семантики, своеобразную субъективно-эмоциональную валентность: Mod subj. В аспекте отношения к модальному фактору мутационные словообразовательные типы могут быть разделены на несколько групп. См.схему.



3.2.2. Моно- и полипропозитивные мотивационные структуры мутационной деривации

Семантика номинативной деривации, как и любые другие типы языковых значений, определяется структурой действительности, мышления и языка, вступающих в различные типы взаимозависимостей и порождающих ее (семантики) многообразие. Именуемый мир одновременно и структурирован и континуален, представляет именующему субъекту определенную степень свободы в интерпретации, последняя ограничивается определенностью языковой системы и, в определенной степени, нормы.

Номинативные модели морфологического словообразования отражают реально существующие типовые связи и сходства явлений предметного и понятийного мира, представляющиеся существенными: отношения пространственной и временной соположенности, причинно-следственные, условные отношения, отношения сходства, ассоциаций и т.д. Основные категориальные структуры мышления, составляя своеобразный логический субстрат семантики языка, вы-

ступают в качестве одного из организующих начал лексики и грамматики. Вместе с тем давно отмечено своеобразие единиц разных языковых уровней в выражении тождественных логических смыслов, что становится еще более явным при учете факторов узуса и нормы.

Система словообразовательных значений имен номинативной деривации определяется пересечением рядов отношений: 1) системой отношений, вообще выражаемых деривационными средствами; 2) отношениями, специфичными для данной словообразовательной модели; 3) отношениями, специфичными для характеристики определенных ономасиологических классов, тематических групп. Как и любая другая завершенная языковая деятельность, процесс номинации включает в качестве неразрывно связанных парадигматический и синтагматический процессы, процессы выбора единиц и их предицирования.

При создании имени конкретного предмета (признака, процесса) он должен быть осознан и поименован в результате вписывания его в уже познанные и поименованные событийные или логические ситуации. Норма ограничивает и сам круг возможных ситуаций, и их мотивационную актуальность через ограничения лексикона языка, "поставляющего" мотивирующие основы. Как подчеркивает Т.В.Шмелева, "пропозитивные значения фиксируются словарем, их набор и дифференцированность определяются составом предикатной лексики" (33, с.46). Наличные лексические ресурсы языка предопределяют масштаб представления ситуаций в деривационных отношениях, определяемый А.Е.Кибриком как масштаб лексикализованной ситуации, при котором "одному событию соответствует закрепленная данной языковой нормой называющая его лексема-предикат" (34, с.325). Лексемы-предикаты служат средством категоризации и структурирования континуально-дискретного мира. Реально за предикатами может стоять некая последовательность действий, объединенных определенным результатом. При этом данные действия также поименованы. Так, чтобы читать (книгу, журнал), ее нужно, как минимум взять, листать; чтобы варить/сварить суп, необходимо совершить целый комплекс действий - почистить, вымыть, порезать, наполнить, зажечь и др. Лексема-предикат обобщает эти ситуации и представляет их как одну, имеющую определенную структуру, формируемую составом и ролями участников ситуации.

В мутационном словообразовании масштаб лексикализованных ситуаций задается предикатами мотивирующих суждений. В качестве строевых элементов словообразовательной формы могут быть избраны как сами лексемы-предикаты, так и лексемы, называющие

типовые роли участников ситуаций: охотник и соболятник "охотник на соболей": гладильщик и утюжник.

При этом чем более актантов имеет соответствующий предикат, тем больше компонентов могут оказаться невыраженными в поверхностной структуре производного слова. Степень явленности мотивирующей пропозиции в производном слове зависит от ряда факторов, и в первую очередь от типа предиката мотивирующего суждения (одно/многоместный) и словообразовательной модели (суффиксальная/сложносуффиксальная модель),ср.: желток, синяк, добряк и колун, резак; водник, писатель и хлебопек, землепашец.

Предикат мотивирующего суждения, с одной стороны, задает масштаб представления ситуации, в которую вписывается именуемый предмет и по роли в которой он именуется, а с другой - определяет структуру ситуации - количество актантов, участников ситуации и их роли. Это могут быть как одноместные предикаты, выраженные субъектными глаголами, качественными прилагательными, так и многоместные предикаты, именуемые объектными глаголами.

Таким образом, типовые события, закрепленные в норме в лексемах-предикатах и, более опосредствованно, в лексемах-термах, определяют выбор кодирующих стратегий при создании абсолютного большинства производных имен.

Вместе с тем картина мотивационных словообразовательных процессов была бы неполной без учета принципиальной возможности выхода в процессах мотивации за пределы одной пропозитивной структуры масштаба лексикализованной ситуации (12, с.191 - 192; 22, с.14, ср. аналогичные наблюдения на материале глагольного префиксального словообразования: 13, с.86 - 102).

Сравним СЗ производных туберкулезник "больной туберкулезом" и туберкулезник "врач, лечащий туберкулезных больных". В первой номинации субъект состояния именуется через мотивацию именем состояния. Такая мотивация представляется естественной, регулярно воспроизводимой, задается структурой соответствующей пропозиции с одноместным предикатом с открытой субъектной валентностью: S - P; X испытывает состояние V; по этой модели созданы производные артритик, астматик, невротик. Несмотря на тождество формальных поверхностных структур, анализируемые производные являют собой результаты различных мотивирующих стратегий. Для того чтобы интерпретировать словообразовательную семантику производного туберкулезник "врач, лечащий туберкулез", "врач, лечащий туберкулезных больных", мы должны выйти за пределы одной лексикализованной ситуации в смысловое пространство смежной пропозиции. Ситуация "лицо (S) испытывает состояние" (P) входит в качестве объекта действия в структуру другой

ситуации, обозначенной именем лечить. Лицо как субъект состояния является одновременно объектом действия другого лица. Мотивирующее суждение имеет сложную полипропозитивную структуру с подчинительными отношениями. На схеме мотивирующая семантика может быть представлена следующим образом: (X лечит Y) L limit (Y имеет состояние Z).

Пропозиция с предикатом лечить имеет сложную актантную структуру, что находит выражение и в мотивационных связях, ср. объективацию в серии производных имен: туберкулезник - субъект действия, астматол - средство. Ситуация лечения связана с ситуациями диагностики и изоляции больного (туберкулин - "средство диагностики туберкулеза", лепрозорий - место изоляции больных лепрой"). В ряду производных артритик, астматик, невротик мотивационные связи реализуются в пределах пропозиции состояния, субъект состояния именуется через предикат. В ряду производных туберкулин, лепрозорий, астматол в качестве мотивирующего слова используется также имя состояния, но это имя не является предикатом основного, базового суждения, так как туберкулин - "средство диагностики", лепрозорий - "место изоляции". Предикаты состояний, выступающих в качестве мотивирующих единиц, входят в зависимую, подчиненную пропозицию, занимающую позицию объекта при основной пропозитивной структуре: (S→p →O) L spec (S' →P'); O = S' P'. Смежность ситуаций основывается на референтном тождестве актантного компонента: объект одного действия является субъектом другого.

Продолжим сравнение мотивационных структур. Производное имя горбун является результатом субъектного свертывания пропозиции с предикатом посессивности: X имеет Y, производные овсюг, негроид имеют пропозитивные структуры с предикатом подобия. Мотивационная формула производного пуговичник "пижма - растение, имеющее соцветия, по форме напоминающие пуговицы" включает две взаимосвязанные пропозиции с отношением обладания и подобия: X имеет Y; Y подобен Z. В поверхностной структуре производного представлены актанты двух разных пропозиций - субъектный компонент пропозиции обладания и объектный компонент пропозиции подобия. Все остальные компоненты двух смежных ситуаций непосредственного выражения не имеют. И еще одно сравнение: горбун -"тот, кто имеет горб" и сердечник -"тот, кто имеет больное сердце", носарь -"тот, кто имеет большой нос". Наличие в мотивационной формуле имен сердечник, носарь определений - яркое свидетельство осложнения, неэлементарности мотивационной структуры.

Примеры свертывания в производном более чем одной пропозиции представляют и отадъективные производные, ср. стеклянка,

жестянка "изделия из стекла, жести" и стеклянница "бабочка со стекловидными крыльями", а также мокрец "мокрый лишай (на конечности у лошади)" и мокрица "растение, произрастающее в сырых (мокрых) местах". Если в первом случае реализуется непосредственная связь предмета и признака, предмет характеризуется признаком, который в нем проявляется, то во второй мотивации осуществляется более сложный мотивационный процесс: предмет характеризуется по признаку другого предмета, к которому имеет отношение: "X расположен в M; M имеет признак A". Компонент M "место" играет в первой пропозиции роль локативного сирконстанта, во второй - субъекта, носителя свойства. Этот компонент, обеспечивающий смежность свертываемых ситуаций, остается невыраженным в поверхностной структуре производного. Компоненты формы производного имени выражают субъектный компонент первой пропозиции - суф. -иц(а) (растение, предмет) и предикатный компонент второй, зависимой пропозиции - производящая основа мокр-.

Несмотря на то, что в общем объеме мутационного именного словообразования полипропозитивные мотивационные структуры представлены значительно меньшим числом, они также типологизируются, выделяются относительно продуктивные мотивационные формулы. Но прежде чем мы перейдем к их непосредственному описанию, представляется необходимым охарактеризовать содержательные типы монопропозитивных мотиваций.

3.2.3. Содержательные типы пропозиций мутационного именного словообразования

При описании логических основ именного мутационного словообразования представляется естественным подход "от синтаксиса", так как синтаксические структуры, повторим, соотносятся с соответствующими логическими как первичные и наиболее изоморфные способы языкового представления. Как отмечает Н.Д.Арутюнова, для формирования синтаксических структур русского простого предложения существенны лишь четыре основных типа логических отношений. Это отношения экзистенциальные, в них "утверждается существование (или несуществование) в мире или некотором его фрагменте объекта (класса объектов), наделенного определенными признаками"; отношения номинации, "которые соединяют объект и его имя"; отношения характеризации, при этом "заранее данным является один объект, в котором актизным актом мышления выделяется тот или другой признак", отношения идентификации, в которых устанавливается "тождество объекта (денотата) самому себе" (35, с.18 - 20). Последний тип следует отличать от предложений, выражающих "отношения логической предикации, прежде всего от

классифицирующих высказываний, т. е. предложений константного или преходящего включения (по Ревзину)" (35, с.310). Это инклюзивные отношения.

Логическую основу мутационного именного словообразования составляют характеризующие суждения. Три других типа логических отношений составляют как бы пресуппозицию (имеется нечто, нечто тождественно самому себе, нечто имеет данное имя), в номинативном фокусе находятся отношения характеризации: предмет (процесс, свойство) именуется по отличительному признаку. Как представляется, для формирования мотивационных структур русского мутационного словообразования существенно прежде всего противопоставление трех типов предикаций: мотивации, основывающиеся на вычленении и приписывании объекту одного признака (процесса, действия, предметного отношения); мотивации, основывающиеся на логическом отношении включения, в основе формирования семантики словообразовательных моделей этого типа лежат классифицирующие суждения; мотивации, совмещающие логические операции классифицирующего и характеризующего типа, - метафорическая номинация.

В сфере номинативного морфологического мутационного словообразования преобладают мотивационные отношения первого типа, сфера активности семантических отношений второго и третьего типа - семантическая деривация. В мотивациях первого типа отражаются различные виды ситуаций смежности: действие - субъект (водитель, пекарь, продавец), результат (варенье), объект (пиво), орудие (колун), место (пекарня). Основу мотивации второго и третьего типа составляют ассоциативные отношения. Противопоставленность словообразовательной семантики первой группы двум другим является элементом кардинального общеязыкового противопоставления синтагматической и парадигматической языковой деятельности (см. об этом 36; 58, с. 37-38).

Как известно, построение любой языковой единицы основывается на соединении процессов выбора и сочетания элементов, соответственно все языковые единицы организуются в синтагматические и парадигматические структурные блоки. Отношения характеризующей мотивации отражают синтагматические связи предметов. В основе других типов мотивационных отношений лежат процессы ассоциативного выбора.

Мотивационные отношения характеризации опираются как на событийные, так и на логические пропозиции. Как отмечает Т.В.Шмелева, первые "портретируют" действительность", вторые - "представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях" (37, с.12). Тип пропозиции задается предикатом, он определяет число

актантов и ролевые характеристики элементов ситуации. Мотивационные связи устанавливаются как выделение одной из связей элементов в пределах ситуации, представляющих, имплицирующих другие. Любой из участников характеризуется в аспекте одной из связей на фоне всей ситуации.

Приведем в качестве примера систему словообразовательных связей на основе пропозиции с многоместным предикатом **охотиться**. Ситуация представлена предикатом как многоролевая структура, включающая субъектный, объектный, орудийный, темпоральный, локативный компоненты. Элементы ситуации в языке предстают как взаимномотивирующие. Каждый из участников данной ситуации может быть поименован через любой другой или их комбинацию. В норме языка отражается лишь часть возможных отношений. Так, субъект пропозиции мотивируется 1) предикатом (**охотник**), объектом (**лосятник, перепелятник, соболятник**); элемент ситуации с ролевой направленностью "орудие", "средство" мотивируется объектным компонентом - **медвежатник** -"собака, с помощью которой охотятся на медведя"; **голубятник, перепелятник, тетеревятник** - "ловчие птицы, используемые при охоте на голубей, перепелов, тетеревов"; **бекасинник** -"сорт мелкой дроби, используемый при охоте на бекасов".

Словообразовательные цепочки представляют последовательное "раскрытие" элементов ситуации, например: предикат - субъект- место: **печь - пекарь - пекарня**; объект - субъект - место: **овцы - овчар - овчарня** и т.д. Все элементы словообразовательной цепочки соотносятся с одной пропозицией, представляя ее в аспекте субъекта, места, времени и т.д. ее протекания. В этом видится основание широкого развития явления множественности мотиваций, которая базируется на денотативной, ситуативной тождественности, языковыми средствами осуществляется лишь различная аспектация, представление ситуации.

Охарактеризуем некоторые регулярные мотивации через пропозитивные структуры, лежащие в их основе. Событийная пропозиция обладания, включающая семантику бытийности и характеризации, представлена лексически через предикаты **иметь, владеть, обладать**; субъектный и объектный актанты. Ситуация может быть конверсивно представлена в языке через предикат принадлежности: объект именуется по субъекту, что широко представлено в мотивационных связях относительных прилагательных (**милицейская фуражка, отцов пиджак, попова дочь**). Субъектный компонент мотивируется предикатом (**владелец, обладатель**), объектным компонентом, позиция которого замещается открытым рядом возможных объектов владения (**дачник, акционер**).

В системе русского морфологического словообразования есть модели, элементами формы представляющие все основные компоненты пропозиции, это сложносуффиксальные СТ с глагольными и именными компонентами, например: домовладелец - "тот,кто (S) владеет (р) домом/ домами (О)".

Суффиксальная деривация в таких случаях ограничена в выражении всех компонентов структуры, невыраженным оказывается либо предикатный (дачник), либо актанатный компонент (владелец). Ситуация неотчуждаемого обладания, лексически маркированная предикатами "имеет", "состоит из", также представляется языком, и в конверсивном отношении "X является частью Y". В первом отношении субъект обладания именуется по предмету, которым обладает: шиповник, горбун, хохлач. Во втором отношении предмет именуется по предмету, частью которого он является: пес - псовина "шерсть".

Пропозиции, организуемые предикатами физических действий, имеют сложную, многокомпонентную структуру, словообразовательная же система представляет обычно лишь несколько из возможных связей, например ситуация, названная предикатом продавать дает регулярные мотивации: субъект по действию (шляпник, пирожник, мороженщица), место по объекту (булочная).

Родовидовые мотивационные отношения строятся на основе логических суждений таксономического типа. Функция характеризующего предиката - аналитическая, в акте предикации осуществляется анализ предмета, выделения признака и приписывания его субъекту. Таксономический предикат вписывает данный предмет в класс других, что является, как отмечает Н.Д.Арутюнова, "первичной предикацией, объединяющей сумму сведений о классе предметов, необходимую и для вынесения и понимания последующих общих и частных суждений ... Таксономическая предикация суммирует результаты познания определенного фрагмента мира, не входя в их анализ и предикацию. Это своего рода итог познавательной деятельности, отсылка к фонду существующих знаний" (38, с.168).

Спектр конкретных реализаций таксономических предикативных отношений в морфологическом именном словообразовании достаточно широк, колеблясь от почти полного отождествления банановое дерево (дерево - банан), ситцевая ткань, лиса - лисица, табурет - табуретка, к собственно родовидовым (овес - овсюг, верх - вершина, поле - полик "заброшенное, заросшее травой поле" (диал.) и отношениям псевдоотождествления, ложной таксономии (арап - арапчик "сорт небольших темно-зеленых яблок" (Нижегор. - СРНГ). В первой группе примеров представлены словообразовательные отношения, возможность пропозиционального истолкова-

ния которых ограничена, при их описании безусловно необходимы учет модальной рамки высказывания, выход в прагматику речи.

Переход от второй группы к третьей - это переход из области родовидовой мотивации в сферу метафоры. Анализ материала подтверждает, с одной стороны, своеобразный эффект "перетекания" родовидовых отношений в метафорические (58), с другой - их полярную противопоставленность в ядерных зонах. Граница, отделяющая метафору от родовидовых отношений, лежит там, где в таксономической деятельности мы выходим за пределы естественных классов (жучок "узор кружев" (Орл. - СРНГ)- * узор есть жук). Метафора возникает, когда появляется своеобразный эффект напряжения между таксономической формулой и реальным опытом, между логической формулой таксономического суждения и характеризующим, аналитическим суждением. Это напряжение требует введения модуса фиктивности (как если бы X) в интерпретационную формулу (39, с.64; 40, с.19; 41, с.186 - 187).

В традиционно ограничиваемой сфере мутационного словообразования родовидовые отношения занимают незначительное место. Производное слово называет предмет, представляя его как относимый к известному классу: овсюг - то, что принадлежит классу овсов, имея видовые отличия. Формант является маркером видового отличия, мотивирующая основа - родовой общности, принадлежности к классу. В "классических" мутационных СТ видовые отличия не определяются точно формантом, в этих СТ используются неспециализированные суффиксы -ник, -к(а) и др. В ряде словообразовательных типов, традиционно относимых к сфере модификационного словообразования, наблюдается специализация словообразовательного аффикса на выражении типа видового отличия -"детскость", "женскость", "собирательность" и т.д. В суффиксах этого типа грамматическая определенность (предметность) сочетается с лексически конкретной семантикой: кот - котенок "тот, кто относится к классу котов и отличается признаком детскости", скворец - скворчиха "тот, кто относится к классу скворцов и отличается признаком женскости".

Метафорические мотивационные отношения. Как отмечает Н.Д.Арутюнова, "субстантивная метафора дает характеристику предмета, но в то же время она не совсем оторвалась и от таксономического принципа мышления", "будучи по форме таксономической, осуществляет акт характеризующей предикации" (40, с.19). Существо метафоры - диалектически сложное соединение процессов отождествления и сравнения\характеризации - порождает две традиции в анализе, интерпретации метафоры: метафора есть скрытое сравнение, суть метафоры - отождествление неотождествимого. "Сравнительный" подход проявляется прежде всего в непрекраща-

ющихся, вследствие своей естественности, отражающей языковую интуицию исследователей, попыток классификаций метафор на основании признаков-основ сравнения - по подобию формы, функции, расположению и т.д. в их различных комбинациях. Ограниченность такого подхода проявляется и в том, что в таком анализе как бы снимается различие двух фигур языковой выразительности, метафоры и сравнения, и в осознании неудовлетворительности таких классификаций как излишне схематизирующих нетривиальные семантические процессы. Неудовлетворенность от такого рода интерпретаций порождает теорию суггестивности. Но, встав на эту точку зрения, мы вновь придем к вопросу об основах отождествления, т. е. признаках предметов, ставших основой метафорического отождествления.

Признавая малую эффективность логического анализа авторской метафоры в художественном тексте, мы полагаем, что нечто существенное в структуре языковой метафоры такой анализ может приоткрыть. Логическая формула метафорической мотивации фиксирует совмещение двух пропозиций, чему в схематической записи соответствует система скобок. Возможны два варианта записи: (X имеет признак [A) принадлежит Y] и [X есть [Y) по признаку A]. В схемах отражена логика метафоры "от" ее разных сторон, в обеих формулах обозначена связь отношений отождествления и характеризации, но акцентируются, фокусируются разные стороны сложного взаимодействия - аспект отождествления двух предметов (вторая формула), либо аспект сравнения (первая). В реально существующих речевых и языковых метафорах акцент как бы "плавает", в фокусе метафоры находится либо неопределенный "шлейф" предметных ассоциаций, либо все более отчетливое выделение одного признака сравнения, приводящее к забвению прочих предметных ассоциаций. В метафорическом континууме выделяются два полюса: "...метафоры, которые строятся на основе прямого сходства между двумя объектами, и метафоры, строящиеся на основе общего отношения, испытываемого (иногда по чистой случайности или же по ряду причин) нами к обоим объектам" (39, с.60). Два полюса - это прежде всего противопоставление языковой и речевой метафоры, но мы наблюдаем значительное различие конкретных видов метафорического уподобления и в достаточно узкой сфере узуальной метафоры, реализованной в морфологической деривации.

Динамика метафоры в языковой диахронии - это чаще всего процесс смещения акцента от отождествления (X есть Y) к уподоблению по одному признаку (предмет X характеризуется по признаку A, который характеризует и предмет Y), что в итоге может привести к забвению предметной связи мотивирующего признака. Сравним речевую, а следовательно, живую, актуализованную метафору во-

робьиный запах (затылка ребенка) (пример Е.Тазиевой - 42) и ряд узуальных, стершихся, мертвых метафор, стоящих, на наш взгляд, на разных этапах диахронического затухания образа: золотые (волосы), розовый (бант), коричневый (платок). В речевой метафоре в фокусе образа находится неопределенное множество предметных ассоциаций, рожденных столкновением образов двух предметов. При этом в совокупности ассоциаций заведомо велика доля субъективных смыслов, определяемых опытом человека, воспринимающего метафору, системой образов художественного текста, в структуру которого вплетается данный образ.

Второй тип метафоры, представленный рядом примеров, - узуальные метафоры, это прилагательные цвета, семантика которых формируется по схеме "подобный по цвету предмету, названному мотивирующей основой": подобный по цвету розе, золоту, корице. В значении этих прилагательных обнаруживается разная степень свободы от других предметных признаков, ассоциаций, связанных с мотивирующим именем - основой сравнения/отождествления. Так, золото в мотивации золотые волосы не только металл желтого цвета, но "ценный", "красивый", "с особым блеском" - что принципиально; в прилагательном розовый уже наблюдается тенденция к забвению мотивированности, что проявляется в перенесении акцента на признак "бледно-красный" с "подобный розе", однако смысл "такой же, как у розы" может актуализироваться в определенном текстовом окружении, вызвав к жизни прочие ассоциации, связанные с розой, что является, по сути, рождением новой речевой метафоры. В прилагательном коричневый признак сравнения/отождествления составляет в современном русском языке единственное содержание знака, образ предмета, лежащий в основании метафорического уподобления/отождествления, деактуализован в составе синхронных ассоциативных связей.

Забвение внутренней формы, демотивация, в ряде прилагательных цвета проявляется в том, что эти имена начинают называть признак как таковой, без принудительной связи его с каким-либо одним носителем. Относительная свобода отражаемого признака от предмета, его носителя, названного производящим именем, проявляется в свободной сочетаемости качественных прилагательных цвета, ср.: малиновые губы, сиреневый платок, но * болотный диван (43, с.205). В прилагательных типа коричневый признак цвета составляет единственное содержание семантики имени, забвение внутреннней формы в именах этого типа - это забвение образа отождествляемого предмета, его ассоциативного фона.

Различные типы системно-языковой и коммуникативной актуализации аспектов отождествления или характеризации можно отразить схематически следующим образом:

X_____A_ _ _ _ _Y - золотые

-------A' волосы

-------A''

X_____A _ _ _ _ Y - розовый бант

X_____A - коричневый чемодан

Несмотря на то, что в именном морфологическом словообразовании выражается весьма ограниченный круг метафорической номинации, можно выделить разные варианты осуществляемых в них процессов сравнения/отождествления.

(В схемах символ X - результат метафорического уподобления, производное значение, Y - значение предмета, отождествляемого класса, A - аспект сравнения, признак характеризации, непрерывная линия связи между элементами метафорической связи символизирует ее актуальность, прерывистая линия - периферийность, отсутствие линии - забвение связи, демотивацию).

Схема X_____A_ _ _ _Y соответствует семантике "мертвой" метафоры с актуальным признаком сравнения.

Схема X --→ A ←-- Y соответствует сложной полипропозициональной связи "X имеет признак A, A=A', Y имеет признак A'". Схема X_____Y _ _ _ _A (A', A'') характеризует семантику с живым образом, соответствует формуле X есть Y (по признакам A, A', A'', A''' и т.д.).

В синхронной динамике языка в сфере морфологической метафоры различие процесса и результата метафорического переноса зависит от ряда факторов: коммуникативной направленности метафоры - оценочная/номинативная, типа семантики имен, выступающих в формуле метафорического уподобления. Отметим, что производные имена типа **верх** - **вершина**, **бок** - **боковина**, **низ** - **низина**, а также диал. **круг** - **кружок** "доска для разделки теста" (Куйб. - СРНГ), "подставка под чугун, горшок, кастрюли" (Ряз. - СРНГ), **конец** - **кончик** "отпиленная часть бревна, доски" (Ряз. - СРНГ) мы относим к сфере не метафорической, но родовидовой мотивации В качестве мотиватора выступает имя отвлеченной семантики, которое называет класс предметов, объединенных на основе общности одного признака, формы, например, это имена "голых абстракций", производное называет конкретный предмет, подводимый под класс предметов по ограничению, заданному мотивирующим именем. Метафора возникает там, где человек в номинативной и оценочной

деятельности выходит за пределы естественных классов, процесс отождествления "пакуется" модусом фиктивности.

В номинативной метафоре с угасшей образностью происходит вычленение одного признака в качестве ведущего в процессах сравнения/отождествления; в метафорические отношения вступают единицы с многоаспектно организованной идентифицирующей семантикой при условии яркости, значительной отличительной силы признака и регулярности типа метафорического уподобления (например, по форме, функции, местоположению): игла - игла, гвоздь - гвоздики "каблуки", диал. гвоздь - гвоздок "мелкий судак" (Урал. - СРНГ), нос - носик (чайника) и т.д. Схема метафорического соотношения: X_____A_ _ _ _ Y.

Вторую группу метафор составляют имена, в которых метафорический перенос осуществлен на основе актуализации ряда признаков при вычленении одного в качестве ведущего. Коммуникативно значимо и отождествление, и вычленение основного признака сравнения, что на схеме отражается следующим образом:

X_____A_____Y
_____A'
_____A''

В этой группе производных можно с большой долей вероятности ожидать появления эмоционально-оценочных компонентов значения, например в диал. кот - котик "растение прозанник пятнистый" (Том.), баран - барашка "мелкий вал прибоя около прибрежных скал" (Арх. - СРНГ), заяц - зайчик "пена на гребнях волн", "пена на пиве" (Вят., Ворон., Волог. - СРНГ), "синий огонек на угольях" (Курск. - СРНГ); метафоризация оформлена суффиксами субъективной оценки с уменьшительно-ласкательным значением.

В третьей группе коммуникативный центр смещается с признаков на предмет отождествления. Это прежде всего предикативные, оценочные метафоры. Отождествление осуществляется по совокупности признаков, в том числе и субъективно приписываемых предмету, выступающему в качестве основы уподобления. Производные имена имеют ярко выраженную коннотацию, что в схеме может быть выражено следующим образом: X_____Y_ _ _ _ A (A',A'').

Такой тип семантического отношения характерен для производных типа диал. кобыляк "здоровый, рослый парень, который ведет себя как ребенок" (Костром., Моск., Ряз., Том., Урал.- СРНГ), жеребятник "задира, драчун" (Псков., Твер. - СРНГ), кобылятник "молодой человек, достигший брачного возраста" (Псков., Твер.- СРНГ), зайчик "о худом, тощем человеке" (Новг. - СРНГ). О том, что коммуникативно важно в таких номинациях не только вычленение признака сравнения, но момент отождествления предметов,

может ярко свидетельствовать сравнение производных - результатов прямой и метафорической номинации, ср. диал. драчун и жеребятник. В прямой номинации лицо характеризуется по признаку и ему дается оценка, в метафорической номинации в коммуникативном фокусе оказывается не просто вычленение признака поведения человека, но особого рода проявлений этого качества и оценка этого проявления, проистекающая из отождествления человека с конкретным животным, номинативно и коммуникативно важен именно "шлейф" ассоциаций, связанных в культурно-историческом опыте с этим сопоставлением. Ср. также именование неуклюжего человека в семантических метафорических переносах - медведь, слон, корова. Несмотря на языковой, узуальный статус метафор типа жеребятник "гуляка"(Влад. - СРНГ) tertium comparationis в них не поддается однозначной интерпретации.

3.2.4. Типы полипропозитивных мотивационных структур

Признаком того, что в производном оказываются свернутыми две смежные пропозиции, выступает противоречие между типом мотивационного значения (принципом номинации) и значением мотивирующей основы производного имени. Так, производное летник "животное, родившееся летом" (Твер. - СРНГ) имеет лексико-словообразовательное значение "животное, характеризующееся по времени рождения", мотивирующая основа имеет значение времени. Производное вербовник "лещ, который мечет икру во время цветения вербы" (Южн. - СРНГ) имеет тот же, что и в первом слове, признак, положенный в основу наименования, - животное характеризуется по времени активного функционирования, но признак времени обозначен косвенно, через один из многочисленных предметных и процессуальных признаков - цветение калины. В качестве мотивирующего избрано имя предмета, активное проявление которого характеризуется тем же временным отрезком, что и именуемый предмет. Это одно из проявлений косвенной номинации. Ср.: травник "заяц, родившийся летом (когда растет трава)".

Сигналом свертывания двух пропозиций может быть и столкновение функционального содержания мотивационного отношения и характеризующей семантики мотивирующей основы. В производном животник "лодка для сохранения и перевозки живой рыбы" (Том.) при функциональном СЗ "предмет, предназначенный для действия над объектом" мотивирующая основа имеет значение качественного признака - "живой"; ср. также: теплица "помещение для выращивания растений" - функциональный принцип номинации и мотивирующая основа со значением качественного признака.

Дефиниции словообразовательных значений неизбежно имеют осложненную структуру, в качестве осложняющих элементов выступают номинализации или прилагательные-определения к одному из элементов основной пропозиции, как в определениях СЗ имен вербовник и животник. Как отмечалось, определение-прилагательное является признаком пропозициональной неэлементарности высказывания. Развернутая интерпретация должна иметь вид сложного предложения, фиксирующего вид логической связи между событийными пропозициями, т. е. включать, как правило, три пропозиции: лещ нерестится (S ⟷ P), верба цветет (S-2 ⟷ P-2), L-simult (одновременность).

Несмотря на сравнительно небольшое число полипропозициональных структур, можно сделать вывод о наличии в системе русского именного словообразования типовых моделей пропозитивного свертывания. В мотивационных связях обнаруживается свой синтаксис, и даже подобие актуального членения. В большинстве случаев отношения между пропозициями характеризуются как подчинительные, в аспекте актуального членения с неравным, ранжированным статусом тем. Выделяется несколько типов мотивации по характеру логической связи между событийными пропозициями: ограничительные, временные, каузальные.

А. В типе мотиваций с логической пропозицией ограничительного характеризующего содержания функция зависимого суждения - обозначить границы класса одного из объектов первого пропозитивного отношения по какому-либо признаку. Общая схема: X имеет отношение к Y, при этом Y характеризуется признаком A; отмеченное в первой пропозиции отношение предметов возможно только в ситуации, при которой Y характеризуется определенными, не всегда ему присущими признаками. Субъектный компонент зависимой пропозиции в актуальном членении является темой рангом ниже, нежели тема, соотносимая с субъектным компонентом основной пропозиции. К этому типу относятся производные животник, а также сердечник "человек с больным сердцем", носач, глазастик, хромоножка. В пределах типа производные различаются характером предиката основной и вспомогательной (зависимой) пропозиции.

1. Основную пропозицию организует предикат обладания, зависимая пропозиция имеет качественный характеризующий предикат, определяющий ограничительные признаки объекта посессивного отношения. Сигналом о включении в мотивационную формулу ограничительной характеризующей предикации являются тривиальность, неинформативность (малая информативность) предикации базового суждения в качестве мотивирующего - предмет характеризуется по отличительному признаку: сердечник - *"человек имеет сердце", а также легочник, печеночник и др. Реальная мотивация

"человек имеет больное сердце": X имеет Y, Y характеризуется признаком A.

2. Основную пропозицию организует предикат обладания, зависимая пропозиция отражает факт отклонения от нормы в размере предмета обладания: X имеет Y, Y > N: носач, глазастик, ушастик, ср. горбун.

3. Основную пропозицию организует предикат обладания, зависимая предикация метафорического типа сама имеет сложную смысловую, полипропозициональную структуру: X имеет Y; Y подобен Z по A; или:(X имеет {Y) подобен Z по A}. К этой группе относим: пуговичник "пижма", стеклянница "бабочка", ланцетник "животное, хвостовой плавник которого похож на ланцет", лимонник "кустарник, ягоды которого по вкусу и запаху напоминают лимон", наперстянка "лекарственное растение с цветками, напоминающими по форме наперсток", колокольчик, кувшинка.

4. Основная пропозиция организуется предикатом обладания, вторая, зависимая, характеризует предмет в функциональном аспекте, организуется глаголом физического действия: X имеет Y, Y используется для воздействия на Z. Предмет, занимающий объектную позицию в первой предикации, во второй, зависимой пропозиции, является орудием. Такой тип соотношения пропозиций мотивационного отношения характеризует производное имя ворсянка "растение, шишки которого используются для надирания ворса".

Производные имена различаются не только по содержанию вспомогательной, ограничительной пропозиции, но и способом представления элементов двух пропозиций в форме производного слова. В первой и второй группах в форме представлены субъектный компонент основной пропозиции (тот, кто) и имя предмета, которым обладает субъект, это имя называет одновременно субъект второй зависимой пропозиции, пропозиции характеризации. Не получают формального выражения предикатные компоненты основной и зависмой пропозиции, а также логическая пропозиция (ср. негроид, где -оид - "подобный"). В третьей группе суффикс соотносится с субъектным компонентом основной событийной пропозиции, мотивирующее имя называет вспомогательный субъект метафорического уподобления. Не находят формального выражения предикат первого суждения и его объект, одновременно являющийся субъектом метафорического суждения. Выделим на схеме формально выраженные компоненты мотивирующего суждения: X имеет Y, Y характеризуется по A; X имеет Y, Y подобен Z по A.

5. К ограничительному типу полипропозитивных мотивационных структур относится также широкий круг производных, в которых основная пропозиция организуется глаголом физического действия,

к этой группе относим производные типа животник "лодка для хранения и перевозки живой рыбы".

Пропозициональная формула: X предназначен для воздействия на Y, Y характеризуется признаком A, L - limit (ограничительность).

Б. Для второго типа полипропозитивных мотивационных структур именного мутационного словообразования характерным признаком является наличие временной логической пропозиции, опосредствующей связь двух событийных. Предмет характеризуется по какому-либо предметному или предметно-процессуальному признаку периода времени своего появления, активного существования. Так, обозначение возраста животного в русских диалектных номинативных системах возможно как непосредственно через мотивацию именем отрезка времени (летошник, годок) и т.д., так и по действию, характерному для этого периода времени. Например, жеребенка в амурских говорах в возрасте одного года называют стригунок, так как в это время ему стригут гриву; сосун - "только что родившийся жеребенок, который еще сосет молоко"(Амур.). В русских народных говорах действует номинативная модель обозначения животного по времени его рождения или активного функционирования через обозначение предмета, заметно выделяющегося в данный период времени. К этому типу относятся приводимые ранее травник, вербовник. Схема свертывания пропозиций в этом случае может быть представлена таким образом: X производит действие во время T, Y производит действие во время T ': T= T',L simult. Субъект одного действия характеризуется именем субъекта другого действия, протекающего в тот же период времени.

В. Для третьего типа полипропозитивных структур характерны разные виды каузальной связи двух логических пропозиций. Частные виды различаются, во-первых, видом каузальной связи: причинно-следственная, условная, целевая и т.д., во-вторых, содержательным типом как основной, так и зависимой событийных пропозиций. Например, в производном имени болезни желтуха "болезнь печени, сопровождающаяся пожелтением кожи" имя состояния мотивируется не непосредственно именем субъекта состояния, как в производных (бронхит, плеврит, ларингит), но именем предметного признака, вызываемого этим состоянием: (X имеет признак A)L caus (Y имеет признак A'). Предикатный компонент первой пропозиции именуется через предикат другой пропозиции, связанный с ним причинно-следственной связью. В поверхностной структуре производного суффикс -ит соотносится с компонентом "болезнь", "состояние", мотивирующая основа - качественный признак, появляющийся в другом предмете, принадлежащем X и обусловленный его состоянием.

Целевые отношения связывают пропозиции в производном теплица "теплое помещение для разведения и выращивания растений" (ср. рассадник). Помещение наделено признаком, чтобы быть пригодным к осуществлению действия, к использованию в определенных целях. В поверхностной структуре обозначены оба основных компонента первой пропозиции, и не находят выражения элементы второй пропозитивной структуры событийного типа, а также логическая пропозиция.

Таким образом, словообразовательная семантика производных имен мутационной деривации весьма неоднородна как по содержанию, так и по типу организации, что оказывает влияние на ее текстовую актуализацию в условиях различного окружения в ответ на различные коммуникативные запросы.

3.3. Генетический аспект. Лексическое и словообразовательное значение в смысловой структуре слова

Рассмотренные смысловые типы словообразовательных структур составляют генетический аспект семантики производного слова. Словообразовательное значение формируется в момент создания слова и может быть различным образом проявлено в синхронном текстовом функционировании. СЗ при этом составляет один из аспектов целостной семантики слова, сосуществующий в ней наряду с другими смысловыми срезами, в первую очередь с лексическим и грамматическим значением. Эти значения принадлежат разным языковым уровням, обладают относительной автономностью и вместе с тем находятся в сложной системе соотношений в целостном смысле лексемы. Функциональная проявленность одного семантического аспекта имени (например, словообразовательного) в определенной степени обусловлена его соотнесенностью с другими в смысловом пространстве имени. Соотнесенность СЗ с разными функциональными типами лексического значения в семантике имени в определенной степени определяет характер текстового функционирования СЗ.

Вопрос о соотноношении ЛЗ и СЗ ставится в теории словообразования в связи с разрешением различных проблем: в общетеоретических построениях - как вопрос о статусе значений и способах их манифестации в слове (7, 16 и др.); в собственно дериватологических исследованиях, в которых решалась задача описания всей системы СЗ номинативной деривации (15, 16, 17, 44 и др.); неизбежно этот вопрос вставал при попытках интерпретации явления идиоматичности производного слова (7, 18, 45, 46, 47, 48 и др.).

Лексическое значение принадлежит слову как целостной единице, имеет отражательно-интерпретационный характер, форми-

руясь под воздействием факторов как внеязыковых - является отображением фрагмента мира, так и внутриязыковых - испытывает давление элементов всей системы, находящихся с ним в парадигматических и синтагматических отношениях.

Словообразовательное значение принадлежит части лексикона - производному слову, имеет внутрисловную формальную выраженность средствами словообразовательной структуры - типовым соотношением форманта и мотивирующей основы. СЗ имеет также отражательно-интерпретационный характер, отражает типовые предметные (процессуальные, признаковые) отношения, формируясь каждый раз под воздействием языковых системно-структурных факторов - системы словообразовательных семантических моделей.

В словообразовательном значении есть элементы языковой техники, "чистой формы", но в основной своей массе словообразовательные семантические категории относятся к номинативным, содержательным, что дает также основание говорить о пересечении элементов содержания ЛЗ и СЗ, о наличии смешанных по содержанию и обусловленности лексико-словообразовательных значений, т. е. значений, носителем которых является словообразовательная форма, а содержание формируется под воздействием лексического фактора.

Имея значительную сферу смыслового пересечения, ЛЗ и СЗ характеризуются различной функциональной направленностью в действующем механизме языка. Моменты общности ЛЗ и СЗ имеют опору в факторе отражательности, различие формируется как разный тип интерпретации внеязыкового факта, обусловленный разной функциональной направленностью. Соотношение ЛЗ и СЗ в функциональном аспекте может быть интерпретировано как противопоставленность номинации и предикации, синтеза и анализа, вещи и события. В СЗ слова хранится память о породившем его высказывании, которое "не обозначает отдельную вещь, а обнаруживает в адекватной субъективной форме истину существования вещи, т. е. ее бытие в отношении к другим вещам" (50, с.8). Словообразовательное значение выявляет в слове событийный аспект. Так как СЗ имеет точки пересечения с элементами содержания ЛЗ, это выявление может быть интерпретировано как актуализация соотносимых с СЗ смыслов ЛЗ.

Наиболее детально вопрос о типах соотношения ЛЗ и СЗ в русистике разрабатывался в теории идиоматичности. Проблема идиоматичности в дериватологии интерпретируется как проблема степени идиоматичности (последняя обратно пропорциональна степени мотивированности) и факторов, ее определяющих. В дальнейшем рассуждении мы исходим из тезиса о том, что СЗ и ЛЗ имеют общее основание, содержательно соотносимы, что дает возможность гово-

рить о выраженности элементов ЛЗ в форме опосредствованно, через элементы СЗ.

3.3.1. К вопросу о степени формальной выраженности словообразовательного значения

Как следует из анализа пропозиций и соотносимых с ними суффиксальных словообразовательных моделей, самое СЗ имеет нелинейное выражение в словообразовательной форме. Так, если мотивирующее суждение организовано многоместным предикатом, не все элементы мотивирующей пропозиции непосредственно соотносятся с компонентами словообразовательной формы, ср.: водник, возчик, молоковоз. В первом не соотносится с элементом формы предикатный компонент, во втором - объектный. Эти элементы имеют опосредствованное, непрямое выражение через формально представленные компоненты, так как пропозиция может быть выявлена через любой ее компонент. Набор таких опосредствованно выраженных смыслов ограничен, в норме языка соотнесен с моделями словообразовательных типов (см., например, 18). Такие значения, невыраженные смыслы которых выводимы через анализ типовых пропозиций, соотносимых с типовыми словообразовательными формальными моделями, Е.С.Кубрякова относит к типу лексикализованных значений (7, с.57).

Через СЗ индивидуальное, лексическое и системно-структурное, формально маркированное значения встречаются в смысле имени [illegible]енно-мотивационном (ОМЗ), или лексико-словообразовательном значении (ЛСЗ). В ОМЗ все три основных компонента конкретизированы до уровня лексической темы (59, с.29 - 30). Реальная соотнесенность элементов лексико-словообразовательной семантики и компонентов словообразовательной формы, а также их системных значимостей многообразна. Границы этого многообразия определяются системой соотношений каждого из элементов слвообразовательной формы с элементами словообразовательной семантики в их ориентации на конкретное ЛЗ.

Полипропозитивные мотивационные модели характеризуются качественно иным составом невыраженных компонентов. Так, одно из мотивирующих суждений может вообще не соотноситься с каким-либо элементом словообразовательной формы. Несмотря на меньшую продуктивность, подобные свертывания модельны, повторяемы. Связь пропозиций осуществляется за счет референциального тождества одного из компонентов (ср. например, производное имя теплица: в пропозициях (X имеет A; X предназначен для помещения Y) X-й компонент референтно тождествен. Один и тот же элемент словообразовательной формы может представлять две ситуации.

Содержательные компоненты словообразовательной структуры слова могут лишь намекать на соответствующие компоненты ЛЗ, при этом расхождение может быть как по линии обобщения, так и конкретизации.

Процесс генерализации связан с отсылочным компонентом структуры СЗ, ср., например, столяр "тот, кто изготовляет столы и другую мебель - изделия из дерева, более тонкой обработки, нежели при плотничьих работах". Мотивирующее имя стоит в начале цепочки родовых обобщений.

Процессы конкретизации связаны с суффиксальным компонентом словообразовательной формы. Они более регулярны, что определяется самим существом языковой природы словообразовательного аффикса. Его семантика по уровню обобщения тяготеет к грамматическому. В реальном действующем механизме языка мы наблюдаем череду переходов - от лексико-словообразовательного к собственно словообразовательному и грамматико-словообразовательному типам суффиксального значения, например: "лицо" (-ин, -анин) - "орудие" (-атор) - "предмет" (-ник). Компонент ЛЗ, с которым соотносится суффиксальный компонент СЗ, чаще всего имеет определенную тематическую закрепленность. В производных с первым из приведенных суффиксов расхождения в уровне обобщения нет, в производных с суффиксами второй и третьей группы интерпретация ЛЗ через СЗ нуждается в дополнительной конкретизации тематического компонента.

В таких случаях мы имеем непосредственно невыраженные, но выводимые, задаваемые выраженными компоненты смысла. Правила вывода задаются словообразовательной системой.

3.3.2. Типы соотнесенности словообразовательного и лексического значений в смысловой структуре производных имен мутационной деривации

Мотивационное, или индивидуальное, лексико-словообразовательное значение как целостная единица находится в сложном отношении с ЛЗ слова. Варианты соотношений ЛЗ и СЗ определяются в первую очередь типом создаваемого в акте номинации лексического значения. Эта зависимость была отмечена в ряде работ О.П.Ермаковой (45, с.18; см. также 46; 47). О.П.Ермакова выявила, что различие степени фразеологичности (идиоматичности) имен, мотивированных качественными прилагательными, определяется "функциональными различиями классов личных и предметных наименований" (45, с.18). В словах предметного значения, относимых к именам многопризнаковой, идентифицирующей семантики, "обычно значение мотивирующих занимает весьма скромное место в тол-

ковании этих слов (таково, например, место значения слова белый в толковании различных значений слова белок, им противопоставлены слова типа хитрец, где значение мотивирующего составляет почти все содержание слова" (45, с.18).

ЛСЗ соотносится содержательно с одним аспектом лексического значения производного имени, следовательно, степень идиоматичности определяется и степенью сложности, характером организации компонентов и аспектов ЛЗ. Это соответствие можно интерпретировать как соотношение номинативной потребности (ЛЗ) и механизма ее реализации (СЗ).

В исследовании словообразовательного потенциала имен существительных нами была также отмечена в качестве важнейшего фактора, определяющего степень идиоматичности имен существительных, принадлежность ЛЗ к тому или иному функциональному типу (46, 47). При таком подходе материал русского именного словообразования выстраивается как шкала переходов, в которой уменьшение степени идиоматичности, т. е. все большее содержательное совпадение СЗ и ЛЗ, наблюдается в такой последовательности: имя натурфакта (идентифицирующий тип значения) - имя артефакта (функциональный тип значения) - имя лица (предметно-предикатный тип значения) - отвлеченные имена (предикатный тип значения).

Ядро первой группы составляют имена натурфактов, имена естественных родов, как их именуют в работах по логической семантике (52, 53, 35; см. также 26, 27, 38). Как отмечает И.Б.Шатуновский, объединяя объекты в один естественный класс, "человек опирается на их признаки... однако эти признаки играют вспомогательную роль: они помогают, по выражению С.Крипке, "фиксировать референцию имени, но не определяют ее. Выделив "образец" класса (или их серию) посредством тех или иных признаков... мы в дальнейшем отвлекаемся от этих (и всех других) признаков и употребляем имя как жесткий десигнатор". Каждый из этих признаков в отдельности не обязателен в том смысле, что наличие его у объекта не необходимо для того, чтобы он мог быть референтом имени ... "Это золото" ⇒ "это желтое,дорогое, тяжелое и т.д." хотя бы потому, что перечень признаков принципиально неисчерпаем" (27, с.59, 61 - 62).

СЗ и стоящая за ним пропозиция соотносятся с одним аспектом многоаспектной, гетерогенно организованной семантики производного. При этом аспект лексической семантики, с которым соотносится ЛСЗ, может быть более или менее ярким, иметь большую или меньшую дифференциальную силу, но все же он никогда не является признаком, ограничивающим пределы класса, так как идентификация осуществляется по совокупности (границы которой не опре-

делены) признаков, актуализируемых вместе и одновременно: пескарь "вид рыб"; горлач "вид обезьян";"кувшин"; травник "вид птиц"; черемушник "вид птиц". В таких именах задание деривационного механизма - создать имя - видовой номинат, выделяющий, идентифицирующий предмет по совокупности гетерогенных признаков, и сам механизм - именование, характеристика предмета через один признак, изначально семантически разнонаправлены, и естественно, механизм, средство "отступает" перед целью, результатом. Эти имена изначально, генетично предрасположены к утрате внутренней формы. Ср. замечание Н.Д.Голева, относимое, на наш взгляд, прежде всего к именам этого семантического типа: "Трудно найти ограничения и в степени (глубине) идиоматизации: индивидуально-лексическое значение способно не только деактуализировать, потеснить, вытеснить морфемно-мотивационную семантику, но и оказать воздействие на форму (ср. явление опрощенья)" (2, с.42).

Вторую группу имен представляют прежде всего имена артефактов. Особенность семантики имен этого класса проявляется в вычлененности "функционального компонента в структуре значения" (38, с.207). Именно этот аспект в наибольшей степени обладает различительной силой, может быть отнесен к числу признаков, "конструирующих значение" (53, с.152). Вместе с тем ряд авторов подчеркивают неограниченность семантики имен артефактов функциональным аспектом. Так, Ю.Д.Апресян выделяет в этом аспекте две группы имен: существительные с чисто функциональным значением (типа жилье) и существительные типа нож, бритва, лопата, которые "семантически сложнее, чем S instr (резать), S instr (бриться) и S instr (копать) ...во всех этих случаях речь идет не об абстрактных значениях инструментов... а о вполне конкретных, предназначенных преимущественно, но не исключительно для производства этих действий" (54, с.157). Семантическая сложность проявляется во включенности в значение не только предметного представления (55, с.159), но и в отражении в нем информации о разного рода потенциальных функциональных связях. Таким образом, в группе функциональных имен, имен артефактов, прослеживается своя динамика, движение от "имен номинальных классов" к "именам естественных родов". Соотнесенность СЗ и ЛЗ на разных полюсах класса имен артефактов отлична. Образования типа жилье имеют практически совпадающие по содержанию ЛЗ и СЗ, что позволяет О.П.Ермаковой относить их к разряду неидиоматичной лексики (45, с.20), а Е.Л.Гинзбургу - интерпретировать ряд из них как синтаксические дериваты, их образование рассматривается как ролевая трансформация в пределах пропозиции (23).

При несовпадении ЛЗ и СЗ в орудийных именах СЗ может соотноситься как с функциональным аспектом семантики, который, повторим, в именах этого класса интерпретируется как ведущий смыслоразличительный, так и с характеризующим, ср.: колун "вид топора" и горбач "вид серпа особой изогнутой формы" (диал.), светильник и мигалка, коптилка. В именах типа колун СЗ содержательно совпадает с функционально доминирующим, обладающим большей различительной силой аспектом лексической семантики, что при прочих равных условиях обусловливает их меньшую идиоматичность, нежели степень идиоматичности имен натурфактов, но большую в сравнении с именами типа писалка, копалка, жилье.

Значение имен "номинальных классов" складывается из ограниченного количества обязательных признаков, которые определяют его референцию. "Номинальные классы не предполагают никакой иной сущности, кроме той, которая создается языковыми (номинальными определениями). Так, "сущностью" нахала является то, что он нахален, "сущность" учителя исчерпывается тем, что он учит детей в школе, а брюнета - цветом его волос" (27, с.63).

Ядро этого класса составляют имена лица. Имена лица противопоставлены именам естественных родов как имена с одноаспектно организованной семантикой, вследствие чего в этих лексемах возможно содержательное наложение СЗ и ЛЗ. Другая важная черта лексической семантики имен этого класса, определяющая характер его соотношения с СЗ, - предикативность. В именах предметно-идентифицирующего типа семантики в номинативном фокусе находится отождествление, в терминах актуального членения - тематическая функция; в именах лица номинативное задание - вычленение одного признака, представляющего другие. С именами лица в разряде предметно-предикативных имен объединяются вторичные имена (невидовые) натурфактов, называющие предметы по общности одного функционального или характеризующего признака в пределах одного естественного рода (курица - несушка, пеструшка, парунья, квочка и др.) или разных родов (носач "животные с большим носом"). Близки к ним по типу семантического строения имена "чистые функции" в разряде артефактов (копалка). В таких именах мотивационное значение имеет тенденцию к совпадению по объему с ЛЗ, в ряде имен лица можно наблюдать и совпадение ЛСЗ и ЛЗ: лекарь, таксист, виолончелист, навигатор.

Таким образом, если возвращаться к проблеме идиоматичности, очевидно, что в словаре, в системе, степень идиоматичности - слагаемое ряда условий, формирующихся на смежных языковых уровнях и фокусирующихся в слове. Характер соотношения формы и содержания в слове как языковой единице сказывается и в его текстовом функционировании.

3.4. Синхронно-функциональный аспект. Текстовое функционирование производных имен мутационной деривации и факторы, его определяющие

Итак, как отмечалось ранее, взаимодействие словообразовательного механизма номинативной деривации и процессов текстообразования внутренне противоречиво. Механизм мутационного именного словообразования может быть интерпретирован как механизм оформления идеи отдельности фрагмента мира, идеи субстанциональности. Будучи в момент рождения синтаксическим дериватом, результатом словного переименования фрагмента мира (от синтаксически расчлененного к целостному), в процессе узуализации производное имя "вбирает в себя" все контексты употребления, переживает процесс смыслового насыщения, приводящего к забвению внутренней формы слова.

Противопоставленность генетической синтаксичности и синхронной номинативности снимается, если текстово актуальной является событийная, семантически расчлененная по пропозициональному принципу информация, т.е. та семантика, которая формально выражается с помощью словообразовательных элементов. В таких употреблениях использование синхронно производной номинативной единицы рождается как ответ на пропозициональную семантику. При этом производное слово как бы заново создается, выступая как одно из средств синтаксической синонимии.

Такое функционирование производного лексического деривата легко выявляется в методиках трансформационного анализа, дериват в высказывании замещается синтаксической конструкцией, более или менее изоморфной прототипической пропозициональной структуре, лежащей в основе словообразовательного значения. Если производное слово функционирует как синтаксический дериват, такое замещение приводит к появлению некардинальных смысловых сдвигов в целостном смысле высказывания. Замещение производного слова, функционирующего как лексический дериват, приводит к значительной смысловой деформации, разрушающей смысл исходного высказывания, появляется синтаксическое образование несинонимичного смысла. Ср., высказывания (1 - 3) и (4 - 5):

(1) Для нас, лентяев, *не знавших систематического труда, его трудолюбие было просто чудом (А. Чехов)* = для нас, ленивых людей; *(2) Он был отчаянный* лошадник *(Д. Мамин-Сибиряк)* = он отчаянно любил лошадей, он был отчаянным любителем лошадей; *(3) Это были лучшие полки, старые волки,* покорители *Норвегии, Франции, Крита (Славин)* = это были те, кто покорил Норвегию; *(4) В глухих местах встречается* костяника *(М. Пришвин)* =*

встречается ягода с косточками; (5) *Стеной стояли репейники и* медуницы *(К. Паустовский)* =* стояли высокие медовые цветы.

Во втором варианте слово функционирует как целостная номинативная единица, идентифицирующая предмет во всем многообразии признаков, в том числе и формально, в словообразовательной форме маркированных. Функциональный, коммуникативный их статус зависит от содержания высказывания - от степени совпадения коммуникативной важности признака, положенного в основу именования, значимости его в данной конкретной ситуации. В этих случаях и производные и непроизводные имена функционируют в целостности, равным образом выполняя идентифицирующую функцию. Признак, положенный в основу именования, не составляет непосредственно коммуникативно важной информации, именно поэтому, с одной стороны, не тавтологичны сочетания типа желтые лисички и логически правильны, не содержат противоречия и не являются поэтическим тропом сочетания типа голубая черника. Ср. такие сочетания в контекстах: *Лесной перегной и мох впитывают этот дождь не торопясь, основательно. Поэтому после него начинают буйно лезть грибы - липкие* маслята, желтые лисички, боровики, *румяные* рыжики, опенки *и бесчисленные* поганки *(К. Паустовский); Еще у меня была в кармане кровавая ягода* костяника, *и голубая* черника, *и красная брусника (М. Пришвин).*

Еще более показательны примеры с метафорически мотивированными именами чертополох, наперстянка и белокрыльник. В первом фрагменте текста содержанием является ассоциативный образ, не перекликающийся с метафорическим ассоциативным образом, представленным внутренней формой: *(1) ...А над всем этим тесно сплотившимся содружеством цветов подымался исполинский* чертополох. *Он крепко стоял по пояс в траве и был похож на рыцаря в латах со стальными шипами на локтях и наколенниках (К. Паустовский).* Во втором фрагменте контекстно актуализован выраженный в словообразовательной форме признак белый, но нет актуализации метафорических смыслов: *(2) По берегам растет* белокрыльник. *Листья его немного похожи на листья ландыша, но на одном листе прорисована широкая белая полоса, и издали кажется, что это цветут громадные снежные цветы (К. Паустовский).* В третьем фрагменте метафорическая внутренняя форма не актуализирована никоим образом: *(3) Многое, конечно, было уже открыто с давних времен, - например, действие настойки ландыша или* наперстянки *на сердце или что-нибудь иное в этом роде, но тысячи растений были еще не исследованы (К. Паустовский).* В данном фрагменте в коммуникативном фокусе находится функциональный аспект гетерогенной семантики идентифицирующего име-

ни, не соотнесенный непосредственно с образным смыслом метафорического имени.

Синхронную текстовую актуальность генетического в производном номинативном деривате определяет ряд факторов, как системно-функциональных, так и речевых, коммуникативных. С одной стороны, существует текстовая предрасположенность языковой единицы к определенному типу смыслового взаимодействия с возможным лексическим и синтаксическим окружением, с другой стороны, реализация функционального потенциала зависит от наличия коммуникативного запроса на данный тип функционирования. Из перечисленных в разделе 1.4.1. факторов, определяющих реализацию СЗ в тексте, наиболее важными являются тип созданного в акте деривации лексического значения, синтаксическая (и коммуникативная) позиция деривата в высказывании.

Явным образом в языковой потенции противопоставлены по ориентации на приоритетные для них типы взаимодействия с контекстным окружением имена естественых родов и имена номинальных классов.

К функционированию по принципу синтаксического деривата предрасположены прежде всего имена номинальных классов, так как их область референции определяется признаками, положенными в основу именования. И напротив, языковая функциональная предназначенность имен естественных родов является системным языковым запретом на их текстовое функционирование как носителей пропозиционального содержания. Между этими двумя полюсами лежит зона варьирования в степени доминирования лексического или синтаксического в производном мутационного типа.

3.4.1. Функционирование имен номинальных классов

Имя номинального класса может выступать как средство формальной и смысловой компрессии текста. Имя в таком использовании синтаксично и "по факту рождения", и "по собственным деяниям". Это элемент текстовой деривации, что особенно очевидно в примерах включения словообразования в механизм темарематического развертывания текста. Рассмотрим фрагмент рассказа К.Паустовского: [В проходящем по пригородному лесу поезде едут грибники, ягодники, охотники, женщины поют]...*когда женщины замолкли, оборванный охотник в обмотках из солдатской шинели сказал вполголоса своему спутнику: - Споем и мы, Валя? Как думаешь?..* Оборванцы *запели....Женщины слушали* певцов, *покачивая головами от удивления.* Певцы *замолкли Потом мы расспрашивали* певца, *кто он такой. Он назвал себя колхозным* счетоводом *из-за Оки.*

Производные имена оборванцы, певцы являются текстовыми дериватами, выполняют в тексте отсылочную функцию, их содержание формируется развернутой предикативной (оборванцы запели) и полупредикативной (оборванный охотник) конструкцией. Производные при этом наследуют не только пропозициональное содержание, но и модальные смыслы, обозначенные в предтексте. Так, производное оборванцы сохраняет характеризующее значение с периферийным перфектным смыслом: лицо характеризуется признаком в настоящем времени, времени описываемой ситуации, признак приобретается в результате предшествующих действий. Производное певцы имеет значение настоящего актуального (женщины слушали певцов = тех, кто пел), т.е. наблюдается согласование по признаку времени с основным предикатом высказывания. Выраженный в этом случае тип отношений может быть определен как зависимый таксис, отношение одновременности. В дальнейшем имя певец, певцы употребляется отсылочно, характеризуя лицо по участию в описанной ранее ситуации. Именно это значение объясняет непротиворечивость вопроса "спросили певца, кто он такой". Человек, идентифицированный по участию в данной ситуации, нуждается в характеристике постоянным, неситуативным признаком. Наряду с естественно определяемым различием пропозиционального содержания имена певец и счетовод в этом тексте противопоставлены по признаку времени: настоящее актуальное - настоящее постоянное. Первое имя функционирует как синтаксически открытая единица, о чем свидетельствует факт согласования признаков времени предиката высказывания и временных характеристик имени лица певец.

Согласование имен лица по признакам объективной модальности с основным предикатом высказывания возможно и в других синтаксических позициях. Так, в первом из приведенных ниже фрагментов реализуется актуальное перфектное значение признака имени обольститель, во втором - имя функционирует в значении качественной характеристики лица с временным значением настоящего неактуального: *(1) Горячий, благоородный человек застает в доме* обольстителя *и в благородном негодовании, в горячке, в исступлении убивает его (А. Островский).* Через имя лица, употребленного в актуальном перфектном значении, вводится ситуация,"положение дел", результат которого определяет развитие действий, описываемых в этом высказывании: застает в доме человека, который обольстил жену; через имя лица в описание вводится ситуация обольщения с актуальным результативным аспектом. Устанавливаются отношения зависимого таксиса, отношения временной последовательности действий с осложнением причинными отношениями. Во втором высказывании в имени актуализируется зна-

чение постоянного признака, свойства, имплицирующее признаки субъективной модальности, оценки: *(2) За плечами его клубилась скандальная слава отчаянного кутилы, беззаботного игрока и обольстителя женщин (А. Толстой).*

Как видим, имена номинальных классов также неоднородны как онтологически, так и функционально. Интересный, глубокий анализ функциональной природы имен лица как типичных представителей имен номинальных классов представлен в серии работ И.Б.Шатуновского, А.Д.Шмелева, Е.Я.Шмелевой, разрабатывающих идеи А.Вежбицкой, Н.Д.Арутюновой (См. 24, 25, 26, 27, 35).

В анализируемом в работе аспекте выявляется противопоставленность трех функциональных типов слов, в которые мы включаем не только имена лица, но и имена натурфактов и артефактов, характеризующихся тем же семантическим строением и набором функций. Выделяем имена дескриптивные, имена актуальные и имена-характеристики. К именам первой группы относим имена лица по профессии, других постоянных социальных ролей (инженер, бегун "спортсмен", врач, певец "профессия", имена расовой и этнической принадлежности (негр, монгол, абиссинец), имена возрастов (юноша, старик). Это имена, идентифицирующие человека "в контексте жизни", что противопоставляет их имена ситуативной идентификации (пешеход, наездник, певец "тот, кто сейчас поет", бегун "тот, кто бежит сейчас") и именам-характеристикам (умник, кошатник, сластена). Имена этого класса естественно занимают позицию предиката в высказываниях идентификации. На вопрос "Кто он?" естественно следует ответ: "Он учитель (врач, слесарь..."). Так обычно в социуме идентифицируется человек. Но нельзя на вопрос "Кто он?" ответить *"Он горбун (нахал)", в тексте такой ответ прочитывается как отсылка предшествующей характеризующей ситуации: он тот самый горбун, нахал, о котором речь шла раньше. Имена недескриптивные, занимая эти позиции, выполняют характеризующую функцию либо отсылают к ситуациям предтекста. К именам дескриптивным номинальных классов относим также вторичные имена натурфактов типа несушка. Это имена, отождествляющие класс предметов по одному признаку либо в пределах одного биологического вида (несушка - "курица, которая несет яйца"), либо в пределах нескольких биологических родов, в ряде случаев включая и человека (лохмач - "о человеке с лохматыми, всклокоченными волосами или о животном с густой лохматой шерстью").

Все дескриптивные имена объединяет отсутствие актуальных характеристик времени и субъективной модальности. Имена актуальные и имена характеристики объединяет свойство локализованности на оси времени, текстовая актуальность модальных характеристик. Классы противопоставлены по отношению друг к другу по специ-

фике текстовой позиции и функции - отождествление по динамическому проявлению в данной ситуации или характеристика по относительно постоянному качественному признаку, что предопределяет разную направленность во взаимодействии с контекстом, в производных словах - разные способы актуализации словообразовательной семантики и формы.

Недескриптивные имена в силу особенностей лексической семантики и преобладающих текстовых позиций функционируют как синтаксические дериваты, выступая в качестве одного из средств синтаксической синонимии, отвечая коммуникативным потребностям особой аспектации называемой ситуации. Такое синтаксически открытое функционирование связано с активным грамматическим взаимодействием с другими элементами текста.

Так, набор текстовых функций производных актуальных имен, и прежде всего имен лица, весьма близок функциональной ориентации отглагольных nomina abstracta. Имена этой группы также служат средством введения в структуры высказывания дополнительных ситуаций, логической организации содержания, в том числе темарематического развертывания текста. Отличие содержится в более значительной, более выраженной аспектуализации отражаемой ситуации: ее представлении через важнейший элемент актантной структуры - субъектный.

Вернемся к анализу фрагмента рассказа К.Паустовского. Актуальная номинация певцы во фрагменте *Женщины слушали* певцов... интерпретируется нами как синтаксический дериват, который вводит в структуру высказывания событийную пропозицию "лица поют". Эта пропозиция является объектом действия "слушать". Высказывание с именем лица в актуальном значении, стоящим в позиции объекта при глаголе со значением восприятия, синонимично конструкции с другим синтаксическим дериватом (*женщины слушали пение*), развернутой предикатной актуальной конструкцией (*женщины слушали*, как охотники поют).

Две ситуации, представленные в формально-смысловой структуре высказывания различным образом - через спрягаемую глагольную форму (слушали) и именную форму, объективирующую субъектный актант (певцы), соотнесены по значению актуального настоящего. Логический смысл соотнесения ситуаций - зависимый таксис, отношения одновременности действий, длящихся во времени, полисубъектная конструкция. Смысл следующего предложения *Певцы замолкли* - монопропозитивный с актуализированным припропозитивным значением фазисности, конца действия (пение закончилось). При этом пропозиция введена именем лица в значении актуального производителя действия, а припропозициональный смысл - основным предикатом, выраженным глаголом в финитной форме.

Синонимичность конструкций с классическим синтаксическим дериватом и актуальным именем лица подтверждается их употреблением в сочинительных конструкциях, ср.: *Не бережешь ты себя, Саша. Здесь всюду шпионство, всюду* наушники *(Л. Никулин)* = всюду наушничают, всюду наушничество. Конструкции с "классическим" синтаксическим дериватом и актуальным именем лица синонимичны конструкциям с глаголами в обобщенно-личном значении и значении настоящего неактуального.

Своеобразие языкового представления ситуации заключается в ее введении через главный член актантной рамки - субъектный. Если классическая номинализация интерпретируется как средство коммуникативно значимого низведения субъекта, то такая номинация подчеркивает его коммуникативную актуальность, что подтверждается дальнейшим развитием текста, переключением внимания с действия на его исполнителя. Так, в следующем по порядку предложении *Потом мы расспросили певца, кто он такой* коммуникативнй фокус перенесен с действия на его субъект. Собственно коммуникативный смысл использования имени лица в назывании ситуации и ее аспектуализации может быть определен как формирование фокуса темы. Занимая объектную приглагольную позицию, имя служит обозначением зависимой темы, определяя тип ее аспектации, подготавливая тем самым направление дальнейшего развития текста.

Функционирование имен актуальных как синтаксических дериватов в смысловом развитии текста возможно и без предтекстового развернутого обозначения. В таких употреблениях нет отсылочной функции, в прочем же действие подобно рассмотренному ранее. См.: *(1) [Мои спутники] много рассказывали обо мне и даже такие пустые мелочи, которые я сам давно забыл. Разумеется, все было очень искажено, преувеличено, пройдя целый ряд* рассказчиков и пересказчиков *(Н. Миклухо-Маклай); (2) Я знаю, что мне делать...- думал он. - Семейные основы поруганы, честь затоптана в грязь, порок торжествует, а потому я, как честный человек, должен явиться* мстителем *(А. Чехов).* В первом фрагменте есть отсылка к обозначенной ранее ситуации, во втором она отсутствует. В этих фрагментах имена лица функционируют как синтаксические дериваты, что подтверждается трансформациями (1 - пройдя целый ряд рассказов и пересказов, 2 - я должен мстить/отомстить). Субъектная номинализация имеет свойства классических номинализаций: обобщенное обозначение актуализационных категорий, дающее возможность вариантных прочтений одновременно, не или/или, но и/и (ср. мстить/отмстить).

Имя лица актуального также может вводить вторую зависимую пропозицию, выступая в качестве средства формирования логиче-

ской перспективы в пределах высказывания. В следующем фрагменте имя лица выступает своеобразной скрепой двух пропозициональных структур: *За оградой раздался резкий звук сигнальной трубы. Это снаружи у стены стояли* посланцы *от команды Тимура (А. Гайдар).* Пропозициональная формула имени посланцы X (O) послать (p) Y (S). Семантический компонент, соотносимый формально с суффиксом, входит в качестве субъекта в пропозицию "Некто стоял" (S↔P) и объекта в пропозицию "Некто послал кого-то" (S-l↔p-→O). Возможно развернутое представление глубинного смысла: "...у стены стояли люди (мальчики), посланные командой Тимура; стояли те, кто был послан командой Тимура". В актуальном имени лица реализуется перфектное значение.

Предикативная, текстовая открытость проявляется и в сохранении в синтагматике имени обозначения других актантов предиката, в нашем случае обозначен субъект действия: посланцы от команды = те, кто послан командой. См. также: *Подвергать моих* поручителей *необходимости уплаты моего долга я бы никак не желал (Г. Успенский); [Тихон Ильич] рад, что нашелся наконец* покупатель *на Дурновку (И. Бунин).* Не входя в обсуждение пропозициональных сверток, задаваемых инфинитивами, рассмотрим соотношение пропозиции, вводимой именем лица актуального, с ближайшей к ней по смыслу: "мои поручители должны уплатить" = те, кто за меня поручился (диктумная пропозиция, перфектное значение), должны (модальная пропозиция, модус долженствования) уплатить (диктумная пропозиция). В ситуации поручительства субъектный компонент выражен внутрилексемно, объектный - в синтаксической сочетаемости, местоимением мои. Во втором фрагменте лексема покупатель замещает позицию объекта при предикате нашелся одновременно вводит другую пропозицию: "X покупает Y", при этом объектная позиция предиката покупатель также лексемно заполнена - имя собственное Дурновка. В этом фрагменте соотнесением двух пропозиций, находящих, хотя и частичное лексическое воплощение, опосредствованно выражается третья, модальная (модус желания).

Преобладающие синтаксические позиции характеризующих имен - именное сказуемое в высказываниях с логическим отношением характеризации, а также вторичные, производные (являющиеся результатом контаминации первичных элементарных высказываний с тем же отношением характеризации) позиции несогласованного определения и приложения: *Я не говорю о присутствующих, но все женщины, от мала до велика,* ломаки, кривляки, сплетницы *(А. Чехов); Для нас,* лентяев, *не знавших систематического труда, его трудолюбие было просто чудом (А. Чехов); У*

притвора... спорили и бранились две старухи-нищенки *(Л. Андреев).*

Характеризующие имена создаются как синтаксические дериваты, средство смысловой коммуникативной актуализации, выявляемой в сопоставлении с синонимичными конструкциями с замещенными позициями качественной характеризации именами прилагательными и глаголами поведения. Синонимичность также выявляется при трансформации (все женщины (обычно) ломаются, кривляются, сплетничают; (любят) ломаться, кривляться, сплетничать: для нас, ленивых людей = для нас, тех, кто любит лениться, обычно ленится), подтверждается возможностью сочинительной связи, например: *Это был простой степной барин, довольно взбалмошный,* крикун, *грубый, но не злой. (И. Тургенев); Она и Яков были большие* постники *и оба набожные (И. Гончаров); [Дон Кихот] не только не глуп , но, напротив, он истинный* мудрец *(В. Белинский).* В случае отглагольных производных для сохранения синонимичности необходимым условием является наличие при глагольной форме лексического конкретизатора обычности, постоянства признака; ср. также отражение этой закономерности в синтагматическом развертывании текста: *Она была* лакомка, *Маша, и всегда умела найти, в поле, на лугу, в лесу что-нибудь съедобное и вкусное (А. Мусатов).* Коммуникативный эффект использования таких форм - усиление значения характеристичности, постоянства признака, что особенно ярко проявляется в отглагольных производных. Как отмечает Т.В.Булыгина, "предикатные существительные вроде мудрец, дурак и т.п. еще в меньшей мере, чем прилагательные, способны фигурировать в контекстах, побуждающих интерпретировать соответствующие свойства как преходящие, исчезающие и создающиеся вновь" (28, с.28). Ср. контекстное столкновение смысла актуального проявления свойства и признака, характеризующего личностные ориентации опять же в "масштабах жизни": *Вы не глядите на меня, что я такой* крикса *и вот сейчас на человека моего закричал (Ф. Достоевский); Я* не клеветник, *я не клеветал на Рудина: но ... может быть я несправедлив к нему (И. Тургенев).*

Имена характеризующие включают в состав семантики модальность оценки. Это активная текстовая категория, определяющая ряд текстовых смысловых согласований. Так, подобные смыслы актуализируются в сочетании с предикатами мнений, а также в конструкциях с выделением качественного признака, например: *Егор слыл за человека правдивого и за* молчальника. *Он не любил говорить (И. Тургенев); Вы, наверно, принимаете меня за* спекулянта *или* мешочника? *Извиняюсь! Я артист (А. Толстой); Служащие не любили его как выскочку, как* наушника, *хотя он жа-*

ловался судье только на таких, которые постоянно пьянствовали (А. Решетников).

Синтаксическая открытость недескриптивных имен лица проявляется в процессах актуализации, текстового согласования по признакам объективной и/или субъективной модальности, актуализации разных элементов пропозициональной (мотивационной) формулы как элементов расчлененной структуры: актуализируется либо предикатный компонент (всюду шпионство, всюду наушники), либо субъектный (мы спросили певца).

Наряду с этим смысловая расчлененность, текстовая проявленность внутреннего синтаксиса имен этих классов обнаруживается в фактах согласования элементов контекстного окружения с отдельными элементами пропозициональной формулы и модальными признаками.

К таким текстовым актуализаторам относятся, во-первых, имена существительные и местоимения, называющие актанты предиката, входящего в смысловую структуру имени актуального или характеризующего. Обычно один актант выражен внутрилексемно, аффиксом, второй - самостоятельным именем. Ср. контексты стр. 148, а также: *Главными* обирадами *(S,p)* *народа (O) являются волостные писаря, их помощники и кулаки (М. Щелкунов); Этот человек в непродолжительное время изменился совершенно, стал* гонителем *(S,p)*, преследователем *(S, p) развивающегося ума (O) и таланта (O) (Н. Гоголь).*

В качестве актуализаторов отдельных элементов синтаксически открытой семантики производных имен могут выступать также прилагательные. Сравним семантическое согласование прилагательных с определяемым характеризующим именем лица наглец в двух контекстах: *(1) Можайский с трудом сдерживал приступ ярости. Этот красномордый толстый* наглец *во второй раз ввязывался в ссору' (Л. Никулин); (2) Он был просто невероятный* наглец *(Л. Павлов).* В первом фрагменте определения раскрывают предметные, "телесные" свойства лица, охарактерезованного в имени существительном со стороны моральных качеств, семантически согласуясь с семой "лицо", субъектным компонентом пропозитивной формулы. Во втором фрагменте оценочное прилагательное невероятный усиливает смысл отклонения от нормы, т. е. согласуется с предикатным компонентом пропозитивной формулы и смыслом модальной рамки, смыслом негативной эмоциональной оценки. В первом высказывании с соответствующим компонентом согласуется указательное местоимение этот в экспрессивно-оценочном употреблении. Элементом текстового согласования в аспекте субъективной модальности является и выбор ненейтрального синонима для определения физических характеристик субъекта - толстый наглец.

Элементы лексического контекста могут вступать в смысловое согласование с категориями как объективной, так и субъективной модальности. В следующем фрагменте определение недавний согласуется с временным компонентом, уточняя перфектный смысл предикативного элемента мотивационного значения имени приемыш (приемыш - "тот, кого приняли в семью в качестве сына, дочери", недавний приемыш - "тот, кто был принят в семью недавно": *Детей было четверо. Двое - Вовик и Ниночка - собственные...двое же - Валя и Петя - недавние* приемыши, *их подобрала Мария Павловна при эвакуации в Кленовске (О. Караваева).* Прилагательное - синтаксический дериват от наречия со значением времени - служит обозначением припропозитивного смысла.

В лексическом окружении имен-характеристик достаточно часто находятся лексические актуализаторы и конкретизаторы предикативного компонента, вступая с ним в согласование по признакам оценки, как рациональной, так и эмоциональной, это прежде всего обще- и частнооценочные прилагательные: *(1) [Быстрицкий] в делах снабжения оказался большим* ловкачом *(А. Игнатьев); (2) Старец этот, отец Ферапонт, был тот самый престарелый монах, великий* постник и молчальник *(Ф. Достоевский); (3) Трактирщик был страстный* любитель *певчих птиц... (М.Горький); (4) С одним из самых страстных и неутомимых* картежников *поселенцем Изовым у меня происходил один такой разговор... (А. Чехов); (5) Бурнашев так и впился глазами в лошадь - он был отчаянный* лошадник *(Д. Мамин-Сибиряк); (6)* Молчальник *он был изумительный.. Редко-редко с его языка слетал какой-нибудь неожиданный вопрос (М. Салтыков-Щедрин).* Контекстные актуализаторы оценки степени склонности к определенной деятельности могут быть более или менее осложнены другими смыслами, так, определение изумительный в приведенном выше фрагменте включает наряду со значением оценки модальность удивления, актуализируя в более явной форме фактор говорящего.

Наряду с прилагательными в актуализации предикативного компонента СЗ и оценочной модальности участвуют наречия и частицы. Сам факт наречного определения к имени лица свидетельствует о предикативности его содержания, ср.: *Твой папа и дядя Гаврик были тогда поменьше тебя, а я была совсем* малявка *(В. Катаев); Я было за ней приударил, да очень уж* недотрога, *и все молчит (Скиталец).* Как видим, модальная семантика оценки согласуется не только с предикатами любви, пристрастия, склонности, но и с другими предикатными компонентами при наличии в их семантике признака градуальности - совсем малявка - совсем, в значительной степени маленькая.

Согласование с предикатами оценки актуализирует смысл характеристичности в именах деятеля, оценке подвергается степень умения выполнять действие: *Сашка действительно прекрасный* пловец *и* нырок *(А. Куприн); Он один мог заменить целую труппу: был* *отличным* наездником, эквилибристом *(Д. Григорович).*

Как отмечалось, имена этого типа открыты к актуализации смыслов субъективной модальности. Предикат может однозначно определять характер эмоции (лжец - он лжет, это действие не соответствует социальной, этической норме, и это плохо) или иметь открытую валентность по этому признаку (говорун - говорит больше социального стандарта, нормы, и это плохо или хорошо в зависимости от ситуации). В качестве актуализаторов оценочных эмоциональных признаков выступают элементы экспрессивного синтаксиса, прежде всего конструкции с частицами и местоимениями в усилительно-экспрессивном значении. В сочетании с характеризующими именами с открытой эмоционально-оценочной валентностью частицы и местоимения вносят, как минимум, значение слабого пренебрежения, при выраженной рационально-эмоциональной оценке усиливают ее: *Конечно, мы знаем* *этих* клеветников, *которые порочат честных людей анонимными письмами (Н. Погодин);* *Какой-то* пасквилянт *нарисовал в смешном виде меня и еще одну особу, нам обоим близкую (А. Чехов).*

Дескриптивные имена лица функционально и семантически занимают своеобразное пограничное положение между именами номинальных классов и именами естественных родов. С одной стороны, область их референции определяется признаками, положенными в основу именования (колесник - "тот, кто делает колеса"), с другой стороны, их лексическая семантика не ограничивается аспектом, отраженным в мотивационной формуле, включает ряд гетерогенных признаков. Но, будучи гетерогенными, отражая разные признаки денотата, аспекты семантики определяются зависимостью от доминирующего признака-функции. Этим дескриптивные имена лица отличаются от имен естественных родов, в семантике которых гетерогенность признаков сочетается с отсутствием подчиненности одному, доминирующему в смысловой структуре имени, что определяет различие их контекстной сочетаемости. Идентифицируя лицо в контексте жизни, дескриптивные имена лица характеризуются нейтральной субъективной и объективной модальностью, не вступают в отношения по этим категориям с элементами текстового окружения, что также их сближает с именами естественных родов.

Имена этого класса имеют две доминирующие позиции - субъектную (субъекта основной или зависимой пропозиции) в высказываниях характеризующего (по Н.Д. Арутюновой) типа или позицию предиката в классифицирующих высказываниях: *В деревне*

мы остановились у пасечника: Козырь был колесник. Позиции приложения и несогласованного определения интерпретируются как вторичные, являющиеся результатом контаминации предложений с логическим отношением характеризации и классифицирующим отношением: *Осип*, обкладчик, *перебегал от саней к саням по колено в снегу и прилаживался,рассказывая про лосей ... и про медведей (Л. Толстой)*. В названных позициях имя выполняет идентифицирующую функцию. Идентифицируя лицо внеситуативно, по типу вписывания в социум, дескриптивное имя лица может сочетаться с актуальным именем в позиции приложения, ср.: (1) *Их [трех знаменитых пушкинских сосен] сейчас нет. Еще до революции две сосны сожгла молния, третью спилил ночью* мельник-вор *из сельца Зимари (К. Паустовский)*; *(2) Чемадурова, говорят, и слезинки не проронила, но устроила так, что самоубийцу похоронили как христианина, правда, не на городском кладбище, а в пригороде: помог знакомый* священник-покупатель *(С. Липкин)*. В приведенных фрагментах имена-дескрипции выполняют идентифицирующую функцию, вписывая референт в социальный контекст жизни; имена непредикативны, что проявляется в отсутствии актуализации предикатных смыслов и согласования по этим компонентам с предикатом высказывания, другими элементами лексико-грамматического контекста.

Имена лица в позиции приложения вор и покупатель - это имена актуальные, контекстные номинации. Мельник проявил себя как вор в описываемой ситуации - воровски спилил сосну, своровал сосну. Отметим, что именная номинация этой ситуации дает возможность одновременного, создающего своеобразный стереоскопический эффект, прочтения имени вор как актуальной и характеризующей номинации: он поступил в данной ситуации как вор и проявил качества вора. Во втором фрагменте имя покупатель функционирует как актуальная номинация, позволяя интерпретировать фрагмент таким образом: священник помог мадам Чемадуровой не потому, что он вообще был покупателем, а потому, что он покупал обычно в лавке мадам Чемадуровой. Фрагмент "помог священник-покупатель" в пропозициональном аспекте интерпретируется как моносубъектная полипропозитивная конструкция: две диктумные событийные пропозиции (священник помог, священник покупал...) связываются имплицитной логической пропозицией причинности. Дескриптивное имя священник занимает типичную для него субъектную позицию, выполняет референтную функцию, актуализирует предметный, непредикатный смысл.

В текстовом функционировании имен-дескрипций проявляются свойства их семантики, отличающие их, с одной стороны, от других типов имен номинальных классов, с другой - от имен естественных

родов. Элементы контекста могут подчеркнуть, актуализировать свойство неограниченности семантики имени указанием на выполняемую функцию, более того, выполнение функции в определенной ситуации не означает принадлежности лица к данному социальному типу, эта социальная роль обнаруживается в нескольких составляющих, ср., например: *Подошел* сцепщик, *спросил: "Отнести? До* извозчика?" *Пассажир сначала опешил: там, где он жил, он привык к другим* носильщикам, *с бляхой, в форме, но потом он даже обрадовался, ответил по-русски: "Да, да, до извозчика, пожалуйста". Его, конечно, удивило, что* сцепщик *подрабатывает, выполняя обязанности* носильщика *(С. Липкин).* В тексте представлено столкновение актуального прочтения имени, актуализируемое предикатом отнести и социального, профессионального; носильщик при этом имеет не только функциональные, но и предметные, онтологические признаки: выполнять обязанности носильщика может любой человек, сцепщик, например; принадлежность к определенному социальному профессиональному классу не создает запрета на выполнение других действий в актуальных ситуациях.

В следующем фрагменте в социальном дескриптивном имени школьники контекст актуализирует один из возможных имплицируемых признаков - признак возраста: *Потом появились и заснятые карлсбадским фотографом внуки, сперва еще* школьники, *в гольфах, потом взрослые, галстуки бантиком, лица без нашей нервозности, но и без нашего советского разумения (С. Липкин).*

От имен естественных родов дескриптивные имена номинальных классов отличает смысловая и функциональная выделенность одного аспекта семантики, в большинстве случаев содержательно совпадающего с мотивационной пропозициональной формулой. В качестве контекстного маркера выделенности аспекта-функции может выступать общеоценочное прилагательное хороший. Так, хороший пастух - тот, кто хорошо пасет скот, хороший пасечник - тот, кто хорошо разводит пчел на пасеке и т.д., контекст лишь конкретизирует эти оценки: Пасечником *он был замечательным, хорошие сборы меда стали отмечать на Кривом (Н. Емельянова); Хороший* пастух *знает каждую корову своего стада, только для постороннего они кажутся на одно лицо (К. Львова).*

Равным образом общеоценочное прилагательное маркирует вычленение функционального аспекта и в именах артефактов, и во вторичных именах натурфактов; так, хорошая ручка - та, что хорошо пишет, хорошая несушка - та, что много несет яиц. Оценка функции не нуждается в контекстной конкретизации, в то время как прочие основания оценок должны быть обозначены в контексте. Ср. неопределенность содержания оценки "хороший" без конкретизаторов в сочетании с классическими именами естественных ро-

дов: хорошая сосна, хорошая лягушка, хороший подбережник ("птица"). Отметим, что при сочетании с именами натурфактов, активно включаемых в сферу прагматических интересов человека, хороший прежде всего ассоциируется с признаком "соответствующий прагматическим устремлениям человека" в данной ситуации.

Частнооценочные прилагательные могут согласовываться с денотативным компонентом семантики, семой "лицо": высокий пастух, усталый учитель, седой пасечник, что также маркирует текстовую расчлененность смысла имен лица, определенную степень текстовой открытости семантики имен этой группы. Вместе с тем возможны случаи, когда частнооценочное прилагательное вступает в ассоциативные отношения с семой "лицо" и предикатным компонентом одновременно, при этом предметная, нефункциональная ассоциация осознается все же как вторичная, в какой-то степени даже тропеическая: *[Илья Матвеевич] с интересом поглядывал на странную девушку, которая решила строить корабли. Некоторые ее вопросы просто удивляли старого* корабельщика *(В. Кочетов)*. Во фрагменте старый прочитывается прежде всего как "давний строитель кораблей", во вторую очередь - "немолодой человек".

О вычлененности функционального аспекта в семантике имен этой группы свидетельствует также возможность реализации в контексте актантов предикатного компонента семантики: *Это был удэхеец Самарга, знаменитый* ловец *зверей для зоологических садов (И. Арамилев)*.

3.4.2. Функционирование производных имен естественных родов

Основное текстовое назначение имен естественных родов - идентифицировать предмет во всей полноте признаков, что предопределяет текстовую невыделенность генетического, словообразовательного момента формально-смысловой структуры этих имен. Отметим вообще неширокое распространение в современной литературной речи производных имен естественных родов. Тесно связанный с жизнью человека природный мир давно поименован; имена, предрасположенные к утрате внутренней формы, функционируют как непроизводные. Мир дикой, неосвоенной природы слабо расчленен и поименован для среднего человека, с ним знакомы охотники, ученые и писатели-натуралисты. В целом тексты, в которых используются производные имена естественных родов, могут быть разделены на две группы по различию коммуникативной ситуации, в которой они порождаются. Основание разграничения - представление говорящего о компетентности слушающего, его умение осуществить референцию при восприятии имени.

В коммуникативной ситуации, когда говорящий исходит из представления, что объект именования знаком слушающему, он использует его как средство референции в высказываниях характеризующего типа, имя занимает субъектную или объектную позицию, функционируя при этом как целостная, синтаксически неразвернутая номинация: *А еще дальше высокой стеной вздымались боярышник и* шиповник. *Ветки их так переплелись, что казалось, будто огненные цветы* шиповника *и белые, пахнущие миндалем цветы боярышника каким-то чудом распустились на одном и том же кусте (К. Паустовский); Один плес на этой реке мы назвали "Фантастической Прорвой", потому что нигде и никто из нас не видел таких огромных, в два человеческих роста,* репейников, *голубых* колючек, *такой высокой* медуницы *и конского щавеля, и таких исполинских грибов*-дождевиков, *как на этом плесе (К. Паустовский).*

Интересен также следующий фрагмент, в котором автор называет предмет именем с метафорической внутренней формой, выделяет и признак, находящийся в основе метафорического уподобления, но использует при этом не образ, подсказанный формой мотивирующего, а иной, ср.: лимонник - "кустарник, ягоды которого вкусом и запахом напоминают лимон" и фрагмент текста: ...*Среди кустарниковой растительности еще можно видеть...* лимонник *с гроздьями красных ягод, от которых во рту остается легкий ожог, как от перца. (В. Арсеньев).*

В произведениях писателей-натуралистов, в структуре фрагментов, включающих имена естественных родов, отражается их установка на разъяснение смысла имени с целью обеспечения точности референтной отнесенности. В этом случае фрагмент текста может строиться по полной развернутой схеме акта коммуникации: высказывание с суждением бытийного типа (что есть в мире), высказывание с логическим отношением номинации, суждение идентификации, или классификации (объект вписывается в класс), высказывание с логическим отношением характеризации (объект описывается по ярким отличительным или ситуативно значимым признакам, в том числе поведенческим и деятельностным). Приведенная полная схема развертывания дискурса может быть представлена с разного рода свертками и лакунами. См., например: *На дюнах растет трава. Ее зовут* живучкой. *Это плотные серо-зеленые шарики, похожие на туго закрытую розу. Если вырвать такой шарик из песка и положить корнями вверх, он начнет медленно ворочаться, как перевернутый на спину жук, расправляет с одной стороны лепестки, упирается на них и переворачивается опять корнями к земле (К. Паустовский).* Подобная структура текста характерна и для коммуникативной ситуации общения носителя ди-

алекта и диалектолога, отраженной в материалах диалектологических экспедиций и, как следствие, в иллюстративных фрагментах диалектологических словарей. Говорящий, житель деревни, осознает принадлежность слушающего к иному, вариантному, языковому и практическому миру, последовательно раскрывает путь в свой мир, показывая, что есть в нем, как оно называется, как классифицируется, с чем частично отождествляется, какими отличительными признаками обладает. Приведем примеры иллюстративных контекстов "Полного словаря сибирского говора"Волосец *есь, сама така маленька, когда зот косишь покос (Том.);* "Волосец *- луговая трава, очень крепкий тоненький стебелек, растет кустиками, зеленый, цветет как пырей (Том.).*

Рассмотрим последовательно типичные синтаксические позиции имен естественных родов. Высказывание бытийного типа включает имя предмета, наличие которого констатируется; указывается ограничение на тот фрагмент мира, в котором отмечается его бытование. Имена естественных родов занимают позицию субъекта высказывания, функционируют как средство референции, сочетаются с предикатом быть, полусвязочными предикативными именами (водится, обитает), предикатами, представляющими факт бытования через воспринимающего субъекта (встречаются). Имя в этой позиции функционирует непропозиционально, коммуникативно важен факт отождествления фрагмента мира в его целостности.

Переход от высказывания бытийного типа к классифицирующему сопровождается сменой имени по родовидовому принципу: предмет вводится в более узкий класс, отмеченный большим количеством отличительных признаков: "Акт идентификации устанавливает тождество объекта самому себе путем сопоставления свойств, признаков, фактов и т.п., данных в непосредственном наблюдении или поступающих по каналам информации, со сведениями или впечатлениями, вытекающими из прошлого опыта"(35, с.284). Приведем пример: *Зимой, где-нибудь в Московской области, на дорогах, встречаются довольно большие стаи птичек. Это* камышевки *(В. Арсеньев).* В последующем тексте развертывается описание, в котором содержатся определенные смысловые ассоциации с внутренней формой имени: *Это были* камышевки. *Они порхали по тростникам.. поминутно подергивали хвостиками (В. Арсеньев).* ЛСЗ имени камышевки -"птицы, которые живут в камышах" (в обыденной речи имена камыши и тростники могут использоваться как квазисинонимы). Ср. также: ... *Это оказалась* летяга...*По бокам [у нее] ... между передними и задними ногами имеется эластичная складка кожи, которая позволяет ей планировать от одного дерева к другому (В. Арсеньев);* летяга - "белка, которая как бы летает между деревьями", планировать и летать - идеографические сино-

нимы. Контекст проявляет актуальность внутренней формы, но подобного рода ассоциативные связи не меняют существа дела относительно основного функционирования - непропозиционального, синтаксически закрытого. Классифицирующие пропозиции могут быть в структуре высказывания представлены в свернутой форме, занимая позицию приложения: *(1) В дубовых зарослях бродят безобидные* медведи-муравьятники. *Они расковыривают старые пни и слизывают муравьиные яйца (К. Паустовский); (2) Они поймали... двух* бычков-подкаменщиков *с пестрой окраской и оранжевой каймой на темнооливковом спинном плавнике (В. Арсеньв).*

Полагаем, что подобные имена представляют в поверхностной структуре высказывания контаминированные глубинные суждения классифицирующего типа. В приведенных выше фрагментах представлено дальнейшее развертывание текста высказываниями с логической основой характеризации. Имя занимает в последних субъектную и тематическую позицию. При этом в рематическом компоненте могут содержаться признаки, отраженные в словообразовательной форме: *(1)* Нырок *всегда в воде: с утра до вечера ловит мелкую рыбешку... не брезгуя, впрочем, никакими мелкими гадинами и насекомыми (С. Аксаков); (2)* Песочники *кладут свои яйца на голом песке.. вырыв для этого небольшую ямочку (С. Аксаков); (3)* Медянка *принадлежит семейству ужей. Ее окраска серая или коричневая с рядом темных черно-бурых пятен, расположенных вдоль спины (В. Огнев).* В первом и третьем контекстах лексическое окружение имеет только семантическую смысловую связь с предикативной, отраженной в форме, словообразовательной семантикой имени. И все же здесь наблюдается определенное смысловое согласование генетического, положенного в основу словообразовательной формы, и функционального, контекстно актуального. Во втором фрагменте подобное согласование основывается уже на формально-семантических ассоциациях.

Отсутствие в рематическом развертывании текста при описании объекта смысловых и формально-смысловых ассоциаций со словообразовательной структурой основывается на комплексности, многоаспектности, гетерогенности семантики идентифицирующего имени, ориентированной на отождествление объекта во всем многообразии его признаков. Живость внутренней формы ряда существительных идентифицирующего типа обусловливает возможность прибегнуть к ее выявлению для раскрытия смысла имени и, через его посредство, уточнить область референции имени. Так в текст вводится метатекст. В таких метатекстах имена естественных родов часто стоят при предикатах именования, дальнейшее развитие текста направлено на раскрытие мотивированности, через ее посредство - уточнение области референции. Это контексты, в которых ярко

выявляются лексические мотивационные отношения. Контекст имени, его развитие, определяется сознательной установкой говорящего на раскрытие рациональности связи формы и значения слова.

Несмотря на актуализацию внутренней формы, имя функционирует непропозиционально как отождествляющая номинация. Актуальна формально-смысловая целостность имени, его референция к конкретному объекту как точка отсчета для рефлексии над смыслом и формой имени, а также их соотношением. Формально-смысловая расчлененность в данном случае имеет другую функциональную направленность. Пропозитивное развертывание осуществляет контекст для характеристики не предмета, но его имени: *(1) Этих мотыльков зовут* поденки, *потому что все они живут по одному дню, не более (В. Тендряков); (2) Имя* моховика *происходит от моховых, лесных болот, в которых живут глухари (С. Аксаков); (3) Глухарь-самец имеет на хвосте черные косицы... почему и называется* косачом *(С. Аксаков).* Метаязыковому фрагменту может быть придан статус дополнительной, косвенной информации, сопровождающей основную, в таком случае отношение именования вводится полупредикативной формой и занимает постпозицию по отношению к основной: *(1) Охотники начинают охотиться за молодыми и старыми, линяющими в это время, гусями, и называющимися* подлинь *(С. Аксаков).* В случаях метафорической мотивации контекст может выступать как средство выявления признака, основы метафорического переноса: *(1) [Степная лиса] хуже мехом и меньше ростом лесной, красной лисицы, называемой* огневка *(С. Аксаков); (2) [На фанере] было разложено несколько желтых груш, так называемых* лимонок *(В. Катаев).*

Вообще метатексты могут рассматриваться как яркие показатели многообразия форм бытования слова в тексте, отражающих неоднолинейность формирования как формальной, так и семантической его сторон, а также сложность их соотнесения.

Метаязыковая функция рассматривается нами как вариант реализации коммуникативной функции со смещением акцента в информации на языковые единицы, это смешение осуществляется как дополнительное средство для обеспечения большей эффективности передачи информации о мире. Автор речи толкует слово, анализирует его со стороны формы и семантики, их связи для того, чтобы повысить его (слова) информационную и коммуникативную эффективность. Так, например, в трех метатекстовых фрагментах рассказов К. Паустовского широта и глубина ассоциативно-смыслового фона слова выявляется с опорой на (1) собственно словообразовательную форму слова, (2) лексические звуковые ассоциации, (3) без опоры на форму слова, несмотря на ее явную членимость: *(1) Да вот этот самый* родник. *Я это слово давно при-*

метил. ...Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода зарождается. Родник *родит реку, а река льется-течет через всю нашу матушку-землю, через всю родину, кормит народ. Вы глядите, как складно выходит, - родник, родина, народ. И все эти слова как бы родня между собой; (2) Очень благозвучно слово* "Стожары"*...Это слово по созвучию вызывает представление о холодном небесном пожаре. (Плеяды и впрямь очень яркие, особенно осенью, когда они полыхают в темном небе действительно как серебряный пожар); (3) Первое "лесное" слово, какое меня совершенно заворожило, было -* глухомань*... я услышал его впервые... от лесников. С тех пор оно связано в моем представлении с дремучим, замшелым лесом, сырыми чащами, заваленными буреломом, с йодистым запахом прели и гнилых пней, с зеленоватым сумраком и тишиной.*

* * *

Словообразовательная семантика имен мутационного типа имеет пропозициональный характер. Производное имя формально и семантически соотносится с единицей синтаксического уровня - мотивирующим суждением, структура СЗ отражает структуру мотивирующего суждения. При этом в пределах сферы мутационного словообразования выявляются весьма существенные различия в типах логических структур, лежащих в основе формирования смыслов производных мутационного типа, в наличии/отсутствии их текстовой актуальности, формах контекстного проявления. Производные мутационных словообразовательных типов различаются по содержанию мотивирующего суждения (характеризующий, классифицирующий, классифицирующе-отождествляющий), степени сложности мотивационных логических структур (моно/полипропозициональные, в последнем случае - по характеру связей пропозиций (сочинительные/подчинительные), наличию/отсутствию модусного осложнения пропозиционального содержания.

В отличие от синтаксических дериватов в производных именах мутационных СТ осуществляется переход от синтаксически развернутого именования фрагмента мира к словному, в семантическом аспекте этот переход может быть интерпретирован как переход от аналитического отражения фрагмента мира, заключающегося в вычленении и именовании одного аспекта ситуации, к его синтетическому отражению, гетерогенной, надситуативной семантике. Любая словная номинация представляет ситуацию как более обобщенное именование по сравнению с синтаксически развернутым, текстовым обозначением. Смысловые трансформации при переходе от синтаксически развернутого к словному обозначению могут быть

более или менее значительными, что может проявляться как в практически полном наложении сфер референтной отнесенности имени и мотивирующего суждения (**холостой человек - холостяк**), так и в расхождении сфер референции (**голубая ягода - голубика**), что, в свою очередь, отражается в характере функционального соотношения лексического и словообразовательного значения в производном слове. Тип трансформации определяется функциональной направленностью именной лексической семантики при построении смысла высказывания - функцией идентификации (имена естественных родов) или предикации (имена номинальных классов).

Имена номинальных классов, имея пропозициональный тип словообразовательной семантики, и этим в деривационном аспекте объединяясь с производными именами естественных родов, противопоставлены последним по типу текстового функционирования. Имена номинальных классов - сфера, где функционально объединяются синтаксическая и лексическая деривация. Имена номинальных классов интерпретируются как динамические смысловые и функциональные структуры, в зависимости от коммуникативной потребности актуализирующие то фактор лексичности (смысловой компрессии), то фактор синтаксичности (смысловой и формальной расчлененности). В производных именах номинальных классов смысловая расчлененность соотнесена с формальной, словообразовательной структурой. В таком случае создание производного имени интерпретируется как прагматически обусловленный выбор языкового оформления определенной ситуации. Производное имя входит в парадигму вариантных средств оформления синтаксически релевантной информации, а деривационный механизм выступает в качестве одного из средств синтагматического развертывания текста наряду с механизмом формообразования. Словообразовательная форма выступает одним из средств языковой интерпретации глубинной ситуативной семантики, аспект интерпретации - представление ситуации через призму ее участников.

В текстоцентрических, синтаксически открытых употреблениях имен номинальных классов ярко проявляется прагматическая доминанта их функционирования. Выбор формы имени рассматривается нами как коммуникативно целесообразный способ свертывания ситуации, это средство прагматики в широком смысле слова: средство компрессии смыслов и их организации в смысловом пространстве высказывания, сохранения референтной и коммуникативной целостности текста (тема-рематическое развертывание, фокус темы), интерпретации именуемой ситуации - представлении ее через термовый компонент. Специфика языковой интерпретации ситуации в производных именах номинальных классов выявляется в сравнении с другими синтаксически открытыми способами номинации,

в ряд которых включаются производные глагольного формообразования и "классические" синтаксические дериваты. Грамматичность словообразования производных имен номинальных классов проявляется в фактах текстового согласования словообразовательной семантики с грамматическими элементами контекста.

Функциональная направленность имен естественных родов на идентификацию предмета во всем многообразии признаков является препятствием текстовой актуализации словообразовательной структуры слова в аспекте ее генетического пропозиционального характера. В процессах текстопорождения номинативную функцию осуществляет лексема как целостная единица, словообразовательная семантика не ограничивает сферы референтной отнесенности имени, т. е. не формирует текстовую номинативность, не вступает в согласование с грамматическими смыслами текстового окружения, т. е. не имеет синтагматической функциональной направленности. Производность в именах естественных родов генетична. Текстовая актуализация генетического в именах этого класса проявляется как фактор мотивированности, при развертывании текста говорящий опирается на ассоциативный фон, возникающий в условиях особого текстового окружения, порождающий осознание рациональности связи формы и семантики единиц. Это область специфического функционирования лексических единиц, отличающихся свойством формально-смысловой расчлененности, но не словообразовательного механизма как синхронно действующей в реальных актах текстопорождения языковой подсистемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голев Н.Д. От редактора // Детерминемы русского языка. Барнаул, 1996 г.(рукопись).

2. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

3. Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация, номинация, словообразование // Синтаксическая структура в номинативном и деривационном аспекте. Омск, 1988.

4. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.

5. Кубрякова Е.С. Производное как особая единица системы языка // Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976.

6. Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. Воронеж, 1980.

7. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.,1981.

8. К у б р я к о в а Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.

9. Г а к В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

10. А р н о А., Л а н с л о К. Всеобщая рациональная грамматика Пор-Рояль. М., 1990.

11. Х о м с к и й Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.

12. Р е з а н о в а З.И. О двух типах пропозициональных основ именного словообразования // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике. Пермь, 1991.

13. Л е б е д е в а Н.Б. Пропозициональные структуры префиксальных глаголов (таксисные отношения) // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. 1.

14. Х а р и т о н ч и к З.А. Имена прилагательные в лексико-семантической системе современного английского яхыка. Минск, 1986.

15. Словообразов^ние // Русская грамматика. М., 1980. Т. 2.

16. Я н ц е н е ц к а я М.Н. Семантические вопросы теории русского словообразования (аспект взаимодействия словообразования с лексикой): Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1982.

17. А р а е в а Л.А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы. Кемерово, 1994.

18. М и л о с л а в с к и й И.Б. Вопросы словообразовательного синтеза М., 1980.

19. М о р о з о в а Т.С. Структура словообразовательных парадигм русского глагола: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1980.

20. Семантические вопросы словообразования: Производящее слово. Томск, 1991.

21. Ш и к а н о в а Т.А. Словообразовательная парадигма орудийных имен: (Проблема деривационного потенциала русской лексики): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Томск, 1990.

22. Я н ц е н е ц к а я М.Н. Пропозициональный аспект словообразования: (Обзор работ сибирских дериватологов) // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Кемерово, 1992.

23. Г и н з б у р г Е.Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.

24. Ш м е л е в а Е.Я. Название производителя действия в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

25. W i e r z b i c k a A.
Dociekania semanticzne. Wrocław, 1969.

26. Ш м е л е в А.Д. Определенность-неопределенность в названиях лиц в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

27. Шатуновский И.Б. Проблемы словообразовательной транспозиции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

28. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.

29. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

30. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986.

31. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря// Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988.

32. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке // Роль человеческого фактора в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.,1991.

33. Шмелева Т.В. Предложение и ситуация в синтаксической концепции Ломтева // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1983. N 3.

34. Кибрик А.Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39. N 4.

35. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

36. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990.

37. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1988.

38. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексических значений // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

39. Айвор А. Ричардс. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990.

40. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.

41. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

42. Тазиева Е.М. Окачествление относительных прилагательных в современном русском литературном языке: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991.

43. Резанова З.И. Имя существительное как база адъективного словообразования // Семантические вопросы словообразования: Производящее слово. Томск, 1991.

44. Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. Ереван, 1981.

45. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.

46. Р е з а н о в а З.И. Словообразующие возможности существительного: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983.

47. Р е з а н о в а З.И. К вопросу об идиоматичности производного имени (на материале среднеобских говоров) // Вопросы грамматики и словообразования сибирских говоров. Красноярск, 1985.

48. К у д р я в ц е в а В.А. Соотношение явных и скрытых значений в семантике производного слова. Алма-Ата, 1991.

49. Г о л е в Н.Д. О соотношении семантических и мотивировочных признаков // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977. Вып. 7.

50. К о л ш а н с к и й Г.В. Контекстная семантика. М., 1980.

51. К р и п к е С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика. М., 1982.

52. П а т н е м Х. Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика. М.,1982.

53. Ш м е л е в Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики: (На материале русского языка). М., 1973.

54. А п р е с я н Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.

55. Г о р о д е ц к и й В.Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969.

56. Полный словарь сибирского говора. Томск, 1992. Т. 1; 1993. Т. 2.

57. Р е з а н о в а З.И. "Полный словарь сибирского говора" как источник изучения словообразования в функциональном аспекте // Русские говоры Сибири: Семантика. Томск, 1995.

58. Г о л е в Н.Д. О семантических типах мотивационных отношений // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1985.

59. Я н ц е н е ц к а я М.Н. Обобщенно-мотивационное значение в семантической структуре словообразовательного типа // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: Форма и значение. Томск, 1985.

60. О г л е з н е в а Е.А. Семантическая структура производных наименований лица // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. 1.

ГЛАВА 4

ПРАГМАТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННАЯ ДЕРИВАЦИЯ

4.1. Модификационное словообразование в аксиологически направленной деривации

Центр прагматически ориентированной сферы словообразования составляют словообразовательные типы с так называемыми "уменьшительно-ласкательными" суффиксами. Это сфера словообразования, основной строевой элемент которой - словообразовательный суффикс - имеет в современном русском языке двухъядерную структуру, в его семантике два ядра притяжения, два полюса развития, что отражено в самом их именовании - семантический (уменьшительность) и прагматический (ласкательность). Диахронически первичным является семантический компонент (1). Единство прагматической и семантической составляющей - это диалектическая взаимосвязь, в этом союзе каждый компонент может проявиться относительно самостоятельно. Так, по мнению С.С.Плямоватой, в пользу того, что такие суффиксы способны к выражению "объективной уменьшительности в чистом виде", служит возможность их употребления в неэмоциональных, неаффективных стилях" (2, с.38-39). В современном состоянии эти два полюса - "сообщающиеся сосуды", увеличение функциональной наполненности одного ведет к уменьшению другого, наполнение одного из них оказывается небезразличным для второго.

При этом представляется, что отмеченная О.Ю.Крючковой закономерность, действующая во вторичной деминутивно-оценочной деривации, характеризует всю сферу деминутивного словообразования. Автор отмечает существующее в синхронной динамике "движение от деминутивной к деминутивно-оценочной и далее ... к оценочно-деминутивной стилистической системе ... движение от преимущественно информативной функции словообразовательной подсистемы к системе преимущественно прагматической" (3, с. 17).

СТ с суффиксами уменьшительно-ласкательного значения - сфера словообразования, переходная, совмещающая семантические и функциональные свойства мутационного и модификационного словообразования. В аспекте словообразовательного значения эта переходность заключается в совмещении в мотивационной формуле смыслов, относимых как к диктумному, так и к модусному содержанию высказывания. По своей логической основе словообразова-

тельная семантика производных имен уменьшительно-ласкательных СТ близка СЗ производных типа учительница, слоненок, соломина. В основе словообразовательного значения производных типа учительница, слоненок лежит логическая операция отнесения к классу с фиксацией отличительного признака его маркированием суффиксом: слоненок - "то, что принадлежит классу слонов, характеризуется признаком детскости" - X incl Y, Y имеет признак A (incl - логическое отношение включения). В именах с "чисто" уменьшительным значением в основе словообразовательной семантики также лежит логическая операция включения в класс с маркированием по отличительному признаку - отклонение от нормы ("меньше нормы") по признакам размера, интенсивности и т.д.: столик - то, что принадлежит классу столов, отличаясь по признаку размера, "меньше нормы" - X incl Y, X < Y. Своеобразие рассматриваемых словообразовательных типов, их отнесение в иную функциональную сферу деривации определяется спаянностью семантики рациональной оценки с эмоциональными и волевыми смыслами, синкретизмом целостного смысла имени.

Организующим центром этого смыслового единства является общая ориентация суффиксов на выражение нормативно-ценностных отношений. Деминутивы "выражают восприятие ценности или суждения о ценности, вызываемое понятием, содержащимся в основе" (6, с.271). Анализируемый разряд словообразовательных типов - одно из средств формирования функционально-семантического поля оценки в русском языке. Как и другие функционально-семантические поля, это поле формируется средствами разных уровней языка. У словообразовательной подсистемы своя сфера функционирования, своя зона предпочтений. Так, известно, что русское модификационное словообразование организовано в отношении оценки асимметрично с отклонением к полюсу "+", а лексический оценочный корпус асимметричен, смещен к полюсу "-".

Именно ориен.ированность на выражение оценки определяет смысловую и функциональную неодномерность, сложность деминутивных суффиксов и, как следствие, производных от них деминутивов. В семантическом пространстве рациональной и эмоциональной оценки встречаются "разум и чувство - две автономные сферы психической деятельности", "сосуществуя, они как бы подхлестывают одна другую и контролируют одна другую ... эти два вида деятельности языкового сознания не амальгамируются" (4, с.5).

По авторитетному мнению Н.Д.Арутюновой, оценка - "наиболее яркий представитель прагматического значения, ее характеризует максимум контекстной зависимости" (5, с.5). Рождаясь в акте речи, будучи максимально конституативно зависимой, оценка в своей семантике являет сплав интеллектуального, эмоционального и волевого. В основе оценочной деятельности лежит механизм сравнения

объекта оценки, "оценка определяет выбор из некоторого ассортимента объектов или альтернатив" (5, с.7), рациональная оценка чревата эмоцией: "интенсиональный объект эмоции реализуется в виде дескрипции, возникающей на основе мнения о данном объекте, иными словами, в основе эмоции лежит оценка. Дифференциация эмоций при этом основана на дифференциации мнений об объекте" (7, с.56). (О единстве и диалектической связи рационального и эмоционального в оценке см. также 8, с. 23; 9; 10, с.11; 11, с.29 и др.) Эмоция связана с волей. Как отмечает Н.Д.Арутюнова, "оценочное высказывание уже само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения" (5, с.6). Так, эмоция ласки часто усиливает воздействие или является средством волевого побуждения. Таким образом, в акте оценочной деятельности, зафиксированной в оценочной номинации, соединяются факторы субъекта оценки (Говорящего), объекта оценки и адресата речи.

Включение механизма деминутивно-оценочного словообразования в акт порождения высказывания/текста обусловливается как потребностями номинации - необходимость, настроенность на отражение размерных параметров предмета, так и прагматическими задачами - нацеленностью на выражение эмоций, вызываемых определенными свойствами предмета, или шире - ситуации, участником которой является предмет, стремлением воздействовать на волю Слушающего. То есть деминутив может актуализировать разные слои семантики, функционально ориентируясь на три основных столпа акта коммуникации - Говорящего, Слушающего, предмет сообщения. Ср. выделение трех аспектов смысла уменьшительных слов в речи героини у М.Цветаевой: *Струечка... Секундочка... Все у нее было уменьшительное (умалительное, умолительное, умилительное), вся речь. Точно ее маленькость передалась ее речи (М.Цветаева. Повесть о Сонечке).* Как видим, в качестве основного, смыслопорождающего, осознается смысл "маленькость".

Включенность прагматического компонента в смысл деминутива делает невозможным его анализ вне коммуникативного акта, факторов, обусловливающих коммуникацию: "Поскольку прагматическое значечие по определению контекстно обусловлено, его изучение ставит задачу выявления характерных для него контекстов" (4, с.7) и, добавим, конситуаций употребления.

Синхронно-функциональная динамика смысла деминутивного суффикса видится такой: 1) рациональная оценка: оценка а) размерных параметров предмета, б) количества, в) интенсивности, г) значимости, д) степени соответствия другим социальным, эстетическим и прочим признакам; 2) рациональная оценка - эмоциональная оценка - волевое воздействие; 3) рациональная оценка - эмоциональная оценка - прагматические - коммуникативные функции.

Функционирование деминутивного суффикса обусловлено воздействием со стороны 1) мотивирующей основы; 2) элементов высказывания, его смысла в целом, и через его посредство, смысла текста; 3) конситуации общения в целом. Мы ставим задачу выявить типовые контексты реализации разных вариантов суффиксального значения как на микроуровне - контекст слова, так и на макроуровне - типичные речевые жанры, в определенной степени - стили речи.

4.2. Смысловое и функциональное варьирование деминутивного суффикса в сочетании с разными типами производящих основ

Как отмечалось, ядерной семой, порождающей все семантическое и функциональное разнообразие деминутивного суффикса, является рационально-оценочный компонент семантики. В условиях контекстной сочетаемости с разными типами производящих основ этот компонент получает ряд различных конкретизаций: от выражения значения "маленький" к смыслу "меньше нормы по..." с варьированием социальных стандартов ("каждый объект действительности (вещь, человек, положение дел, событие) обладает обычно неопределенным по числу и составу набором аксиологически релевантных свойств" (5, с.8), что обусловливает возможность весьма широкого содержательного варьирования суффиксального значения: меньший по объемным параметрам - высоте, габаритам (носик, домик, скверик, кулачок, огурчик); по степени проявления, интенсивности (ветерок, холодок, морозец); значимости (статейка, разговорчик); отклоняющийся от нормы по каким-либо качествам (горошек, супчик).

4.2.1. Производящие основы с конкретно-предметным значением

Значение деминутива "меньше нормы по объемным параметрам" порождается соединением семантики "меньше нормы" и производящей основы с конкретно-предметным значением. Представляется, что реализация этого типа значения в наименьшей степени зависит от смысла высказывания в целом и конситуации рождения высказывания. Условно говоря, "уровень амбиций" суффикса в таких случаях - слово, формирование компонента смысла высказывания, ср.: *Нужна* бу-ты-лоч-ка, *зло сказал он Леве, - а тут бутылища! Нужна же* бутылочка*! Пузырек! (А.Битов)* ; *(2) Рыхлая колода с круглыми* уголками*...Что было, что есть. (Мы раскинем карты.) Что будет... (А.Битов); (3) ...Рот был неприятный, мятый, весь с* морщинках, *как кусок бумаги, скомканный в кулаке... (А.Битов); (4) Вечером, когда Аннелиза вынула теплую стеклянную* трубочку *из-под мышки дочери, она с радостью увидела, что ртуть едва пе-*

решла через красную черточку *жара (В. Набоков); (5) Размахнулись мы с этой жизнью - длинная... Пожадничали. Не стали строить* времяночку - *сразу дом, домину (А.Битов).*

В приведенных выше контекстах реализован наиболее "чистый" рационально-оценочный смысл деминутива без осложнения эмоциональными и волевыми компонентами. Функция деминутива в таких контекстах наиболее номинативна и наименее контекстно зависима. В свою очередь, направленность деминутивного суффикса ограничена формированием смысла имени и только через его посредство суффикс участвует в создании смысла высказывания.

Оценочные смыслы конкретно-предметных имен не ограничиваются размерной конкретизацией, возможно их проявление в варианте: "соответствующий норме по ситуативно или узуально предъявляемым требованиям", например:"*Сапоги были удобные с войлочной* стелечкой" (А.Приставкин), где стелечка - хорошая, удобная, соответствующая предназначению, прагматическим потребностям говорящего. Отметим, что в анализируемом контексте рациональная оценка совмещена с эмоциональной.

Вместе с тем потенциальная эмоциональная заряженность деминутивного суффикса всегда готова проявиться, для этого достаточно малейшей положительной эмоциональной окрашенности контекста, появления в окружении деминутива слов с эмоциональным компонентом положительного спектра. Текстовое функционирование деминутивов, быть может, одна из сфер, в которой наиболее ярко проявляется эффект синтагматического "наведения сем" (по И.А. Стернину - 30, с.118-121). Наиболее регулярно семантический компонент "меньше нормы по размеру" имплицирует прагматический компонент "ласкательное". Все, что меньше нормы по размеру, меньше стандартов человека, потенциально заряжено эмоцией умиления, ласки. Эмоции негативного, отрицательного спектра чаще всего связаны с разочарованием в прагматических устремлениях в тех случаях, когда размер меньше нормы препятствует осуществлению социальной предназначенности предмета. Отрицательная оценка может быть вызвана и несоответствием эстетическим устремлениям автора речи, при этом увеличивается доля субъективного начала, конситуативных мотиваций оценок. Ср. различную актуализацию потенциального эмоционального заряда деминутива в разных контекстных условиях: **(1)** *Дом возвышался над двухэтажной мелкотой:* **особнячками, церквушками, колоколенками,** *старыми фабриками, набережными с гранитными парапетами, и с обеих сторон его обтекала река (Ю.Трифонов);* **(2)** *Это оказалась двухэтажная* **дачка,** *с чистыми* **комнатками,** *ко всем дверям были приделаны* **чашечки** *для святой воды (В.Набоков); (3) Да, он мог бы любить ее, она могла быть его женой. (Ему представилась ее квартира, открытые двери, мелькнул в сумраке и запахнулся* **халатик,**

тоненькая кофейная чашечка *в руке...). "Я не люблю тебя больше", - сказала Альбина (А.Битов); (4) А потом они идут рядом, и Лева словно в километре от нее, и руки в карманы спрятал, и локти к бокам прижал - и ей руки никак под локоть не просунуть. Тычется бедная* лапка, *бедная варежка, бедное отдельное существо ее руки,* рыбка *об лед,* рыбка *с тупой меховой* мордочкой *(А.Битов).* Во втором фрагменте эмоция "ласкательное" вызывается соответствием прагматическим и эстетическим запросам говорящего: удобство, чистота, "чашечки со святой водой..." В первом фрагменте к значению "ласкательное" примешивается эмоция пренебрежения, выявляемая в обобщающем слове мелкота. Третий и четвертый фрагменты выявляют возможность сложной, неодномерной референтной отнесенности эмоции, выраженной деминутивным суффиксом. Эмоциональное содержание деминутивов халатик, (тоненькая кофейная) чашечка, (бедная) лапка, рыбка (об лед) определяется перенесением на них эмоционального отношения повествователя к героине - Альбине.

Контекстное окружение с эмоциональными компонентами отрицательного заряда либо "просто" зачеркивает, нейтрализует эмоциональный положительный компонент деминутивного суффикса, либо сообщает ему смысл отрицательного эмоционального спектра: *(1) Она тихо шла по коридору, вдоль стены, подняв сухонькое, кивающее детское* личико *в мелкокудрявом* венчике, *и улыбалась издали (Ю.Трифонов); (2) Постой-постой! - озноб гулял по Левиной спине, и оптика алкогольного пространства показывала старый детский фокус - перевернутую трубу: где-то в очень узкой дали отчетливо ухмылялось* личико *Митишатьева, именно* личико, *величиной с детский немытый* кулачок *(А.Битов); (3) Но сестра, вот она, сидела на кухне у Одинцевцевых и, стыдливо и бурно, пила чай из блюдца:* пальчики *у нее были толстенькие и упорные. (А.Битов).* Эмоционально-оценочный компонент деминутивов с конкретно-предметной семантикой может рассматриваться как контекстно связанный тип значения, он зависим от эмоционального заряда лексем ближайшего контекста (ухмыляющееся личико Митишатьева сравнивается с немытым детским кулачком, а пальчики родственницы дяди Диккенса - упорные, обнаруживающие ее отвратительные в ситуации получения наследства дяди Диккенса меркантильные устремления), а также от смысловой, а в художественном тексте это значит - образной структуры речевого произведения в целом. Так, эмоциональный фон деминутивов в приведенных выше фрагментах романа А. Битова "Пушкинский дом" определяется включением в создание образов разных героев и окрашивается при создании образа Митишатьева в одну часть красок эмоционального спектра, образа Альбины - в другую и т.д.

Связь смысла деминутива и текста видится нам двунаправленной: деминутив "заряжается" эмоциональным фоном, потенциалом образной структуры текста и усиливает ее, выступая как одно из ярких средств создания эмоциональной окрашенности речевого произведения. Контекстное столкновение словарного значения деминутива "уменьшительно-ласкательное" и отрицательного эмоционального смысла текста - знак косвенного речевого акта, иронии.

Компонент "меньше нормы по размеру" семантического ядра деминутивного суффикса может преобразовываться в компонент "не отвечающий социальной норме", "нечто незначительное в социуме". Этот семантический компонент может как соединяться с эмоцией пренебрежения (1), так и быть свободным от нее (2): *(1) Теперь-то я понял, как вы тогда заблудились. Когда про* цифирки *на людских жилищах сейчас говорили так зло... И ничего не зло, ничего ты не понял! Нужны эти* цифирки, *какой дурак станет их отрицать - как же без них! (А.Битов).* Эмоциональный заряд деминутива реализуется в экспрессивно окрашенной конструкции "нужны эти". Во фрагменте (2) реализуется смысл "нечто незначительное" без актуализации эмоции пренебрежения: *(2) Садитесь, пожалуйста, - старик подволок, вместе с ногою, к Леве стул, Лева поздно бросился помогать, когда тот уже протирал сиденье* газеткой... *Старик покачнулся: он не только вытирал - вытирая, он опирался о стул, о* бумажку *(А.Битов).*

Представляется, что именно в таких употреблениях истоки смыслового выветривания деминутивного суффикса, его десемантизации, и его проявления как стилевого маркера: "нечто незначительное, не требующее серьезного отношения" -> придание речи стилевой окрашенности обыденности, незначительности. Ср. приведенные выше контексты и следующие, в которых основное назначение деминутивной суффиксации - стилевая маркированность речи, придание ей стилевой окрашенности обыденности: *(1) А точно ли это? - сомневался Николай Григорьевич.- В* ст ловке *что-то не говорили. Я не слышал (Ю. Трифонов); (2) Тогда вахтерша, совершенно почувствовав свою власть над Левой, попросила отпустить ее к* дочке, *чтобы помочь ей справиться с пьющим зятем (А.Битов).*

Контекстно (конструктивно, тематически и жанрово) ограниченным является значение, антонимичное исходному - "больше нормы", сопровождающееся яркой экспрессией: говорящий небезразличен к выявленному отклонению от нормы и стремится заразить собственным эмоциональным отношением слушающего. Это значение характеризуется достаточно широкой внутрисловной сочетаемостью, в качестве мотивирующих единиц могут выступать имена как с предметным, так и с отвлеченным значением. Условие внутрисловной сочетаемости - наличие компонентов "размер", "градуируемый признак". Это значение выражается как конструктивно связанное, в

структуру конструкции входит определенный тип интонации. Место бытования таких конструкций, как и вообще реализации этого значения, - экспрессивные и императивные первичные жанры разговорной речи, которые в художественной речи появляются в варианте явного или скрытого цитирования.

Эмоционально-оценочное ядро семантики деминутива в условиях взаимодействия с разными типами контекстов, в различных условиях коммуникации может порождать ряд дополнительных прагматических смыслов, таких как "хороший + нужный", "хороший + близкий, свой" и др. Эти смыслы и связанные с ними коммуникативные функции интерпретируются нами как лексически, конструктивно и жанрово обусловленные в своей реализации.

Волевой фон деминутива импликативен. Он - следствие положительной эмоциональной заряженности, создающей благоприятную основу для волевого воздействия. Актуализация волевого потенциала деминутива осуществляется в особых жанровых условиях, и прежде всего в первичных жанрах обыденной речи - жанрах просьбы, угощения, в разговорах с детьми и о детях, о животных.

Эмоционально-волевые смыслы имеют тенденцию распространять сферу референции, сферу смыслового отнесения на другие денотаты по принципу метонимической связи, на описываемую ситуацию в целом и, более того, на целостную коммуникативную ситуацию. Имея достаточно жесткие жанровые и стилевые ограничения на реализацию, эмоционально-волевые смыслы наименее избирательны по отношению к семантическим характеристикам производящей основы, это контекстные и конситуативные реализации. Их анализ представлен в разделе 4.3.5.

Таким образом, суффиксальная деминутивная семантика в сочетании с производящими основами конкретно-предметного значения имеет весьма широкий потенциал семантического и функционального варьирования, его направления таковы: "меньше нормы по размеру" -->"меньше нормы по размеру + эмоциональные компоненты положительного спектра" -->"меньше нормы по размеру + не отвечающий эстетическим, прагматическим, ситуативно предъявляемым требованиям + эмоции отрицательного спектра" -->"не соответствующий социальной норме (< N) + эмоции отрицательного спектра" -->"не соответствующий социальной норме (> N) + эмоции положительного спектра" -->перенос по антонимическому принципу: "больше нормы по размеру + эмоция иронии, формируемая противопоставлением внешнего и внутреннего смысла" -->"эмоции положительного эмоционального спектра + побудительная волевая интенция" -->"эмоции положительного эмоционального спектра + коммуникативные функции " -->коммуникативные функции -->эмоции положительного спектра + стилевая функция -->стилевая функция. Направление от ядра значения к его периферии характеризуется

уменьшением внутрисловной контекстной ограниченности и нарастанием зависимости от окружения в пределах высказывания, текста, конситуации речи.

4.2.2. Производящие основы со значением лица

Своеобразие реализации суффиксальной деминутивной семантики в сочетании с производящим значением имен лица определяется значительным семантическим и функциональным своеобразием имен этого класса лексики. Подходя к анализу имен лица с различных позиций, лингвисты сходятся в определении внутренней семантической и функциональной неоднозначности имен этого класса. Наблюдения над именами лица при их функционировании в качестве производящей основы модификационного словообразования подтверждают универсальность функциональной характеристики имен этого класса Н.Д.Арутюновой. При соединении с деминутивным суффиксом прослеживается актуализация как денотативных, идентифицирующих смыслов, так и сигнификативных, предикативных.

В пределах класса имен лица выделяются подгруппы, проявляющие направленность к денотативному, идентифицирующему центру, и имена с предикативно ориентированной семантикой. Границы классов будут отличаться от проведенных в главе 3, так как выделение происходит на основе анализа функциональной ориентации на другой тип суффиксальной семантики. К первой группе относим имена, называющие класс людей по общности предметных, биологических признаков - расовых, половых, возрастных: негр, мужик, баба, женщина, старик, юноша. Компоненты семантики, называющие предметные признаки, являются ядерными, очерчивают границы класса, относимого к данному имени, при этом каждый из классов характеризуется набором импликативных относительных и функциональных признаков, способных актуализироваться в определенных контекстах (типа "он настоящий мужчина"), в производных качественных прилагательных и наречиях (юношеский румянец, по-стариковски) и других подобных типах функционирования. На противоположном полюсе стоят имена-характеристики, актуальные имена: храбрец, всадник, лентяй.

Имена этой группы имеют малую активность как производящие основы деминутивного словообразования, деривационной активности в этом направлении препятствует слабая определенность денотативного компонента. Срединное положение занимают имена социальных статусов, функций, идентифицирующие человека в контексте жизни, вследствие чего их семантика наполняется различного рода предметными ассоциациями, актуализируемыми в высказы-

ваниях типа *Она похожа на сельскую учительницу, он - на столичного профессора,* производных прилагательных, наречиях, глаголах: учительский взгляд, гусарить, по-солдатски. В целом имена, имеющие более определенные предметные ассоциации, более активны в деминутивном словообразовании.

Денотативные и сигнификативные семы исходной семантики дают различное направление конкретизации смысла "меньше нормы" деминутивного суффикса. Актуализация производящей денотативной семантики определяет конкретизацию нормативного компонента в варианте "меньше нормы по размеру": солдатик, человечек, мужичок. Эта семантика имплицирует в зависимости от конкретного типа мотивирующего значения (ср. мужик vs мальчик), внешнего контекста и конситуации ряд эмоциональных компонентов от "ласкательное", "умилительное" до "пренебрежительное", "снисходительное", последние связываются с разочарованием в эстетических и ситуативно предъявляемых прагматических устремлениях говорящего, ср.: *Это и есть фокусы/ а он пишет/ все время/ а вот человек/ который с ним общался/ он говорит/ я не фокусник/ я не показываю никаких фокусов/ кстати говоря/ он тщедушный* человечек/ *тщедушный./ понимаешь/ (РРРТ).* Имена–функции также способны к актуализации денотативного компонента, создавая производные со значением "меньше нормы по размеру" с различными смысловыми и эмоциональными импликациями: *Этот ветеран моды, этот леденцовый* солдатик *Истории, почему-то так и не рассосавшийся на ее языке, обозначал ее позавчерашний вкус (А.Битов).* Солдатик в данном контексте и маленький ростом человек, и несерьезный, несостоятельный борец - леденцовый, т. е. денотативные смыслы активно взаимодействуют с сигнификативными, солдатик - человек, проявляющий отклонение от нормы в стандарте роста и в выполнении социальной функции, ср. также: докторишко - это плохой доктор, но, возможно, и невысокий, щуплый, не соответствующий стандарту "настоящего мужчины".

В определенных коммуникативных ситуациях человек выступает как объект комплексной оценки по совокупности оснований, не всегда четко отграничиваемых. При этом суффикс может контекстно "заряжаться" отрицательной семантикой значительной интенсивности: *Хорошо, что нет соседей.Можно посидеть на кухне,- говорила тетя Дина - К нам жуткую* парочку *подселили, вот уже год (Ю.Трифонов).*

Достаточно часто деминутивный суффикс выступает как средство маркирования отклонения от нормы по ряду признаков, формирующих социальный нормативный стандарт, например стандарт "настоящего мужчины" или "настоящей женщины". Основания оценки могут быть частично маркированы в тексте, но практически всегда - лишь частично: *(1) Бригадир штукатуров Семен Хлыстов, ушл-*

доватый мужичишка *со странным затаенным взглядом на асимметричном лице, написал куда-то письмо (А. Приставкин); (2) Приглашая его, Диккенс сказал: только без своей* бабенки,- *он не любил Фаину, и только ему Лева прощал это (А.Битов).* Основания нелюбви также трудно переводимы в логический ряд, как и любви.

Речевые жанры экспрессивного и императивного циклов предъявляют еще меньше требований к ясности семантических (денотативных) оснований положительной эмоциональности, что проявляется особенно ярко в позиции обращения, ср. например: *Ну,* мужички,- *произнесла, присев, - под горяченькое выпьете, или хватит? (А.Приставкин).*

4.2.3. Производящие основы со значением процесса, признака, состояния

Производные данной группы - смысловая база для конкретизации ядерного компонента "меньше нормы" в варианте "меньше нормы по степени интенсивности": *(1) В полисадниках цветет сирень, белые бабочки, несмотря на утренний* холодок, *летают там и сям, будто в деревенском саду (В. Набоков); (2) Все было, как в первый раз: фонарик, продолговатый лунниевский глаз,* ветерок, *темнота, потом очаровательное движение руки, открывающей рывком портьеру (В.Набоков).* Это же значение деминутивов реализуется в производных с метафорическим значением: *Мысль эту ты уже думал не ловя - тут вдруг, ветерком, поймал - никогда больше не подумать (А. Битов).* Рационально-оценочное значение и в этом контекстно обусловленном варианте легко имплицирует эмоциональный заряд под воздействием соответствующей эмоциональной окрашенности контекста: *В один прекрасный осенний день, когда проглянуло* солнышко и ветерком *подсушило грязь в городке, к дому Григория Афанасьевича пришла делегация (А.Приставкин).*

По отношению к процессам и результатам психической и интеллектуальной деятельности человека смысл "меньше нормы" трансформируется в "не имеющий значительной социальной значимости". Рационально-оценочное содержание в различных коммуникативных ситуациях может соединяться с эмоциональной семантикой широкого спектра от "маленький, незначительный, но мой, близкий и потому хороший" (1 - 2) до пренебрежительного (3), в том числе с псевдоуничижительностью (4): *(1) Я себя низко не ставлю. Я себя знаешь как ставлю, как, скажем,* птичку *все равно. Все мы можем без птиц прожить, они нам хлеб не сеют. Но с птицами-то лучше, правда? Вон* песенки *поют. С них и довольно. - Но ты же дело делаешь? - Это моя* песенка *и есть (А.Приставкин); (2) Но есть у Шохова еще одна крошечная поправка к Пет-*

рухе: человек не просто должен оберегаться от вмешательства в его личную жизнь, а уметь создавать этакий барьер... Вот как надо понимать жизнь, с Шоховской **поправочкой** *(А. Приставкин); (3) Конечно, случалось, что и соперницы сводили на стенке [для объявлений] свои счеты и пускали* **слушок** *о чьей-нибудь измене (А.Приставкин); (4) После этого разговора и зародилась у Шохова* **мыслишка**, *написать кому-нибудь из бывших приятелей, чтобы выяснить жилье на дальних крупных стройках (А.Приставкин).* В последнем примере "уничижительность", основное, внеконтекстное значение морфемы соединяется с контекстно зависимым эмоциональным компонентом - незначительный, но свой, правильный, потому - хороший. Ср. также контекстное столкновение высокой и низкой социальной оценки документа, выраженных по отношению к одному денотату в разных коммуникативных ситуациях, что должно иметь, по мнению говорящих, различные последствия в деятельности:

- *А как насчет жилья?*

- *Одиноким дается общежитие. Я же вам* **бумажку**, *кажется, написал? А Шохов опять подивился, какие прочные нервы у коменданта...*

Такого **бумажкой** *не пробьешь, такого перенахалить только можно.*

...Шохов без слов протянул листок из кадров.

- *Чево это?- спросил комендант, не принимая* **бумажки**.

- Бумага *(А. Приставкин).*

В случаях контекстной сочетаемости с производящим, включающим смысл отклонения от нормы в отрицательную сторону, деминутивный суффикс вносит значение смягчения, уменьшения и отрицательной оценки: *А то еще преснина есть, пресняк болотный (восемьдесят кругов), а то еще про'ванный, это который из лучшего, но с* **брачком**... *(А. Приставкин).*

Экспрессивная модификация рационально-оценочного значения реализуется как контекстно связанное значение, лексически и конструктивно ограниченное. Экспрессивный вариант значения деминутива можно определить как "даже самый незначительный", реализуется такое значение в серии конструкций, в сочетании, например, с местоимениями и прилагательными, включающими в состав семантики семы ограничительности: *Он боялся лязгнуть, каждый* **звучок** *раздавался в мире небесным грохотом (А.Битов).* (Подробнее см. раздел 4.3.2.)

Экспрессивно-усилительное значение может эмансипироваться от семантики "маленький", "меньше нормы", это значение также конструктивно ограничено, реализуется, например, в сочетании с усилительным определительным местоимением **такой**: *И* **такую пыточку** *испытал Лева... (А.Битов).*

4.2.4. Производящие основы со значением времени

Мотивирующая семантика времени дает свой спектр конкретизаций суффиксального значения. Сфера активных деривационных отношений - производящие имена со значением малых отрезков времени: секунда, минута, час, день, неделя, месяц, год. Эти лексемы имеют значения единиц измерения и периодов времени, соответствующих данным единицам, вследствие этого собственно уменьшительная семантика реализоваться не может, так как нет семантического основания в производящей семантике - признака градуальности (минутка =* "маленькая минута", "меньше минуты"). Идея малого, "меньше нормы", ядерная в смысловом поле деминутивного суффикса, трансформируется в условиях сочетания со значением временного отрезка в экспрессивный компонент "всего лишь", либо усиливающий идею маленького отрезка времени, заложенную в именах типа секунда, минута, либо "наводя" ее, формируя это значение в производных типа годик, годок, в высказываниях типа *Приезжай хоть* на денек, на недельку; *Останься* на годик, *осмотрись* и под.

Говорящий называет отрезок времени, подчеркивает, что считает его незначительным и побуждает слушающего принять его точку зрения. Это единицы с ярко выраженной волевой интенцией, они неотделимы от побудительных контекстов. Их употребление часто вызвано потребностью воздействия на эмоциональную сферу слушающего, а через нее - волевую. Вследствие этого производные такого типа функционируют в стилях речи, предполагающих функцию непосредственного воздействия на эмоциональную и волевую сферы, и прежде всего в разговорной и художественной речи. Открытая волевая направленность таких производных свидетельствует об их жанровой прикрепленности к сфере первичных речевых жанров с непосредственным контактом говорящего и слушающего: *Давай уедем на недельку в деревню, отдохнем; Жень, можно я* часик *погуляю?* В императивных речевых жанрах волевой компонент выдвигается на первый план, в первичных речевых жанрах повествовательного цикла этот компонент периферен: На секундочку *меня озарило: так о нелюбимых не говорят! Так говорят о любимых: о тщетно, о прежде любимых! (М.Цветаева); Но, Марина, представь себе, что я была бы Бог...Нет, не так: что вместо меня бы Бог держал часы и забыл бы перевернуть. Ну, задумался* на секундочку - *и - кончено время (М. Цветаева).*

В художественной речи сфера активного функционирования деминутивных словообразовательных средств в таких позициях - параллельные вторичные речевые жанры (по М.М. Бахтину - 10): "*А ты еще говоришь о браке, - сказал Горн, идя за ней вниз по лестнице. - Никогда он не женится. Поедем ко мне* Ну на полчасика"

(В.Набоков). В повествовательных фрагментах деминутив с временным значением может быть сигналом скрытого цитирования: *К трем часам ночи сон окончательно сморил всех, но страх проспать почему-то проходит, и все решают прилечь* на часок, *надеясь на внутренний будильник (А.Битов).*

Значение "всего лишь", "очень недолго" может реализоваться и в неспециализированных синтаксических грамматических конструкциях. Значимым для актуализации данного типа значения деминутива в таком случае будет лексическое окружение, смысл контекста в целом: *Но вы знаете, Марина, (таинственно), нет такой стены, которую я бы не пробила! Ведь и Юрочка...* минуточками... *у него почти любящие глаза! (М. Цветаева).*

Обычно же это значение реализуется как конструктивно связанное значение с тенденцией к переходу в устойчивые сочетания: "на + (осн. сущ. + демин. суф.)+ вин.пад." (на денек, на часок); "ни + (осн. сущ. + демин. суф.) + род.пад." (ни минутки, ни секундочки); экспрессивность может усиливаться частицами, например: ну, на минуточку; ну, ни секундочки и т.д.

Экспрессивное ("всего лишь") и эмоциональное значения характеризуются дополнительной дистрибуцией, никогда не реализуются в одном лексическом и синтаксическом окружении, ср. приведенные выше фрагменты и следующий: *У нас пищалки и флажки, мы поем очень уверенно, все слишком озарено -* денек *с утра выдался, смущаемся за себя про себя... (А. Битов).*

Эмоциональный компонент лексического значения не имеет четко выраженного денотативного основания. Основанием положительной оценки нередко является соответствие ситуативным представлениям о хорошем, о соответствии норме или ее превышении по отношению к событийному наполнению данного временного отрезка: хороший день - успешный, хорошая погода, встреча с приятным человеком и т.д.

Третий тип реализации суффиксального значения в сочетании с мотивирующей семантикой времени жанрово ограничен. Суффикс актуализирует сему ласкательности, но деминутив выступает в этом случае транслятором положительного эмоционального отношения либо к слушающему, либо к третьему лицу, например в разговорах о детях и с детьми: *Сколько нам годиков? Сколько Алеше годиков? Нам уже две недельки на улице гулять можно.* В жанрах вежливого приглашения положительный эмоциональный фон является основой волевого воздействия на собеседников через деминутивы, производные от всех тематических групп. Широта внутрисловной контекстной сочетаемости деминутивного суффикса в этой функции обратно пропорциональна жанровой и стилевой употребительности производных деминутивов.

4.2.5. Производящие основы со значением вещественности

Запрет на реализацию собственно размерного значения суффиксального значения дает лексико-грамматическая семантика вещественности. В разговорной речи и художественных текстах отмечается два основных типа функциональной конкретизации деминутивного суффикса: 1) эмоциональное значение; 2) экспрессивное значение, часто - в сочетании с эмоциональной окрашенностью. Экспрессивное значение "только лишь" ,"всего лишь" касается ограничения набора объектов (только молочка и попил) и количества данного объекта (попей молочка -"немного").

Эмоциональное значение ласкательности возникает на основе "вынесения приговора" о соответствии объекта стандарту, норме, и его превышении; объективные основания оценки вариативны, ср.: *Хороший у тебя* чаек *получился!* - основания положительной оценки могут варьироваться от субъекта к субъекту и от ситуации к ситуации. Эмоциональное отношение может иметь косвенную референцию, деминутив используется с целью создания положительного эмоционального фона коммуникации. Как отмечалось, такое использование реализуется в двух разновидностях: с актуализацией волитивного модуса - в жанрах просьб, приглашений и под. и с периферийным волитивным модусом - в повествовательных речевых жанрах, адресатно и тематически ограниченных, это прежде всего разговоры с детьми и о детях, с больными. Ср. примеры такого функционирования деминутивов в разговорной речи: *Давай нальем эту* водичку *(настой репейника)// Тебе налить?; Ну, иди (есть)/ Слышишь /пошли/* творожок *там тебе/ яичко/; Кира/ иди кушать/ бери Буратинку// (ребенок приходит) Ты любишь Буратинка блинки? Спроси его/ со* сметанкой *блинки/ (РРРТ).*

Использование таких деминутивов в художественных текстах не в диалогах персонажей - прием скрытого цитирования для воссоздания эмоционального фона, свойственного конситуациям первичного употребления, ср.: *Так он слушал недолго, щурясь лишь из манеры, и не проявив отношения к сказанному, вдруг резко поворачивался, тоже, впрочем, лишь из манеры, и уходил к себе в кабинет* <u>*покуривать*</u> табачок, <u>*попивать*</u> чаек *(А.Битов).*

В динамической синхронии современного русского литературного языка деминутивный суффикс - двухъядерная структура несимметричной организации. Рационально-оценочный и эмоционально-оценочный компоненты характеризуются относительной самостоятельностью реализации, организуясь по принципу сообщающихся сосудов. Волитивный компонент импликативен. Семантический компонент "меньше нормы" переживает ряд трансформаций, в зависимости от типа мотивирующего значения, семантическое основание реализации суффиксального значения "меньше нормы" - наличие

признака градуальности, тип параметра определяет конкретную реализацию оценочного значения.

Рационально-оценочный компонент имплицирует эмоционально-оценочные смыслы. Маленькое, к которому не предъявлены прагматические требования, вызывает, как правило, эмоцию умиления, ласки, но "маленькость" предмета может порождать препятствия к осуществлению функции, что вызывает эмоции негативного плана. Второй источник отрицательных эмоций, сочетающихся с рациональной оценкой "маленький", - разочарование в эстетических устремлениях. Эмоциональная оценка может выражаться с помощью деминутивных суффиксов и без опоры на рациональную. В качестве ведущего смысла выступает компонент эмоциональной оценки, опирающийся на соответствие предмета норме (или ее превышение) по неопределенному составу параметров, не поддающихся однозначной интерпретации; основа положительной эмоции - совпадение с ситуативно предъявляемыми требованиями к свойствам предмета, явления.

Положительно оцениваемый предмет, явление выступают транслятором положительной эмоциональной оценки к другому предмету, средством создания положительного эмоционального фона коммуникации. Такие типы использования смыслового потенциала деминутивного суффикса характеризуются наиболее широкой контекстной сочетаемостью во внутрисловном пространстве и ограничены в условиях внешнего контекста. Это стилистически и жанрово ограниченные употребления. При этом нарастает значимость волитивного компонента семантики.

Отсутствие признака градуальности в мотивирующей семантике создает, с одной стороны, препятствие для реализации значения "меньше нормы" и основу экспрессивных смыслов, подобных значениям усилительных частиц и местоимений даже, самый и под., с другой. Эти смыслы реализуются как конструктивно связанные. Синхронная динамика развития суффиксальных смыслов от семантики к прагматике, от рационально-оценочного к эмоциональному и волевому проявляется в условиях усиления контекстной зависимости, жанровой ограниченности реализации. Самая природа оценки определила направление и спектр функционального варьирования деминутивов: "Оценка выражает личные мнения и вкусы говорящего... Во внутреннем мире человека оценка отвечает мнениям и ощущениям, желаниям и потребностям, долгу и целенаправленной воле" (5, с.6).

4.3. Текстовые функции деминутивного словопроизводства

При анализе смыслового и функционального варьирования деминутивных суффиксов, сочетающихся с разными семантическими типами производящих основ, выявляются значения и функции, проявляющие минимальную зависимость от типа производящих основ, но реализующихся либо в особом лексическом и синтаксическом окружении, либо в особых коммуникативных ситуациях. В таком функционировании словообразовательная модель выступает либо как составная часть синтаксической конструкции, обладающей относительно целостным значением, либо как один из жанро- и стилеобразующих элементов, также встраивающийся в различные комбинации с элементами других языковых уровней в своеобразный формально-семантический каркас, остов жанра или стиля.

В целом можно утверждать, что внутрисловный контекст определяет вариацию только рационально-оценочного компонента семантики суффикса, все прочие смыслы и функции проявляются в условиях воздействия элементов внешнего контекста, в том числе весь спектр эмоционально-оценочной семантики, экспрессивные смыслы, коммуникативные функции. Именно деминутивное словообразование выявляет "неокончательность" слова в действующем механизме языка, тот факт, что слово образуется для встраивания в текст с определенным целостным смыслом, определенной синтаксической организацией. Модели деминутивного словообразования характеризуются как синтаксически и текстовооткрытые. Не случайно так долго дискутировался вопрос об отнесенности этих моделей к морфологии или словообразованию. По типу функционирования они приближаются к грамматическим средствам языка. Деминутивное слово создается при построении определенной синтаксической конструкции как ее составная часть в ответ на определенный коммуникативный запрос. Все контекстно обусловленные вариации семантики и функционирования деминутивного суффикса являются производными от генетически первичной семантики единичности и аксиологической основы смысла "меньше нормы".

4.3.1. Эмоциональные смыслы деминутива и текст

Вариации эмоционального содержания деминутива в аспекте текстовых зависимостей могут быть интерпретированы в первую очередь как лексико-семантически обусловленные. Представляется, что конкретная реализация эмоционально-оценочных смыслов зависит от сочетания эмоциональной окрашенности, рационально-оценочных смыслов лексем ближайшего окружения и эмотивной направ-

ленности текста как целостной единицы (см. о этом также 31, с.80 - 85).

Отсутствие эмоциональной окрашенности производного с деминутивным суффиксом можно ожидать не только в лексическом окружении с нейтральным рационально и эмоционально окрашенным фоном, но и при общей информативной направленности текста, при нейтральном отношении говорящего к отражаемой ситуации. Границы текста как целостности определяются переключением эмоциональных регистров речи, сменой типов эмоциональной оценки говорящим денотативной ситуации в информативных первичных речевых жанрах, типа эмоциональной и волевой интенции говорящего в коммуникативных ситуациях императивных и экспрессивных первичных речевых жанрах. В художественной речи знаками переключения является смена объекта отражения, образов говорящего (повествователя) в пределах произведения, эмоциональных состояний повествователя, сменой его эмоционального отношения к одному объекту. Ср. приведенные выше образцы функционирования уменьшительно–ласкательных производных во фрагментах романа А.Битова "Пушкинский дом", относимых к образам Митишатьева и Альбины, в последнем случае - с разным типом эмоционального отношения Левушки к Альбине.

Эмоциональное отношение говорящего (в художественном тексте - повествователя) к объекту именования - сильнейший фактор, определяющий реализацию эмоционального потенциала деминутива. При общем положительном отношении говорящего к объекту смысл деминутива естественно интерпретируется как имеющий положительную эмоциональную направленность и без "поддержки" эмоционально окрашенным лексическим окружением. Так, в повести А.Приставкина "Городок" все, что имеет отношение к создаваемому героем дому, оценивается положительно, что в тексте представлено через насыщение описания деминутивными формами (см. раздел 4.3.4.). Использование деминутивных производных при отрицательном эмоциональном отношении говорящего к референту, описываемой ситуации, возможно в двух вариантах: 1) в условиях маркирования контекстным окружением; 2) в условиях нейтрального или эмоционально положительно окрашенного лексического окружения.

В первом случае деминутив как бы "заряжается" эмоциональным фоном контекста, его эмоциональное содержание имплицируется смыслами отрицательной рациональной оценки лексем ближайшего окружения, в результате чего происходит переключение эмоционального заряда суффикса с положительного на отрицательный. Так, в приведенных выше контекстах ухмыляющееся личико Митишатьева сравнивается с детским немытым кулачком; во фрагменте из романа Ю.Трифонова парочка непосредственно экспрессивно определяется - жуткая.

В условиях нейтрального лексического окружения проявляется, на наш взгляд, изначальная потенциальная направленность большинства деминутивных суффиксов на выражение смыслов положительного эмоционального заряда. Контекстные смыслы рождаются именно на столкновении прямого прочтения деминутива как слова с семантикой "ласкательности" и отрицательного эмоционального фона всего контекста в целом. В результате на столкновении подразумеваемого и выраженного в деминутиве возникает ирония. Так, деминутивы в приведенных ниже фрагментах из повести А.Приставкина "Городок" используются для выражения иронического взгляда персонажей, Григория и Сеньки (противостояние которых - одна из сюжетных линий повести), друг на друга: *(1) [Григорий] лишь вприщур посмотрел на Сеньку.* **В костюмчике**, *видать с работы.* Сумочка *хозяйственная в руках; (2) Так ведь я, Григорий Афанасьевич, раньше вас сюда прибыл... А осенью-то гляжу, в голубой куртке Григорий Афанасьевич объявился.* **С чемоданчиком**, *модный такой.* В этих контекстах суффикс выражает значение, синонимичное сочетанию "ишь ты".

На реализацию эмотивной семантики деминутива, как и других рассматриваемых ниже текстовых функций, влияют и сверхтекстовые факторы. К ним мы относим условия реализации в разных функциональных вариантах национального языка (литературный/диалектный), функциональных стилях одного варианта национального языка (научный, деловой стиль/разговорная, литературная речь), в различных первичных речевых жанрах. При этом факторы внутрилексемной сочетаемости, непосредственного лексического, конструктивного и функционально-синтаксического окружения, смысловой и эмоционально-экспрессивной направленности текста в целом, коммуникативной среды первичного речевого жанра, стиля и типа языка действуют совместно, а суффиксальная семантика проявляется как результативное следствие совокупности влияний, в том числе разнонаправленных. Подчеркнем неоднородность воздействия различных факторов: если первые проявляются непосредственно, определенные их комбинации могут рассматриваться как условие реализации конкретного смыслового задания, то сверхтекстовые факторы действуют как общие условия ограничения набора возможных реализаций. Так, в исследованиях функционального аспекта деминутивного словообразования в современном русском литературном и диалектном языках выявлено своеобразие именно в сфере эмоциональной, экспрессивной и коммуникативной. Диалектный язык обнаруживает большую интенсивность жизни деминутивов в речи, сдвиги по отношению к литературному языку в активности проявления отдельных значений (см.,например, работы по функциональному аспекту модификационного словообразования в диалектных системах - 20, 25, 26, 27).

Разные типы функциональной направленности языковых средств, своеобразная организация коммуникативного акта в различных функциональных стилях литературного языка создают либо запрет на реализацию эмоционально-экспрессивной семантики и ряда коммуникативных функций, либо открывают возможность для их вариативного проявления. Определенные первичные речевые жанры рассматриваются нами как непосредственные условия реализации определенных типов суффиксального значения, например косвенной референтной отнесенности эмоции, к ним относим прежде всего жанры вежливого приглашения, просьбы, совета.

4.3.2. Экспрессивная функция деминутивного словопроизводства

Экспрессивная функция деминутивной деривации реализуется не только как лексически, но и конструктивно обусловленная. "Усилительные" смыслы выявляются как составная часть определенной синтаксической конструкции, характеризующейся в ряде случаев также и лексической ограниченностью. Деминутивная словообразовательная модель в таком употреблении - один из элементов синтаксической конструкции, смысл деминутива интерпретируется также как составная часть целостного смысла конструкции. Ряд формальных показателей экспрессивной функции выделяется в работах Л.А.Новиковой (16, с.17), А.М.Родимкиной (14, с.17), В.Н.Покуц (17, с.13-14). Мы выделяем несколько вариантов усилительного значения, реализующихся в различных конструкциях.

Оценочное значение "меньше нормы", "маленький" реализуется в экспрессивном варианте "самый маленький" в конструкциях: а) с числительным один: один + (осн. сущ. + демин. суф.), значение конструкции - "всего лишь один самый маленький"; б) с ограничительными частицами только лишь: только, только лишь + (осн. сущ. + демин. суф.), значение конструкции - "только лишь самый маленький"; в) в конструкциях с отрицанием в предикате и усилительной частицей ни: ни + (осн. сущ. + демин. суф.) + не + глагол, значение конструкции "нет ни одного даже самого маленького"; г) в конструкциях с прилагательными, включающими семы ограничительности: каждый, последний, всякий + (осн. сущ. + демин. суф.), значение конструкции "каждый, последний, самый и т.д. даже самый маленький". Во всех конструкциях семантика "меньше нормы" в зависимости от внутрисловного контекста реализуется в вариантах "меньше нормы по 1) размеру, 2) интенсивности, 3) количеству, 4) значимости": *Был у него один* вопросик *к Риточке, он так и вертелся у него на языке (А.Приставкин)* = "всего лишь один, самый незначительный вопрос"; также: одно деревце за всю жизнь посадил; одной кашки утром поел; б) *Только* минутку *посидел и убежал, никто его больше не видел (РРР);* также: лишь водички

попил; только домик построил; в) *И она, его родная Томочка, ни* словечка *не молвила по поводу его отъезда (А.Приставкин)*; также: пустыня там голая, ни травинки, ни лесинки; ни минутки не посидит, сразу убегает; г) *...Сам удивился невесть откуда взявшейся прыти, что гоняет каждую свободную* минутку *от новостройки к дому и обратно (А.Приставкин)*, также: ... каждый звучок раздавался в мире небесным грохотом;...заповедник, последний очажок, сопротивляющийся прогрессу (А.Битов).

Мотивирующая семантика может препятствовать прочтению мотивирующего значения в варианте "маленький", "меньше нормы", смысл конструкции прочитывается как экспрессивный, усилительно-ограничительный - "всего лишь": только (одной) кашки поел, одну девчоночку за всю недолгую жизнь любил.

Усилительное, экспрессивное значение может эмансипироваться от порождающего его смысла "меньше нормы". Деминутивная модель выступает как одно из формальных средств экспрессивного синтаксиса, сочетаясь с другими элементами, прежде всего частицами, местоимениями во вторичных модальных значениях. Суффикс, входя в смысловое согласование с другими элементами экспрессивной конструкции, выступает как средство усиления, интенсификации признака, увеличения интенсивности переживаемой эмоции по поводу отклонения от нормы по именованному в тексте признаку. При этом направленность отклонения от нормы (+,-), самое содержание признака, относительно которого фиксируется отклонение от нормы, может быть самым различным.

Смысловому разнообразию соответствует разнообразие эмоциональной окрашенности. При этом завершающим, конструктивно определяющим является и тип интонации. Вне определенной интонации конструкция прочитывается как экспрессивная, с эмотивной направленностью, конкретное содержание эмоции, в том числе ее принадлежность к отрицательному или положительному спектру, окончательно оформляется только в интонировании (в письменном тексте конкретное содержание эмоции может быть интерпретировано только на фоне широкого контекста). Так, например, в высказывании *Ну и статейка у тебя получилась* основанием оценки могут быть разные параметры: длинная/короткая, содержательная/пустая, острая, обличительная/"беззубая". Деминутивное словообразование включается в построение двух экспрессивных конструкций с разнонаправленным аксиологическим содержанием. Ядро первой составляют частица ну и союз и в усилительном значении в сочетании с деминутивным производным. Эта конструкция может функционировать в тексте как автономная (*Ну и носик!; Ну и деревце!; Ну и статейка!; Ну и времечко!*) либо занимать объектную позицию при глаголе (*Ну и статейку ты написал!; Ну и кашку ты сегодня приготовила!*). Вариантная конструкция с именем без

деминутивного суффикса характеризуется меньшей экспрессивностью: *Ну и нос!; Ну и статья!; Ну и кашу ты сегодня сварила!*

Вторую конструкцию составляют союз а в соединении с деминутивным производным и частицей то. Такая конструкция также может функционировать в тексте автономно (*А носик-то!; А деревце-то!; А времечко-то было!*). Вариантная конструкция с недеминутивным именем прочитывается при прочих равных условиях как менее экспрессивная, а конструкция с удвоением деминутивного производного - как более экспрессивная (*А носик-то, носик!*). Конструкция может входить в двусоставное предложение в качестве субъектного или объектного компонента, в таких позициях часто лексическое окружение снимает возможную эмоционально-оценочную неопределенность конструкции: *А статейку-то неплохую ты написал!; А времечко-то было страшное!; А носик-то курносенький, мамин!*

Усиливает экспрессивный смысл высказывания и сочетание местоимения такой в усилительном значении с деминутивом: *И* <u>*такую*</u> пыточку *испытал Лева! (А.Битов); И* <u>*такой*</u> дымок *шел от костра, что уйти было решительно невозможно" (РРР); Что ж делать, в* <u>*такое*</u> времечко *живем! (РРР).*

В приведенных выше конструкциях деминутивный суффикс может быть охарактеризован как имеющий непосредственную денотативную направленность, он выполняет функцию усиления признака, отраженного в имени, и усиления эмоционального переживания относительно факта отклонения от нормы по этому признаку. Ранее была отмечена возможность косвенной референции эмоциональных компонентов смысла деминутива. Экспрессивный потенциал деминутивного суффикса также может реализоваться с косвенной референтной отнесенностью: деминутивная форма имени может выступать средством усиления экспрессии, выраженной в предикате высказывания. Так, во фрагменте *Была она [Нелька], как всегда, не в меру болтлива и многословна, но вот* синячки <u>*все же углядел*</u> *у нее Шохов и сообразил, откуда они взялись (А.Приставкин)* значение деминутива может быть интерпретировано только в сочетании со смыслом предиката. В семантике предиката углядеть "всматриваясь, увидеть, заметить" содержится идея преодоления препятствия, требующего дополнительных усилий, контекстно это значение усиливается частицей все же, встраиванием смыслов в противительную конструкцию, значение деминутива согласуется с этими смыслами и усиливает их.

Деминутивный суффикс функционирует как средство синтаксического развертывания текста, его смысл не может быть интерпретирован в пределах внутрисловного контекста: он не выражает смысл "незначительный", не выражает какой-либо эмоции, направленной непосредственно к денотату мотивирующего имени синяк,

он выступает как средство создания экспрессивности высказывания в целом. Эта функциональная направленность реализуется в нем через согласование с экспрессивным потенциалом предикатной группы высказывания.

Условием реализации экспрессивной функции деминутива с косвенной референтной отнесенностью является наличие признака градуальности в предикате, предикативной группе в целом. Так, в следующем высказывании деминутив рулеточкой усиливает идею тщательности действий, описываемых в ситуации: *Некоторые, самые нахальные, все осмотрели, ощупали руками, а кое-кто и пальцами измерил, а то и* рулеточкой, *которая у хорошего хозяина всегда найдется (А.Приставкин).* Экспрессивный смысл деминутива реализуется в контексте предикатов, организованных в смысловом пространстве высказывания по принципу градации, в составе противительной синтаксической конструкции и экспрессивного сочетания а то и. Тип интонации и в этом случае является составным элементом конструкции с различительной функцией. Например, в высказываниях *А* глазки-то *у нее заплаканные*; *В* костюмчики *все повырядились, шляпы понадевали* деминутив реализует в качестве ядерного смысла либо эмоциональный, либо экспрессивный компонент в зависимости от его нахождения в конструкциях с разным типом интонации. В высказывании с логическим ударением на деминутиве реализуется эмоциональный смысл "ласкательное" (глазки), "положительное эмоциональное отношение" (костюмчики). В варианте конструкций с логическим ударением на предикате деминутив выступает как средство усиления экспрессивности высказывания, согласуя свой экспрессивный потенциал с экспрессивным смыслом предиката (понадевали, повырядились). Во втором высказывании смысл суффикса усиливает эксплицитную выразительность глагольных полипрефиксальных форм, в первом - выявляет скрытую экспрессивность предиката. Деминутив маркирует своей формой небезразличное отношение говорящего к ситуации, его эмоционально напряженное отношение к факту.

4.3.3. Деминутивное словообразование как одно из средств выражения категории определенности

Еще одно направление текстовой экспансии деминутивного суффикса - его связь с функционально-семантическими категориями определенности/неопределенности и свойственности/чуждости. Это функционально-семантические (неграмматические) категории, они не имеют в русском языке специализированных средств выражения, черпая их из разных языковых уровней. Основной корпус моделей деминутивного словообразования выступает как средство выраже-

ния значений свойственности и определенности. Эти категории имеют зону пересечения как в смысловой сфере, так и в формальном аппарате. Лишь небольшое число суффиксов, включающих эмоциональные компоненты "снисходительное", "пренебрежительное" в качестве ядерных, используются для выражения коммуникативного смысла "чуждости".

Функционально-семантическая категория (далее - ФСК) определенности/неопределенности реализуется как коммуникативная. Определенность или неопределенность фрагмента мира выявляется относительно данного коммуникативного акта, зависит от характера и степени информированности говорящего и слушающего. Как отмечают исследователи, в ФСК выделяются ядерные и периферийные средства выражения. Деминутивное словообразование мы относим к периферийным средствам выражения названных ФСК. Их отсутствие в тексте не снимает возможности выразить значение свойственности, определенности, но использование деминутива в ряде позиций свидетельствует о коммуникативной актуальности этих категорий. Так, А.Адамец подчеркивает, что в русском и чешском безартиклевых языках "референциальная характеристика по преимуществу эксплицитно выражаются лишь тогда, когда это необходимо с коммуникативной точки зрения, когда предполагаемое референциальное качество не было бы ясно адресату без эксплицитного выражения, хотя говорящий считает его коммуникативно важным" (13, с. 492). При этом периферийные средства могут поддерживать основные, но, вступая с ними в противоречие, теряют свою функциональную направленность. Авторы "Русской грамматики" связывают употребление вин.пад. при глаголах с отрицанием с определенностью и конкретностью объекта , вин.пад. находится в оппозиции к род. пад., служащему для выражения значения неопределенности, при этом эта оппозиция приватнвна: "Если вин.пад. при глаголах с отрицанием уже сигнализирует об определенности объекта, то род. пад. обозначает не отсутствие определенности, а безразличие к ней. Это делает возможным употребление род. пад. при глаголах с отрицанием и в том случае, когда в предложении есть слова, указывающие на определенность объекта:"Он не получил твоего письма" (18, с.418). Авторы при этом также выделяют предпочтительные условия выбора формы вин. пад. для выражения смысла определенности, к которым относят наличие указательных местоимений, одушевленность имени объекта и др.

Производные с деминутивным суффиксом используются в речи как дополнительное средство маркирования значения определенности, конкретности объекта. Из этого следует, вопервых, то, что отсутствие деминутивного словообразовательного средства не является показателем значения неопределенности, во-вторых, употребление деминутива при наличии показателей неопределенности приводит

к деактуализации у суффикса этой периферийной функции, в-третьих, реализует эту функциональную направленность деминутив в определенном согласовании с другими элементами контекста и, в-четвертых, выполнение этой функции может сочетаться с рядом других, в первую очередь экспрессивных и эмоциональных смыслов, что характерно и для других неспециализированных средств выражения категории определенности. Так, совмещение функций маркеров референтной отнесенности русских и чешских местоимений и частиц с экспрессивным и эмоциональным значением отмечает А.Адамец, (13, с.492 - 495). Он же считает, что противопоставление определенности/неопределенности связано не только с коммуникативной оппозицией данного/нового, но смысловой - оппозицией родовой/сингулятивной отнесенности (13, с.487). Это позволяет нам предположить, что значение определенности деминутивного суффикса опирается на исторически первичный смысл сингулятивности и производные от него смыслы рациональной и эмоциональной оценки: мир эмоционально насыщенной оценки - это мир конкретных переживаний "здесь и сейчас", "истина может быть абстрактной или конкретной, а чувства всегда конкретны" (4, с.5).

Модификационные суффиксы используются в качестве средства выделения коммуникативно значимой ситуации из общего потока речи, как диалогической, так и монологической. Монологические описания обычного положения дел в мире могут расцвечиваться вставными описаниями конкретных ситуаций. Модификационное слово выделяет ту ситуацию или ее фрагмент, которые говорящий вводит в общее высказывание как образный компонент, который усиливает очевидность происходящего вследствие того, что говорящий делает себя соучастником или наблюдателем описываемой ситуации (отсылка к собственному опыту). О возможности такого вкрапления в общую речь "предупреждает" слово с деминутивным суффиксом. Условием реализации этой функции модификационного суффикса является наличие в тексте разного рода дополнительных указателей на отмеченную выше сопричастность говорящего к действию (специфическое употребление форм времени, наличие обстоятельственных слов, прикрепляющих действие к определенному моменту времени).

Деминутивное словообразование включается в построение смысловой структуры высказывания для введения конкретной ситуации или какого-либо ее фрагмента в такой тип высказывания, который в целом дает обобщенное изложение об определенном виде знаний или обобщенном опыте. Введение конкретизированного отрывка в описательную речь позволяет говорящему связать свои знания о предмете речи со своим конкретным опытом, который как бы служит аргументом высказываемого положения, обобщения. Высказывания такого типа строятся на приеме контраста общего вневременного

плана, характеризующего обобщенную часть высказывания, и актуальной временной представленности конкретной ситуации, включаемой в общую конструкцию. Конкретная часть высказывания предваряется и обрамляется вневременной частью речи, тем самым создается своеобразная временная двуплановость высказывания на определенном его участке. И в том и в другом случае употребляются глаголы в форме настоящего, прошедшего и будущего времени действительного залога. Обобщенный характер текста создается за счет вневременного употребления данных форм, когда они представляют действие не как процесс, а как постоянное свойство предмета или явления, а вводимая конкретная ситуация выражается с помощью глагола в актуальном времени. Предикатный компонент конкретной языковой ситуации может быть представлен глаголом настоящего времени 2-го и 3-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа и глагольными формами прошедшего времени, которые выступают в своей основной функции, выражая семантику объективной модальности - реального настоящего времени. Приведем примеры диалектной речи (используются материалы совместной статьи автора и М.Н.Янценецкой- 20): *(1) Так она срублена урундуком. Заходишь как в сени* - урундучок. *Глухой, срубленный - урундук; (2) У лодки к носу приделанный кочет. На* беседочку *садишься , и на кочет надеваешь гребень; (3) Мы картошки подбивали. Тиранешь* деготьком *- ни один комар не кусает (Том.).*

В приведенных примерах актуальная ситуация вводится с помощью модификационного слова, суффикс которого в условиях данного контекста деноминализируется и выполняет конструктивную текстовую функцию (урундучок, беседочка, деготек). Кроме того, во всех конкретизированных включениях глагол стоит в форме 2-го лица актуального настоящего времени. Актуальность передаваемой информации может поддерживаться местоименными и обстоятельственными словами и словосочетаниями, временными союзами. В примере (1) наглядность описания создается введением временного придаточного предложения с обстоятельственным компонентом (заходишь как в сени) и противопоставлением формы глагола предыдущему и последующему тексту. В тексте (2) вторая (конкретизированная) и первая часть противопоставлены глагольными формантами, вторая и третья - обстоятельственным словосочетанием. Во фрагменте (3) также имеет место противопоставление глагольных форм, кроме того, конкретизированный отрезок экспрессивно окрашен, что создается прежде всего глагольной экспрессивной формой. Как показывает анализ примеров, конкретизация ситуации создается за счет основной, актуальной семантики глаголов действительного залога. Обобщенная же часть текста строится за счет их вторичного, вневременного значения. Если же предмет конкретизированной ситуации выражается глагольными формами недейст-

вительного залога, то они в этом случае употребляются в неосновном для них актуальном значении: *Побольше деленка лодки. Садись - там два* гребочка *(Том.)*.

Рассмотрим разрешающие и запрещающие условия появления в тексте деминутива, лишенного значения уменьшительности и яркой экспрессивности. Ср. естественность употребления деминутивных производных в высказываниях, в которых содержится референция к конкретному предмету (1), и проблематичность их употребления в высказываниях общего характера, в которых имеется информация об обычном положении вещей, с референцией имен к классу (2): *(1) Съешь эту котлетку; Передай Грише грибки; Подай мне эту книжку; (2) По утрам я обычно ем котлетки; Я не умею готовить грибки.* Последние интерпретируются слушающим либо как содержащие дополнительную информацию о малом размере (котлет, например), либо как экспрессивные высказывания, маркированные особым типом интонации, либо как содержащие скрытое цитирование предшествующего текста с конкретной референтной отнесенностью или экспрессивной окрашенностью (грибки - такие же хорошие, как эти, о которых речь шла в предшествующей ситуации). Как подчеркивает Е.В.Красильникова, "там, где бессуффиксальное имя не обозначает единичного предмета, возникает омонимия форм с суф. -ка - ласкательных, относящихся к виду предмета, и индивидных" (19, с.68).

Для появления деминутивных производных в информативном, неаффектированном повествовании об обычном отношении людей к классам объектов, необходимо переключение регистров с сообщения об отношении к объектам как классам на сообщения об операциях с индивидными представителями классов. ср.: *По утрам он обычно ел* котлеты - *По утрам он обычно съедал свою дежурную* котлетку *и убегал.* Второй контекст представляет обычное положение дел как зримую, наглядную ситуацию использования конкретного предмета.

4.3.4. Деминутивное словообразование как одно из средств выражения категории свойственности/чуждости

С категорией определенности/неопределенности пересекается, имея общие семантические элементы, категория свойственности/чуждости, которая также дихотомически организована. По утверждению А.Б.Пеньковского, выдвинувшего гипотезу о существовании в русском языке этой семантической категории, она есть языковое отражение "фундаментального семиотического принципа членения универсума на два мира - "свой" и "чужой", интерпретируемых в аксиологическом плане в виде оппозиции "хороший" - "плохой" (21, с. 54). Эта категория также не является грамматической,

не выражается облигаторно в каждом речевом акте, но лишь в случае коммуникативной актуальности, не имеет специализированных средств выражения, но использует в качестве формальных средств единицы различных уровней во вторичных, производных значениях. Функциональное расширение основного корпуса деминутивных словообразовательных значений - их способность выступать в качестве одного из формальных средств выражения значения свойственности - естественно вытекает из значения положительной оценки. Функциональная динамика смысла здесь такова: "свой -> хороший"; "свой + нужный -> хороший"; "свой + полезный -> хороший".

Так, в повести А.Приставкина "Городок" герой, являя собой тип "архаического" человека, стремится создать овеществленный "свой", воплощенный в Доме, мир, мир-убежище, противопоставленный миру-стихии, чуждому миру. Все, что входит в этот мир, в устремлениях и реализации, именуется в повести с помощью деминутивных суффиксальных производных: это сам дом от крыльца до флюгера, от очага до дыма, выходящего из очага; разворачиваясь в пространстве, этот мир включает двор с растениями, домашними животными,постройками: *Но ведь еще существует жизнь и вне стихии, и тогда как лучше-то жить? А вот в* домике *своем можно и* подвальчик *поглубже от той же стихии вырыть, чтобы голову бедовую туда сунуть; Шохов... сосредоточился на делах будущего дома. Сперва почему-то пришла на ум* банька, *этакая по-черному* банька, *с полками да липким* веничком *из березы; ...[Шохов] обрисовал совместное их житье-бытье в пятистенке, где у каждого будет свое* крылечко, *и своя* верандочка, *и свой* огородик; *Но ведь представь себе, как это получается: выйдешь после работы, а тут и* грядочки, *и* деревца, *и* собачка *твоя, и всякая мелкая живность, и даже воробьи... ; Всюду было видно, как закручивается над трубой серый* дымок *и, чуть согнувшись под* ветерком, *рассеивается* метелкой *в просторном небе... Теперь с облегченной душой он смог из жести* решеточку *вырезать, а на одну ее сторону* флюгерок *в виде* петушка...; *Сразу задумал Шохов и деревья посадить. Без* садика, *без* рябинки *нет и не будет такого прелестного вида на дом; И все же... Все же, ночуя в избушке, Шохов как бы и за свои родным* местечком *приглядывал, тут, рядом оно, на глазах!*

Как отмечает Ю.Д.Апресян, моделируя на основе анализа употребления местоимений ты/вы в русском языке понятие личной сферы говорящего, понятия, на наш взгляд, соотносимого с категорией свойственности, "в эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, эмоционально или интеллектуально... Личная сфера говорящего подвижна, она может включать больше или меньше объектов в зависимости от ситуации" (15, с.27 - 28). В "свой" мир входит не только вещный мир, мир предметных сущностей, но и мир событий, временных отрезков, заполненных действиями субъ-

екта и потому вошедших в его личную сферу. "Свой" мир предстает не только как мир, в котором комфортно в силу его освоенности, но и как полезный, нужный и потому положительно оцениваемый.

Так, в следующем фрагменте коечка - предмет из личной сферы субъекта, приносящий ему пользу, выгоду. В этом фрагменте очевидно функциональное пересечение значений определенности и свойственности: коечка - своя, одна, выделенная из ряда общежитских спальных мест: *Многие из числившихся [жильцов общежития] ночевали у родителей, у приятелей, но чаще у женщин.* Коечку *берегли на случай, если понадобится справка на очередь для получения квартиры (А.Приставкин).* Также в следующих фрагментах дельце, халтурка - события, в которых принимает участие говорящий с пользой для себя, денежки - то, что необходимо, обладание ими желаемо и чревато пользой; времечко также освоено героем, обитая в нем, он использует его для себя: *А тут* дельце *подвернулось,- говорил он, оглядываясь и тоже придвигая к себе чурбачок. Я пару домиков воздвиг, может видел,* халтурка *выгодная; А для такого крупного дела и подготовительный период - строители знают, что это такое, - должен быть достаточным.* Времечко, *словом, нужно, чтобы* деньжат *поднакопить, все выведать, разведать (А.Приставкин).*

Интересная интерпретация в аспекте категории свойственности универсальных понятий смерти и жизни, горя и радости в народном сознании представлена в работах Р.Н.Порядиной. Анализируя тексты типа "Много, миленька, горечка видели", "Смертечки нету и живота нету. Годы мои ушли" (Том.), автор отмечает: "В относительно замкнутом локальном и социальном пространстве мир человеком воспринимается непосредственно, то есть прямым образом соотносясь с личным "я", где общественное включено в личную сферу человека...[жизнь и смерть, радость и горе] ими воспринимаются как данность, как то, чему должно быть, сбыться, и это воспринимается как желаемое" (25).

Представляется, что при интерпретации ряда случаев "остающейся загадочной", по мнению А.Б.Пеньковского , позиции "специализированного знака отчуждения" частицы "там в сочинительном ряду однородных членов" (21, с.80) необходимо учитывать наличие в тексте деминутивных форм как маркеров противопоставленного категориального значения свойственности. Значение свойственности с осложнением эмоциональной семантикой, выраженное деминутивным суффиксом, в сочетании с компонентами текста, имеющими противоположную категориальную направленность, может не зачеркиваться, не подавляться более сильным средством, но вступать с ним в смысловое взаимодействие, создавая высказывания со сложной модусной перспективой. В приведенном ниже фрагменте, анализируемом в работе А.Б.Пеньковского, частица там представ-

ляет интерпретируемую ситуацию как чуждую, отрицательно оцениваемую говорящим (первая модусная перспектива). Этой интерпретации противопоставлена оценка этой же ситуации контрагентом (в анализируемом примере это - домашние) как освоенной, близкой, нужной, положительно оцениваемой (вторая модусная перспектива). Драма мнений и оценок представлена столкновением двух интерпретаций одного ряда предметов говорящим и лицами из описываемой ситуации: *Перед поездкой в Швейцарию ... домашние забросали заказами.* Кофточки *там,* пиджачки, брючки, туфельки... *(В.Солоухин).* Мы рассматриваем такие конструкции как один из видов непрямого, косвенного цитирования. Автор приводит мнение домашних о предметах как нужных, желаемых, обрамляя это видение собственной оценкой отрицания и отчуждения. Высказывания типа *Не люблю я эти* котлетки!; *Не буду есть я ваш* бутербродик!; *Не буду носить я эти их* блузочки-юбочки! также представляют собой высказывания с двойной модусной перспективой. Говорящий цитирует адресата или третье лицо с выраженным положительным отношением к предметам (с помощью деминутивных производных) и отчуждает с использованием местоимений в отчуждающе-уничижительном значении. "В представлении современной лингвистики, испытывающей влияние идей М. М.Бахтина и его последователей, реальная речь (дискурс), - отмечает С.Л.Сахно, - всегда наполнена чужими голосами, то есть суждениями, оценками и наименованиями, не принадлежащими непосредственно автору речи" (32, с. 100). Деминутивные суффиксы в подобных структурах интерпретируются нами как одно из средств формирования полифонизма речевого сообщения.

Суффиксы с уменьшительно-уничижительным значением (-ушк(а), -онк(а)) входят в ряд средств выражения значения чуждости, часто - в сочетании с местоимениями какой-то, какой-нибудь в пейоративно-отчуждающей функции: *Лежит на диване целыми днями, все какие-то* газетенки, книжонки *непонятные изучает (РРР); Уехал в деревню, поселился у какой-то* бабенки *(РРР).*

Имена, построенные по словообразовательным моделям с этими суффиксами, широко используются в просторечии и диалектной речи как средство нарочитого отчуждения "своего" мира. Предметы не только материального, но и идеального мира, включенные в личную сферу, осознаваемые как "свое", "дорогое","нужное", уничижаются и отчуждаются. Можно выделить, по крайней мере, два коммуникативно оправданных мотива использования таких форм. В первом случае доминирует своеобразная "охранительная" направленность коммуникации. Охранительная (по определению Г.В.Калиткиной, табу-функция, Р.Н.Порядиной - магическая) (26; 27) функция реализуется в коммуникации, когда говорящий строит свою речь не только с ориентацией на слушающего, непосредствен-

ного адресата речи, но и учитывает наличие, восприятие его речи третьим лицом, присутствующим при акте общения. О наличии языковых показателей ориентации речи на третье лицо (присутствующего) писали Т.Г.Кларк и Т.Б.Карлсон, отмечая такую ориентацию в качестве особой формы побочной адресации речи, "когда прямые иллокутивные акты исключаются как табуированные" (28, с.277). В данном случае мы наблюдаем один из вариантов косвенного речевого акта, ориентированного на восприятие не только непосредственным адресатом, но и третьим лицом, принадлежащим высшим силам. Эти силы воспринимаются говорящим как чуждые, враждебные его миру, вследствие чего говорящий стремится отчуждать в речи элементы своего мира, чтобы не обнаружить личную пристрастность.

Подобного рода использование деминутивов в пейоративно-отчуждающей функции дает нам дополнительные основания согласиться с выводами М.Я.Гловинской, сделанными ею при анализе глаголов речи, о том, что в "наивной картине мира русского человека существует представление о высшей силе, которая не совпадает с представлением о Боге как религиозно -культурном концепте", "эта сила реагирует на слово - и на ритуальное ... и случайное, неосторожное ... не только карает, но и принимает от него заложников; это дорогие или священные для него объекты ... не допускает чрезмерной уверенности человека ни в прочности того хорошего, что он имеет или надеется иметь, ни в наступлении чего-то плохого" (24, с. 215). Как глаголы типа сглазить, накаркать, так и деминутивные формы в функции намеренного отчуждения, уничижения "своего", близкого, дорогого (с целью "от сглаза") являют собой в современном наивном сознании своеобразные рефлексы дохристианской, языческой картины мира, мифологического типа мышления, одним из конститутивных признаков которого является отождествление имени и вещи. Так в бытовой речи в снятом виде проявляются закономерности построения ритуальных речевых актов, охранительных ритуалов (описание последних с прагматической языковой точки зрения см., напр., 33, с.172 - 177).

Другой случай намеренного отчуждения элементов "своего" мира также выявлен и проанализирован на материале среднеобских говоров Р.Н.Порядиной (25). Говорящий намеренно отчуждает элементы близкого и дорогого ему мира в коммуникативных ситуациях общения с адресатом из другого языкового и культурного мира, другого возраста, предполагающих иную ценностную ориентацию. Говорящий допускает возможность другой, отчуждающе-уничижительной оценки элементов своего мира слушающим и предупреждает ее в своей речи. Мотивом коммуникативного отчуждения может быть и значительная временная дистанция в отношениях с предметным миром самого говорящего, позволяющая дать ему новую

оценку прошлого: Гармошонка *была. Рупь отдашь за избу, собираются девахи, ребята; Ловили петлями.* Дробовичишко *был (Том.).*

Производные имена с суффиксами с уменьшительно-ласкательным значением также выступают в качестве средств выражения категории чуждости в варианте отчуждающе-иронического отношения. Деминутив в сочетании с определенным текстовым окружением выступает как средство формирования косвенного речевого акта иронии. Ирония как один из видов косвенного речевого акта строится на столкновении явно выраженного положительного отношения (в нашем случае с помощью деминутивных производных) и подразумеваемого отрицательного, выраженного интонационно, в письменной речи определяемого из широкого контекста. Так, например, во фрагменте из повести А.Приставкина "Городок" вслед неискреннему речевому поведению персонажа ("воскликнул Хлыстов, будто восхищаясь") повествователь также с двойной аксиологической перспективой описывает его поведение. Отрицательное отношение Шохова к Хлыстову известно читателю из предшествующего текста, в описании явно выражено положительное отношение к герою с использованием деминутивных форм. В прямом речевом акте включение деминутива в описание предметов, принадлежащих лицу, как отмечалось, является средством косвенного выражения положительного эмоционального отношения к самому человеку. Деминутивные формы на фоне конситуативно или контекстно известного отрицательного отношения к лицу создают обратный, отчуждающий эффект: *Просто* домик *ваш вспомнил. Цел? Вот ведь везуха!- воскликнул Хлыстов, будто восхищаясь. И* кефирчиком *в воздухе помахал. - У меня так двух месяцев не прожил - сгорел.*

4.3.5. Типы косвенной референции семантики деминутивного суффикса

Одна из особенностей эмоциональных и экспрессивных смыслов деминутивных суффиксов - их способность к косвенной референции. Суффикс утрачивает значение уменьшительности, направляя ласкательные и/или экспрессивные смыслы не к денотату мотивирующего имени. Своеобразная смысловая и функциональная экспансия деминутивного суффикса воплощается в разных вариантах: 1) эмоциональные и экспрессивные смыслы обращены к предметам, метонимически связанным с денотатами деминутива; 2) эмоциональность и экспрессивность распространяется на описываемую ситуацию в целом; 3) анализируемые смыслы обращены к коммуникантам, в первую очередь к слушающему и, реже, говорящему. Каждый последующий из перечисленных видов как элемент включает

предыдущий. Так, в разговорах о людях близких и дорогих мы обычно используем уменьшительно-ласкательные производные при назывании предметов, включенных в их личную сферу, проецируя ласкательную семантику с предметов на лица: *Вчера Саша на улице перегулял*, ножки *замерзли, приболел немного; Дедушка наш сдал за последнее время что-то, с* костыльком *стал ходить (РРР)*. Распространение положительного эмоционального потенциала деминутива на всю описываемую с его использованием ситуацию можно проследить в следующем фрагменте. Повествование строится на противопоставлении нарушенного нормального, с точки зрения говорящего положения дел в мире и восстановления этой социальной нормы. Положительная эмоциональность во фрагменте относится не к опалубке-сороковке, опилкам непосредственно, но призвана выявить положительное отношение к восстановленной норме: *А получается-то недоразумение, дед, так как не додали мне по кругу целых восемьдесят рублей... А я тогда на тракторе езжу, на государственном, значит, транспорте, то есть беру в счет своих недоданных восьмидесяти рублей. А там еще кому-нибудь* опилочки *завезу*, опалубку-сороковочку *на полы - и опять же прибавлю ... свое я возьму (А.Приставкин)*.

В диалогических речевых жанрах часто с помощью деминутивных форм создается положительный эмоциональный фон коммуникации для воздействия на эмоциональную сферу слушающего, в императивных речевых жанрах - и для воздействия на волевую сферу адресата речи. Классический тип такой реализации смыслового потенциала деминутивного производного - речевые ситуации приглашения, угощения; приведем для примера еще один фрагмент: "*Водки?*" - *спросил Вася Самохин, впрочем, для проформы, бормотуху он не обожал.* "*Мне все равно*", - *ответил Петруха.* "*А может*, сухонького?" - *предложил дед Макар (А.Приставкин)*.

Подобная смысловая экспансия деминутива - от выражения эмоционального отношения к референту мотивирующего имени к выражению отношений к коммуникантам - свидетельствует о том, что деминутивные словообразовательные средства имеют еще одну коммуникативную направленность. Как отмечает Ю.Д.Апресян, в словарное значение слова может быть "вписано" прагматически значимое "указание на относительные статусы говорящего и адресата в социальной, возрастной или иной иерархии, на существующую между ними степень близости, на разделяющую их дистанцию" (12, с. 9). Деминутив также может выступать как средство маркирования социальных статусов говорящего и адресата, с помощью деминутива говорящий может задать переход из жестко социально ранжированного общения в коммуникацию с доминированием личностных, человеческих ценностей. В двух обращениях *Девушка, мне полкилограмма колбасы и Взвесте мне килограммчик колбаски, пожалуй-*

ста! говорящий обнаруживает свое психологическое бытование в разных мирах: социально, юридически ранжированном мире или мире с доминированием личностных отношений.

В исторической жизни уменьшительно-ласкательных образований в русском языке был период, когда они использовались именно для маркирования социального статуса лица, причем статуса более низкого, сопровождающегося экспрессивным фоном отрицательного спектра (холоп Ивашка), значения эти "особенно успели развиться вместе с развитием сословных, классовых различий, резко выделивших понятие о высшем и низшем" (1, с. 40).

Современный этап в семантической динамике деминутива может быть определен как свободный от функций сословного ранжирования, но не свободный от идеи ранга, относительного статуса говорящего и адресата вообще. С использованием уменьшительно-ласкательных производных отношения говорящего и слушающего как бы извлекаются из мира социальных стандартных отношений в мир личный (ср. сигнал о таком переключении - ласкательная форма обращения в полном (имя -отчество) именовании лица типа Сашенька Ивановна, говорящий останавливается на промежуточном варианте - еще официальное обращение, но официальность "зачеркивается" деминутивным образованием).

Такая функциональная направленность деминутивов в русском языке (напомним: активное деминутивное словообразование - специфическая черта славянских словообразовательных и лексических систем!), на наш взгляд, непосредственно коррелирует с тем, что Э.Сэпир определяет как "быть может самый значительный аспект русской культуры" - "склонность русского рассматривать людей не как представителей каких-либо типов, не как создания, извечно облаченные в одеяния той или иной цивилизации, но как абсолютные человеческие существа... Единственная вещь, которую русский воспринимает всерьез, - это изначальная,"корневая" человечность. В личностных отношениях мы можем заметить любопытную готовность русского пренебречь всеми институциональными перегородками, отделяющими одного человека от другого" (29,с. 471-472).

В этом личном мире говорящий и слушающий либо безразличны к идее рангов - все перекрывается чувством доброжелательности, любви (хотя социальное положение коммуникантов и цели выраженной доброжелательности, "человеческой экспрессивности" могут быть различными), либо говорящий находится рангом выше, но этот более высокий ранг определяется не законом, установлением, но личностными и ситуативно актуальными свойствами говорящего - это более сильный, умный, обладающий большими возможностями человек (хотя бы и только в данной ситуации общения). Адресат находится в сфере личных интересов говорящего, при этом сфера его интересов направлена на добро по отношению к адресату. В сле-

дующем фрагменте своеобразная утрированная ласкательность в речи персонажа повести А.Приставкина "Городок", недоброжелательно относящегося к Шохову, отражает не только его желание вести себя в соответствии с типичной речевой ситуацией, но и продемонстрировать свое (наконец-то, хотя бы с болезнью Шохова связанное и ею обусловленное) ощущение себя как сильного,"большого", свой хотя бы ситуативно определяемый более высокий коммуникативный, не социальный, но человеческий ранг, стремление проникнуть в личную сферу адресата (симптоматична выраженная надежда - "Мы еще подружимся"): *А я зайду, зайду еще. Мы еще подружимся, вы не думайте. А тут вам* бутылочка на стульчике *для выздоровления. Поправляйтесь...* Калиточку *я прикрою. А вообще вам бы* собачку *завести.* Собачка *слов не говорит, а дело знает, а? (А.Приставкин).*

Эти коммуникативно значимые характеристики автора и адресата объединяют речевые ситуации, характеризующиеся наибольшим насыщением деминутивных форм: речевые ситуации общения взрослых с детьми, врача с больными, разговоров о детях. Симптоматично, что именно для этих речевых ситуаций характерно и употребление "мы-инклюзивного": *Мы сейчас не в* садике, *у нас* головка *болит и* горлышко *красное; Ну, как у нас сегодня* температурка?

В художественном тексте, "переплавляющем" в соответствии с эстетической целью средства и формы всех языковых стилей, деминутив может использоваться не только для воссоздания стилистики разговорных речевых ситуаций в диалогах персонажей, но и как способ маркирования коммуникативно значимого статуса автора и адресата. Как отметила С.С.Плямоватая, "суффикс имеет способность как бы воспроизводить среду и обстановку, в которой он наиболее часто употребляется" (2, с. 60). Примеры такой функциональной направленности деминутивного суффикса мы обнаруживаем в литературе для "самых маленьких", где автор с помощью концентрации деминутивных производных в описании в сочетании с другими средствами сознательно формирует образ повествователя как "большого, сильного, доброго, распространяющего свою добрую волю на слушающего, который маркируется как "маленький, любимый" (ср., например, активное насыщение деминутивными производными в повествовании рассказа М.Пришвина "Дедушкин валенок").

Коммуникативно актуальным может быть сам акт перевода ситуации общения из официальной, с определенными социальными ролями коммуникантов, в сферу личного общения; деминутив маркирует апелляцию говорящего к личности адресата, его человеческим свойствам. Говорящий осознает свое положение "снизу" в социальной иерархии и заинтересован перевести коммуникацию в

личную сферу, апеллировать не к социальной маске, но к человеческой сути адресата. Именно такие контексты употребления находятся в сфере активных оценок в аспекте культуры речи. Речь с деминутивами в таких коммуникативных ситуациях интерпретируется как заискивающая. Представляется, однако, что нельзя оценивать всю палитру функционирования деминутива по одной краске, может быть и не самой чистой.

Высокая степень эмоциональной насыщенности производных с деминутивными суффиксами определяет значительность субъективного начала не только в их использовании, но и интерпретации. Как метафорическое имя призвано фактом отождествления неотождествимых с точки зрения внешней логики явлений выявить спектр ассоциаций, образов, всегда лишь относительно единых у говорящего и слушающего, так и правильно использованное деминутивное производное должно породить ожидаемую эмоциональную реакцию слушающего. Успех коммуникации с использованием метафор - бытование говорящего и слушающего в общих концептуальных и культурных мирах. Успех коммуникации с использованием деминутивных производных - бытование коммуникантов в общем эмоциональном мире, готовность слушающего принять предлагаемую эмоциональность и маркированные ей ситуативные статусы.

4.3.6. Деминутивное словообразование в контексте первичных речевых жанров и функциональных стилей литературного языка

Как отмечалось, к использованию деминутивных производных говорящий прибегает в тех случаях, когда коммуникативно актуальным является сплетение разума, с одной стороны, и воли, эмоции - с другой, в едином целостном смысле слова. Именно вследствие этого тесного сплетения сферой активного использования деминутивного словообразования во всем спектре функциональных возможностей является разговорная речь. Если использовать метафору Д.Н.Шмелева, представляющего функционально-стилевое распределение литературного языка в виде различным образом центрированного круга в трехмерном пространстве, измерениями которого являются говорящий (первое лицо), слушающий (второе лицо) и тема, то разговорная речь - сфера, смещенная в сторону говорящего и слушающего, научная и деловая речь - сферы со смещением в сторону сообщаемого. Разговорная речь предполагает непосредственное участие в коммуникации обоих первых лиц, и говорящий и адресат здесь конкретны и индивидуальны, причем, что существенно, соотношение между ними устанавливается в самом акте речи. Именно в разговорной речи говорящий выступает в личностном плане, как переживающий определенное интеллектуальное и эмоциональное состояние, обращая речь к столь же непосредственно мыс-

лящему, чувствующему, имеющему определенную волевую интенцию адресату.

Эта способность к актуализации непосредственно значимых эмоционально-волевых смыслов вкупе с весьма неопределенными границами содержания рациональной оценки создают запрет на их использование в жестких в смысловом отношении научном и деловом стилях, в которых в коммуникативном фокусе находится "третье лицо" коммуникативного акта, сообщение, а первые два лица представляют либо свое интеллектуальное начало, либо выступают в виде обезличенных социальных масок, юридических ролей. В научном стиле сообщение обычно "представлено как существующее независимо и от воли автора и от самого сообщения об этих фактах, дается в форме объективного внеавторского сообщения, в котором первое лицо [Говорящий] как бы устранено, а второе лицо предполагается вне каких-либо ограничений" (34, с.62). Деминутивное производное в такие функциональные стили может проникнуть только через этап лексикализации и терминологизации как имя предмета, находящегося в отношении вида к родовому понятию, названному первичной, недеминутивной, формой, оно сохраняет значение объективной уменьшительности (жучок картофельный, членик усика (насекомых) и т.д., примеры из работы 35). Значение деминутива слишком прихотливо, неопределенно, слишком ориентировано на волю и чувства автора и адресата речи, чтобы быть использованным в стилях со смешением коммуникативных интересов с автора и адресата на сообщаемое как объективно данное и независимое от воли и чувств авторов речи.

Своеобразие функционирования деминутивов в художественных текстах определяется, на наш взгляд, двумя основными факторами. Коммуникативная функция языка реализуется в художественном тексте в частном варианте поэтической функции, что предопределяет существенную трансформацию содержания трех основных элементов коммуникативного акта. В художественном тексте говорящий и слушающий - это и персонажи, речевые образы которых являются составной частью целостного художественного образа и формированию которого и подчинена их организация, "но в любом тексте есть еще и другие первые два лица - первое лицо повествователя и второе лицо того, к кому так или иначе обращен этот текст", цель повествователя - эстетическое воздействие, создание художественного образа (34, с.58). Третий участник коммуникативного акта в художественной речи - сообщаемое - также выступает в трансформированном виде: "Многие отрезки художественного текста несут не "буквальную", заключенную в них непосредственную информацию, а ту информацию, которая существует в общем художественном контексте и служит для создания художественного образа" (34, с.34). Функциональная направленность использования деминутивов

в художественном тексте, виды актуальной реализации смыслового и функционального потенциала синкретичной суффиксальной семантики, как и все другие языковые средства художественного текста, могут интерпретироваться только в контексте всей образной структуры произведения, включая образы повествователя и (возможно, в ряде случаев) слушающего.

* * *

Модификационные словообразовательные типы выступают как одно из активных средств языковой прагматики в русском языке. Производные имена анализируемых словообразовательных типов характеризуются весьма широким спектром прагматических функций, все разнообразие которых организуется вокруг доминантного аксиологического компонента. Своеобразие деминутивов в выражении категории оценки - сплав рационального и эмоционального начал. Это свойство семантики деминутивного словообразовательного средства является, с одной стороны, основой широкой смысловой и функциональной экспансии деминутивных производных в текстах, с другой стороны - фактором, ограничивающим возможность использования деминутивов в функциональных стилях, предъявляющих особые требования к логической точности речи.

Рационально-оценочная часть смысла, формируемая в словообразовании деминутивов, может быть интерпретирована через понятие пропозиции. Это пропозиции модусного аспекта содержания высказывания. Большая же часть смыслового и функционального потенциала деминутивных производных имеет непропозициональный характер.

Деминутивное словообразование может быть охарактеризовано как грамматически открытая деривация. Доказательством текстовой открытости, функциональной грамматичности модификационного словообразования являются активные текстовые связи деминутивных производных, факты использования деминутивов в конструкциях экспрессивного синтаксиса, явления косвенной референции. Модификационные производные в основной своей массе, за исключением лексикализованных единиц, - текстовые дериваты.

Синкретизм семантики деминутивного суффикса, многослойность его смысловой организации обусловливают и неоднолинейность текстового смыслового согласования деминутивов, которое осуществляется как по линии лексических (денотативных и эмоционально-экспрессивных), так и грамматических компонентов. Подчеркнем различие в направлении и содержании текстовых согласований синтаксических и модификационных дериватов. Текстовое согласование синтаксических дериватов осуществляется прежде всего по линии смыслов основного предиката высказывания. Функциональная основа синтаксической деривации - логико-коммуни-

кативная организация пропозиционального содержания высказывания. Функциональная основа модификационного словообразования - отражение эмоционально насыщенного переживания говорящим ситуации или ее фрагмента. Основное направление текстовых смысловых согласований модификатов - та зона прагматических смыслов, которая формируется периферийными языковыми средствами - частицами, модальными словами, элементами кардинальных частей речи в их вторичных производных значениях.

Деминутивное словообразование может быть охарактеризовано как проявляющее в своей реализации наибольшую степень контекстной зависимости и экспансии по сравнению с мутационной и синтаксической деривацией. Модификационная деривация выступает не только как контекстно , но как конситуативно открытая деривация. Смысловая направленность словообразовательного деминутивного акта может выходить за пределы слова в контекст высказывания и шире - коммуникативной ситуации, имея обращенность к говорящему, адресату и даже косвенному участнику акта коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мандельштам И. Об уменьшительных суффиксах в русском языке со стороны их значений // Журнал министерства народного просвещения. 1903. Июль, август.

2. Плямоватая С.С. Размерно-оценочные имена существительные в современном русском языке. М., 1961.

3. Крючкова О.Ю Вторичная деминутивно-оценочная деривация: современное состояние и развитие: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991.

4. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Роль человеческого фактора в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.

5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

6. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

7. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка: Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М., 1989.

8. Балли Ш. Французская стилитсика. М., 1961.

9. Петрищева Е.В. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984.

10. Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Природа и характер языковых оценок // Лексические и грамматические компоненты в семантике языковых знаков. Воронеж, 1983.

11. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986.

12. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988.

13. Адамец А. К вопросу о выражении референциальной отнесенности в чешском и русском языках // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. М., 1985.

14. Родимкина А.М. Уменьшительно-оценочные существительные в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.

15. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28.

16. Новикова Л.А. Деминутивы существительных в устно-разговорной диалектной речи (на материале говоров Ярковского р-на Тюменской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.

17. Покуц В.Н. Уменьшительные суффиксы имен существительных в современном русском литературном языке. Киев, 1969.

18. Русская грамматика. М., 1980. Т. 2.

19. Красильникова Е.В. Имя существительное в русской разговорной речи: Функциональный аспект. М.,1990.

20. Янценецкая М.Н., Резанова З.И. Модификационные производные и их функции // Русские говоры Сибири: Семантика. Томск, 1995.

21. Пеньковский А.В. О семантической категории "чуждости" в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1985 - 1987. М., 1989.

22. Порядина Р.Н. Универсальные категории культуры в языковой картине мира (на материале среднеобских говоров) // Культура отечества: прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1995. Вып. 4.

23. Порядина Р.Н. Функционирование модификационных суффиксов в среднеобских говорах // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой организации. Томск, 1995.

24. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

25. Порядина Р.Н. Оценочный синкретизм деминутивного суффикса (фрагмент языковой картины мира среднеобского говора) // Культура отечества: прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1996. Вып. 5.

26. К а л и т к и н а Г.В. Формы субъективной оценки имен в аспекте теории мотивации (на диалектном материале): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1989.

27. П о р я д и н а Р.Н. О "магической" функции деминутива (на материале среднеобских говоров) // Человек - текст - коммуникация. Барнаул, 1996 г.,(рукопись).

28. К л а р к Т.Г., К а р л с о н Т.Б. Слушающий и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.

29. С е п и р Э. Культура истинная и мнимая // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и кулвтурологии. М., 1990.

30. С т е р н и н И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

31. В и н о г р а д о в а В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.

32. С а х н о С.Л. "Свое-чужое" в концептуальных структурах // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.,1991.

33. Т о л с т а я М. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.

34. Ш м е л е в Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: (К постановке проблемы). М., 1977

35. К о м а р о в а З.И. Семантическое противодействие в уменьшительных образованиях существительных (на материале сельскохозяйственной лексики // Слово и термин. Горький, 1981.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ русского именного словообразования в аспекте обусловленности внутрисистемных значимостей направленностью на осуществление коммуникативных задач выявляет включенность деривационных моделей в формирование трех основных этапов осуществления коммуникации. Словообразовательные модели входят в состав формального аппарата частных строевых функций , соотнесенных с основными этапами семиотического акта - функций номинации, синтактики и прагматики. В осуществленной коммуникации - тексте - включенность деривационных процессов в актуальные процессы текстопорождения выявляется в фактах вхождения словообразовательно выраженных смыслов в совокупное текстовое содержание. Словообразовательно выраженные смыслы включаются как составная часть в формирование основных смысловых слоев высказывания.

Словообразовательное значение в работе интерпретируется, во-первых, как структура, состоящая из компонентов, во-вторых, как текстовая, актуализованная структура, элементы которой перестраиваются в ответ на коммуникативный запрос. В условиях различных коммуникативных заданий словообразовательные модели могут в различных вариантах реализовать свой смысловой и функциональный потенциал.

Рассмотрение словообразовательных элементов в аспекте их участия в формировании основных смысловых срезов текста обнаруживает, с одной стороны, явно выраженную специализацию словообразовательных моделей, с другой - определенный синкретизм функций.

Членение словообразовательных типов русского именного суффиксального словообразования на сферы, различающиеся вариативным коммуникативно направленным функционированием, выявляет частично иные границы группировок СТ по отношению к выявленным и описанным в русистике в рамках системно-структурного описания. Три основные функциональные сферы именного аффиксального словообразования - синтаксическая деривация, мутация,

модификация - различаются типом словообразовательной семантики, набором текстовых функций и типом их связей (основных, ведущих и имплицируемых), типами текстовых зависимостей, актуальных при выполнении функции.

Словообразовательная семантика производных имен мутационного словообразования имеет пропозициональный характер. Производное мутационного типа является результатом словного переименования фрагмента мира, уже означенного развернутой текстовой номинативной единицей, предикативного или полупредикативного характера (последняя также восходит к предикативной единице). Пропозициональное содержание составляет ядро словообразовательной семантики, которая может осложняться модусными смыслами. Возможность текстовой актуализации пропозициональных смыслов (с возможным модусным осложнением), выраженных словообразовательной формой, и составляет основу коммуникативной направленности словообразования имен этого класса как текстового явления. В качестве текстовооткрытой словообразовательная структура производных имен мутационной деривации проявляется в весьма ограниченном числе случаев. К числу необходимых текстовых условий подобного функционирования относятся: содержательное совпадение словообразовательной и лексической семантики (в именах номинальных классов) и текстовый запрос на пропозиционально структурированную семантику.

Использование производных имен мутационных СТ как текстовых дериватов имеет коммуникативную направленность: дериват выступает как средство коммуникативно значимой упаковки внеязыкового содержания, средство актуализации отдельных (термовых) элементов отражаемой ситуации. Дериват при этом входит в межуровневую парадигму средств означивания тождественных ситуаций. Элементы парадигмы имеют общий денотат (денотативную ситуацию) и в разной аспектации представляют его. Специфика представления ситуации производным именем мутационной деривации - интерпретация ее через термовый компонент, неграмматическое выражение предикатных актуализационных категорий, проявляющихся вследствие этого лишь в определенном контекстном окружении.

Ближайшие элементы в межуровневой парадигме средств представления ситуации - синтаксичесие дериваты. Производные имена синтаксической деривации имеют непропозициональное словообразовательное значение. Словообразовательная форма синтаксического деривата (соотношение производящей основы и форманта) является средством выражения своеобразной словообразовательной семантики, содержанием которой является категориально-грамматический синкретизм. Содержание СЗ синтаксического деривата - вы-

ражение эффекта преломления набора категориальных грамматических значений исходной мотивирующей единицы через призму грамматической оформленности производного. При включении синтаксического деривата в построение целостного смысла высказывания коммуникативно актуальным является именно этот категориально-грамматический синкретизм. Не создавая нового пропозитивного содержания, словообразовательная форма СД формирует основу нового типа включения пропозициональных смыслов мотивирующей единицы в смысловую структуру высказывания.

Сфера коммуникативной направленности синтаксических и лексических дериватов в качестве текстовых элементов - логико-коммуникативная организация высказывания: словообразовательная форма выступает как средство маркирования не только типа языковой интерпретации именуемой дериватом ситуации, но также маркирования типа логического отношения этой ситуации к другим в рамках макроситуации, именуемой высказыванием как семантически целостной единицей.

Сфера коммуникативной направленности модификационных дериватов определяется синкретизмом рациональной и эмоциональной оценочной семантики. Наличие смысла рациональной оценки свидетельствует о пропозициональной основе СЗ имен этого класса. Однако смыслы, формируемые деминутивным словообразовательным суффиксом в соотношении с разными типами производящих основ, далеко выходят за рамки пропозиционально структурируемой оценочной семантики. При этом генетически исходный смысл рациональной оценки в синхронном текстовом функционировании нередко деактуализируется, "освобождая место" выражению широкого спектра модусных смыслов - эмотивной, экспрессивной, волитивной семантики. В сферу текстовой направленности деминутивного словопроизводства входит и функция логико-коммуникативной организации высказывания. В отличие от синтаксической деривации осуществление этой функции производным именем модификационного словообразования не связано с меной грамматической формы и направлено не к предикатным смысловым компонентам текста, но к именной термовой семантике. В логико-коммуникативной организации высказывания деминутивные производные участвуют через посредство категорий определенности/неопределенности и свойственности/чуждости.

Яркой отличительной особенностью текстового функционирования деминутивного словопроизводства является функциональная экспансия за рамки текста как такового в пределы коммуникативной ситуации. Основанием такого использования деминутивных словообразовательных средств является их способность к косвенной референции, деминутив распространяет свою эмоциональную, экс-

прессивную и волитивную семантику не только на обозначаемое им имя, но и на имена, метонимически с этим именем связанные, а также на высказывание в целом. Деминутив выступает также как средство создания эмоционального фона коммуникации в целом. Такой тип смысловой текстовой и конситуативной экспансии характерен для средств языковой прагматики, одним из ядерных элементов которых и выступают модели деминутивного словопроизводства.

Своеобразие функций отражается и в направленности текстовых смысловых согласований элементов словообразовательной структуры производных деминутивов, среди которых преобладают связи со специализированными средствами выражения смыслов языковой прагматики - частицами, модальными словами, единицами других лексико-грамматических классов во вторичных значениях.

Коммуникативная направленность текстового функционирования трех сфер именного суффиксального словообразования воплощается в разных вариантах, словообразовательные средства участвуют в формировании разных смысловых слоев текста, выступая в качестве элементов формального аппарата частноязыковых функций номинации, предикации и прагматики. Каждая функциональная сфера именного словообразования выполняет комплекс функций, среди которых выделяются ядерные, доминирующие и вторичные, периферийные, либо имплицируемые основными, либо реализуемые лишь ограниченным набором словообразовательных средств..

Словообразовательные средства выступают в качестве одного из элементов формального аппарата частноязыковых функций номинации, предикации, прагматики, реализуя свою функциональную направленность во взаимодействии с элементами других языковых уровней.

Коммуникативно-функциональная модель словообразования была представлена в работе на материале ядерных разрядов обозначенного в названии объекта исследования - русское именное аффиксальное словообразование. Ядерные группы как воплощающие в наиболее яркой форме анализируемые процессы представляют наибольший интерес на начальной стадии работы. Модель описания в работе была представлена преимущественно материалом имени существительного и словообразовательных моделей, ядерных в словопроизводстве единиц этого класса, материал словопроизводства других лексико-грамматических разрядов именной лексики привлекался как дополнительный. За рамками исследования остался интереснейший материал функционально синкретичных словообразовательных типов, составляющих зону переходов между основными функциональными сферами словообразования.

Функциональный аспект именного словообразования нуждается в дальнейшей разработке и в другом направлении. В работе материал именного суффиксального словообразования рассматривался в аспекте направленности на "обслуживание" частных языковых функций, воплощающих основные этапы осуществления акта коммуникации. Представляется важным также анализ включения механизмов морфологического словообразования в состав формального аппарата частных языковых функций как вариантов воплощения коммуникативной функции языка в зависимости от доминирования одного из аспектов акта коммуникации, говорящего (экспрессивная функция), слушающего (конативная), контакта (фатическая) , кода (метаязыковая), действительности (магическая), сообщения (поэтическая). По утверждению Р.Якобсона, в реализации выделенных им частных функций принимают участие единицы разных языковых уровней, специфически каждый раз организуясь, кроме того, он отмечает наличие у каждой частной функции специализированных средств выражения (1, с.198 - 205).

Представляется, что словообразовательные элементы различных функциональных сфер могут входить в состав формального аппарата и этих частноязыковых функций. Выявление этого аспекта функциональной направленности процессов деривации предполагается в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Тексты

Авилова Л.А. Рассказы. Воспоминания. М.: Советская Россия, 1984.

Арсеньев В. В дебрях Уссурийского края. М.: Советская Россия, 1983.

Битов А. Пушкинский дом. М., "Известия", 1990.

Леонов Л.М. Соть. Кемерово: Кн. изд-во, 1985.

Липкин С. Записки жильца // Новый мир. 1992. N 9-10.

Набоков В. Лолита. Камера обскура. Томск: Кн. изд-во, 1990.

Паустовский К. Золотая роза. М.: Советский писатель, 1983.

Приставкин А. Городок. М.: Советский писатель, 1985.

Пришвин А. Лесной хозяин: Повести и рассказы. М.: Прогресс, 1984.

Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978.

Солженицын А. Один день Ивана Денисовича и другие рассказы. Томск: Кн. изд-во, 1990.

Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Прав- да, 1987.

Трифонов Ю. Исчезновение. Время и место. Старик.М.: Современник, 1980.

Цветаева М. Повесть о Сонечке.Новосибирск: Кн. изд-во, 1991.

Словари

Полный словарь сибирского говора. Томск, 1992 - 1995. Т. 1 - 4.

Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965 -1978. Вып. 1 - 2.

Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. Томск, 1964 - 1967. Т. 1 - 3.

Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби: (Дополнение). Томск, 1975. Ч. 1 - 2.

Словарь русского языка: 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1982 - 1984. Т. 1 - 4.

Среднеобский словарь: (Дополнение). Томск, 1983-1986.Ч.1-2.

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1. Терминологические сокращения

вин. - винительный падеж
демин. - деминутивный
диал. - диалектный
ДП - диктумная пропозиция
знач. - значение
ирон. - ироническое
ласкат. - ласкательное
лекс. - лексический уровень
ЛП - логическая пропозиция
морф. - морфемный уровень
МП - модальная пропозиция
ЛЗ - лексическое значение
ЛСЗ - лексико-словообразовательное значение
нареч. - наречие
неодобрит. - неодобрительное
ОМЗ - обобщенно-мотивационное значение
осн. - снова
пад. - падеж
прилаг. - прилагательное
пренебр. - пренебрежительное
род. - родительный падеж
СД - синтаксический дериват
синт. - синтаксический уровень
СЗ - словообразовательное значение
СТ - словообразовательный тип
суф. - суффикс
сущ. - существительное
фон. - фонемный уровень

2. Сокращения в схемах

а) Событийные пропозиции:
S - субъект,
O - объект,
M - место,
T - время,
P,p - предикат;

X, Y, Z, A - термовые элементы пропозиции с неконкретизированной ролью

б) l - логическая пропозиция:

caus - каузальные отношения,

incl - отношение включения,

loc - пространственная смежность,

N - норма,

simult - отношение одновременности,

temp - временная смежность

в) f - припропозициональный смысл фазисности

res - результативность

cont - континуальность

г) Mod - модус,модальность

Act - актуальное

emot - эмотивный

fict - фиктивность

Obj - объективный

Perf - прошедшее время

Pres - настоящее время

Subj - субъективный

д) Об - обстоятельство, П - подлежащее, С - сказуемое

е) знаки:

> , < - больше, меньше

= - смысловое равенство,возможность формальной трансформации без изменения денотативной отнесенности

* - запрещающий знак

=* - смысловое неравенство, семантический запрет на формальную трансформацию

-> , <-> ,<- - направление смысловой зависимости

3. Библиографические

РРРТ - Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978.

РРР - авторская картотека фрагментов разговорной речи.

СРНГ - Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965 -1987. Вып. 1 - 22.

4. Географические

Амур. - Амурское

Арх. - Архангельская область
Влад.- Владимирская область
Волог. - Вологодская область
Ворон. - Воронежская область
Вят. - Вятская губерния
Костром. - Костромская область
Курск. - Курская область
Куйб. - Куйбышевская область
Моск. - Московская область
Нижегор. - Нижегородская губерния
Новг. - Новгородская область
Орл. - Орловская область
Псков. - Псковская область
Ряз. - Рязанская область
Твер. - Тверская область
Том. - Томская область
Урал. - Уральское
Южн. - Южное

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. К обоснованию коммуникативно-функционального описания словообразования 12

1.1. Системно-структурная модель описания словообразования. Три смысловые сферы именной деривации 12

1.2. Функционализм - одна из методологических установок современной научной парадигмы 19

1.2.1. Термины "функция", "функциональный" в системных моделях языка 19

1.2.2. Языковые и речевые функции элементов 24

1.2.3. Исследование функций языковых элементов с ономасиологических и семасиологических позиций 26

1.3. Функционализм в описании словообразовательной подсистемы русского языка 29

1.4. Словообразовательные механизмы в процессах осуществления коммуникативной функции языка 37

1.4.1. Мутационное словообразование в механизмах номинативной функции языка 41

1.4.2. Синтаксическая деривация в механизмах предикативной функции языка 45

1.4.3. Модификационное словообразование в механизмах прагматической функции языка 48

Литература 53

Глава 2. Синтаксически ориентированная деривация 61

2.1. О формально-смысловой структуре высказывания 61

2.1.1. Способы номинации пропозиций 63

2.2. Смысловые преобразования в процессах синтаксической деривации 66

2.3. Принцип коммуникативного приоритета при описании функции синтаксической деривации 70

2.4. Функции отглагольных существительных в формально-смысловой организации текста 71

2.4.1. Коммуникативная аспектация одной ситуации

(монопропозитивные структуры) 74
2.4.2. Логическая организация полипропозитивной структуры высказывания 79
2.4.3. Тема-рематическое развертывание текста 87
2.5. Общая характеристика отадъективного наречия как синтаксического деривата 92
2.5.1. Функции отадъективных наречий в организации формально-смысловой структуры высказывания. Аспектация одной ситуации 94
2.5.2. Логическая организация полипропозитивной структуры высказывания 96
2.5.3. Модусное функционирование наречия 101
Литература 104
Глава 3. Номинативно ориентированная деривация 107
3.1. Лексический дериват и текст. Генетический и синхронно-функциональный аспекты 107
3.2. Генетический аспект. Типы логических основ именного словообразования 111
3.2.1. Пропозитивные и модусные смыслы в производном лексическом деривате 111
3.2.2. Моно- и полипропозитивные мотивационные структуры мутационной деривации 117
3.2.3. Содержательные типы пропозиций мутационного именного словообразования 121
3.2.4. Типы полипропозитивных мотивационных структур 130
3.3. Генетический аспект. Лексическое и словообразовательное значение в смысловой структуре слова 134
3.3.1. К вопросу о степени формальной выраженности словообразовательного значения 136
3.3.2. Типы соотнесенности словообразовательного и лексического значений в смысловой структуре производных имен мутационной деривации 137
3.4. Синхронно-функциональный аспект. Текстовое функционирование производных имен мутационной деривации и факторы, его определяющие 141
3.4.1. Функционирование имен номинальных классов 143
3.4.2. Функционирование производных имен естественных родов 155
Литература 162
Глава 4. Прагматически ориентированная деривация 166
4.1. Модификационное словообразование в аксиологически направленной деривации 166
4.2. Смысловое и функциональное варьирование деминутивного суффикса в сочетании с разными типами производящих основ 169
4.2.1. Производящие основы с конкретно-предметным значением 169

4.2.2. Производящие основы со значением лица 174
4.2.3. Производящие основы со значением процесса, признака, состояния 176
4.2.4. Производящие основы со значением времени 178
4.2.5. Производящие основы со значением вещественности 180
4.3. Текстовые функции деминутивного словопроизводства 182
4.3.1. Эмоциональные смыслы деминутива и текст 182
4.3.2. Экспрессивная функция деминутивного словопроизводства 185
4.3.3. Деминутивное словообразование как одно из средств выражения категории определенности 188
4.3.4. Деминутивное словообразование как одно из средств выражения категории свойственности/чуждости 192
4.3.5. Типы косвенной референции семантики деминутивного суффикса 197
4.3.6. Деминутивное словообразование в контексте первичных речевых жанров и функциональных стилей литературного языка 201
Литература 204
Заключение 207
Основные источники 212
Сокращения и условные обозначения 213

Зоя Ивановна Резанова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ:
Русское производное имя

Редактор Т.В. Зелева
Компьютерная верстка Г.П. Орлова

Сдано в набор 16.04.96 г. Подписано к печати 17.09.96 г. Формат 60x84 1/16. Бумага типографская N 1. Гарнитура "Дутч". Печ. л. 13,8. Усл. печ.л. 12,8. Уч.-изд. л. 12,3. Тираж 500 экз. Заказ 245

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Ротапринт ТГУ, Томск, ул. Никитина, 4.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Русское производное имя